Елена ПРОКОФЬЕВА
Марьяна СКУРАТОВСКАЯ
Софья АННИНА

ОКНО В ИСТОРИЮ

Принцессы Романовы: царские дочери

bhv

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С начала XVIII века царские дочери были самым драгоценным дипломатическим «товаром». От них требовалось служение сразу двум государствам: своей отчизне, о которой они никогда не должны были забывать, и той стране, которой им предстояло править. Книга повествует о судьбах дочерей Петра Великого, Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. Для большинства «принцесс Романовых» жизненное кредо состояло в исполнении своего долга и смирении. Они находили счастье в служении своей новой стране и покинутой отчизне. Меньше было тех, кто осмеливался бунтовать, любить и выстраивать жизнь согласно собственным желаниям. Через призму 13 индивидуальных женских историй можно прочесть историю великой России на протяжении двух веков.

Для широкого круга читателей

- Е. В. Прокофьева, М. В. Скуратовская, С. А. Аннина
  - ○
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Глава 1. Первые принцессы: Анна и Елизавета, дочери Петра Великого
  - ○ Глава 2. Цветник Павла I
    - ■
    - ■ Великая княжна Александра Павловна, палатина Венгерская
    - ■ Великая княжна Елена Павловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская
    - ■ Великая княжна Мария Павловна, герцогиня Веймарская
    - ■ Великая княжна Екатерина Павловна, принцесса Голштейн-Ольденбургская, королева Вюртембергская
    - ■ Великая княжна Анна Павловна, королева Нидерландов
  - ○ Глава 3. Три жемчужины Николая I: Мария, Ольга, Александра
  - ○ Глава 4. Сокровище Александра II: великая княжна Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская и герцогиня Саксен-Кобург-Готская
  - ○ Глава 5. Последние принцессы: Ксения и Ольга Александровны

- notes
  - 1

Е. В. Прокофьева, М. В. Скуратовская, С. А. Аннина Принцессы Романовы: царские дочери

© Прокофьева Е. В., Скуратовская М. В., Аннина С. А., 2016
© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2016

Авторы выражают огромную признательность

Дарье Корольковой – без ее помощи и поддержки эта книга могла бы и не состояться,

а также благодарят Наталью Харсу и Софью Пономареву за содействие в сборе иллюстративного материала

Вступление

«Принцессы Романовы». Так называли их в Европе.

Принцессами, а не царевнами в европейской истории стали называться дочери и племянницы русских царей, начиная с эпохи петровских реформ.

Прежде их судьбы были однотипно печальны. Историк Михаил Семеновский писал, что с рождением дочери в царской семье допетровских времен «прибавлялась только новая инокиня, судьбою, вековым обычаем обреченная на уединенную, тихую жизнь вдали от всего, что так сладостно в жизни, от печалей и радостей, жизни общественной. Никакой монастырь не мог быть скромнее и благочестивее царских теремов. В глубоком уединении, частью в молитве и посте, частью в занятиях рукоделием и в невинных забавах с сенными девушками проводили они свои дни… Никогда посторонний взгляд не проникал в их хоромы: только патриарх и ближние сродники царицы могли иметь к ним доступ… Народ знал их единственно по имени, возглашаемому в церквах, при многолетии царскому дому, также по щедрым милостыням, которые они приказывали раздавать нищим. Ни одна из них не испытала радостей любви, и все они умирали безбрачными, большей частью в летах преклонных. Выходить царевнам за подданных запрещал обычай, выдавать их за принцев иноземных мешали многие обстоятельства, в особенности различие вероисповедания. Таким образом отшельницы мира с самого младенчества, недоступные никаким надеждам или желаниям, выходившим из круга повседневной жизни, нисколько незнакомые ни с семейным, ни с общественным бытом, ни тем менее с жизнью государственной, царевны увязали в своих недоступных светлицах».

Первыми русскими принцессами, чьи лица и чей нрав сделались известными всем придворным и иноземцам, явились Анна и Елизавета, дочери Петра Великого. Они же первыми из царских дочерей надели европейское платье и стали вести образ жизни, соответствующий статусу принцесс.

Итак, с XVIII столетия «принцессы Романовы», подобно другим европейским принцессам, стали драгоценным товаром в политической торговле, заложницами мира между государствами. Получить в жены одну из них, породниться с могущественной Россией сделалось престижно, тем более что замуж они шли в основном за принцев и герцогов мелких германских княжеств или небольших скандинавских королевств, ибо там исповедовалось лютеранство. Русские жены оставались православными,

привозили с собой духовников, отстраивали домовые церкви, организовывали приходы… Всего лишь раз великую княжну выдали замуж за католика: Александру Павловну, прелестнейшую из дочерей Павла I – за Иосифа, палатина Венгерского. Окончилась эта история более чем печально, и больше с католиками Романовы в родство не вступали. Но вообще, о великих княжнах в царские времена писали немного и неинтересно: только о добродетелях их, о благотворительности, и ничего – о тайных страстях, иной раз кипевших вокруг них или даже в их сердцах. А когда трехсотлетнее величие Дома Романовых рухнуло, смятенное революционным ураганом, об императорах и императрицах писать стали мало и в основном – негативно, а уж о великих княжнах, в юные годы вышедших замуж и уехавших за границу, – и вовсе ничего, они были неинтересны новой власти и новой истории.

Висели в Эрмитаже и Русском музее портреты прелестных девушек: их сохранили, потому что они принадлежали кисти великих художников – Дмитрия Левицкого, Василия Боровиковского, Элизабет Виже-Лебрен, Джорджа Доу, Карла Брюллова, Валентина Серова… Но мало кто знал о жизни тех, кто был изображен на портретах.

В Петергофе, в качестве экспоната парковой архитектуры, сохранилась мемориальная скамейка великой княжны Александры Николаевны, украшенная ее мраморным бюстом: изящная головка, тонкий профиль, грустный взгляд… Многие поколения посетителей задерживались возле этого бюста, всматривались в красивое личико, но невозможно было узнать о судьбе этой девушки: о ее короткой, простой и печальной жизни.

Между тем, за границей – в Германии, в Голландии, в Австрии, в Великобритании, в Греции – жила память о русских принцессах. Как драгоценные памятники оберегали их могилы и выстроенные ими дворцы, как реликвии сохраняли принадлежавшие им вещи. Лишь недавно начали издаваться на русском языке исследования жизни великих княжон, и все равно большинство фактов о жизни этих женщин мы можем узнать только из зарубежных источников, а что-то – только из архивных документов.

Но знать о них необходимо. Ведь судьбы этих женщин – пусть не самая важная, однако же значительная и интересная часть отечественной истории. А знание истории, память о ней – необходимая составляющая для духовного становления, для самоуважения как нации в целом, так и каждого человека по отдельности.

Из этой книги читатели узнают о судьбах всех царских

дочерей с начала XVIII века, которые могли именоваться уже не только царевнами, но – «принцессами Романовыми». Всех, кроме четырех дочерей Николая II, ибо у этих девочек почти что и не было самостоятельных биографий, они почти и не жили, их общей судьбой стало мученичество и гибель вместе с родителями и братом. Их история – кровавая, страшная – выходит далеко за грань даже самых драматических судеб их предшественниц. О них надо писать отдельно… Это слишком больная тема, слишком далекая от словосочетания «женские судьбы», которое нам хотелось бы сделать краеугольным камнем нашей книги о русских принцессах. Потому что судьба Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии – это судьба не женщин, а ангелов. Остальным русским принцессам все-таки посчастливилось пройти, иногда пусть недлинный, но земной путь: при всех бедствиях, зачастую их постигавших, они все-таки были женщинами и успели вкусить сладость жизни. О них наша книга.

Глава 1. Первые принцессы: Анна и Елизавета, дочери Петра Великого

В детстве они были неразлучны – две прелестные девочки, темноволосая и белокурая. Старшая сестра, живой портрет своего отца в девичьем обличье, умерла совсем юной на чужбине, успев родить будущего императора Петра III, чье правление было бесславным и окончилось трагически. Младшая вошла в историю как «блистательная Елисавет», «кроткая Елисавет», «веселая Елисавет» – императрица Всея Руси Елизавета I.

* * *

Из одиннадцати детей Петра I и его возлюбленной, а потом супруги Марты Скавронской, ставшей при крещении в православие Екатериной Алексеевной, дожили до отрочества только двое. Три маленьких Павла, два Петра, две Натальи, Екатерина и Маргарита умерли кто в младенчестве, кто в раннем детстве. Обычное явление для тех времен: смерть не различала отпрысков монархов и крестьянских ребятишек. Но то, что в царской семье она пощадила лишь дочерей, повлекло за собой множество раздоров и интриг и в немалой степени предопределило судьбу российского трона. (Единокровный брат девочек Алексей, сын Петра I от Евдокии Лопухиной, был, как мы знаем, обвинен в государственной измене и погиб при неясных до сих пор обстоятельствах в 1718 году.)

Анна и Елизавета родились одна за другой: 27 января 1708-го и 18 декабря 1709 года. Еще не царевны, более того – незаконнорожденные. С их матерью Петр обвенчался только в феврале 1712 года. Венчание проходило в храме Исаакия Далматского – простой деревянной церкви для шкиперов, ничем не походившей на величественный Исаакиевский собор, воздвигнутый спустя полтора века. Сама церемония тоже была очень скромной.

За женихом и невестой, обходившими аналой, едва поспевали две крошечные девочки. Отныне Аннушка и Лизонька считались, по старинному русскому обычаю, «привенчанными», то есть приравненными к детям, рожденным в законном браке. Но вопрос о сомнительности их происхождения всплывал еще не однажды…

* * *

После свадьбы, столь же лишенной помпезности, сколь и венчание, жизнь девочек сильно изменилась. Им отвели собственные покои во дворце, приставили к ним отдельных поваров и прочую прислугу. Мать теперь могла открыто баловать своих любимиц, наряжать их как куколок и, не стесняясь в средствах, выписывать платья по последней моде, сшитые самыми умелыми европейскими портными.

На ассамблеях, введенных Петром в 1718 году, уже подросшие царские дочки блистали и в переносном, и в буквальном смысле – их костюмы были расшиты золотом и серебром, а головные уборы украшены бриллиантами.

Портреты девочек заказывали придворным художникам. Сохранилось несколько картин кисти Луи Каравака, изобразившего Анну с Елизаветой и их младших братца и сестрицу, рано умерших Петра и Наталью, юными греческими божествами.

Еще в 1711 году Петр подарил Екатерине земли на южном берегу устья Невы, неподалеку от места, где 6 мая 1703 года произошла одна из решающих битв Северной войны: русские войска во главе с царем и Александром Меншиковым захватили шведские корабли «Гедан» и «Астрильд». В память об этой победе Петр велел разбить красивый пейзажный парк, существующий и поныне. (Сейчас Екатерингофский парк находится в нескольких минутах ходьбы от станции метро «Нарвская» и Нарвских триумфальных ворот.) А для каждой из трех самых дорогих своих женщин – построить по дворцу. Таким образом, и у матери, и у маленьких дочерей были собственные летние резиденции. Екатерингоф, Анненгоф и Елизаветгоф располагались поблизости, и хозяйки коротали часы досуга то в одной, то в другой усадьбе. К сожалению, деревянные дворцы не сохранились до наших дней.

Дочери Петра Великого были значимыми фигурами на политической шахматной доске. Правда, при этом оставаясь пешками.

Петр нежно любил обеих. И рассудительную скромницу Анну, в которой видел свое подобие и, возможно, свою будущую наследницу (о чем мы поговорим чуть позднее). И кокетливую веселую Елизавету, в честь рождения которой прервал торжества по случаю разгрома шведов под Полтавой, воскликнув: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с пришествием в этот мир мою дочь!»

Однако не будем забывать, что в результате кардинальных реформ в политике Петра его дочери и их двоюродные сестры, дочери покойного царя Иоанна, сделались первыми русскими царевнами, которые могли рассчитывать на иную участь, кроме как вечное девичество в монастырской келье. Брак, пусть и по расчету, давал девушкам хоть какую-то надежду на счастье. Как исстари повелось у царственных отцов, обдумывая будущее девочек, Петр меньше пекся об их чувствах, нежели о государственных интересах.

Анну и Елизавету готовили в жены европейским королям и герцогам – а значит, и воспитывали так, чтобы они не ударили лицом в грязь перед Европой. Не скажешь, что их образование отличалось разносторонностью и систематичностью, но другого странно было по тем временам и желать, учитывая, что речь шла о девочках. Царевен учили основам грамматики, иностранным языкам, танцам. Плоховато, но писать обе умели уже в восемь лет. Знали немецкий, французский, итальянский и шведский. Причем, как бы мы сейчас выразились, – от «носителей» языка: виконтессы Латур-Ланнуа, немецкого педагога Глика и своей воспитательницы Марианны Маньяни. Шведский выучился как-то сам собой: среди окружения Петра было много шведов, а среди прислуги – говоривших на этом языке представителей народов Ингрии. Изящные па и пируэты девочкам показывал танцмейстер Стефан Рамбур.

Разница между сестрами стала очевидна очень рано: Анна выказывала куда большие способности и прилежание за письменным столом, Елизавета не знала себе равных на ассамблеях и балах.

Тем не менее, девочки были очень дружны. Этому способствовало и то, что царь Петр часто и надолго уезжал, мать нередко сопровождала мужа и в дипломатических поездках, и в военных кампаниях, а братья и сестры были слишком малы, вдобавок не заживались на свете.

Родители явно надеялись, что серьезная Аннушка будет положительно влиять на легкомысленную Лизоньку. Иногда эти надежды сбывались. Екатерина Алексеевна писала своей старшей дочке издалека, прося «для Бога потщиться писать хорошенько, чтоб похвалить за оное можно и вам послать в презент прилежания вашего гостинцы, на то б смотря, и маленькая сестричка также тщилась заслуживать гостинцы». И действительно, вскоре самостоятельно вести переписку могла уже и Елизавета. «Лизетка, друг мой, здравствуй! – приветствовал ее отец. – Благодарствую вам за ваши письма, дай Боже вас в радости видеть».

* * *

Шло время, девочки росли. И необходимость подыскать им достойных, а главное, полезных России супругов из отдаленной перспективы превращалась в насущную задачу. Тем более что решать такие вопросы при дворах монархов предпочитали загодя.

О предстоящем браке Елизаветы Петр всерьез задумался уже около 1717 года. Жениха для семилетней «невесты» отец приглядел завидного – ровесника Лизоньки Людовика XV, два года как взошедшего на французский престол. Ради этого союза Петр с Екатериной готовы были пойти на неслыханный шаг – разрешить дочери принять католичество.

Но Елизавете не довелось узнать, стоит ли Париж мессы. Ее отец умер, не успев даже просватать младшую дочь. Мать же продолжала питать надежды в отношении французского короля вплоть до женитьбы Людовика на Марии Лещинской, дочери бывшего короля Польского и великого князя Литовского Станислава I, в сентябре 1725 года.

Обсуждалась и возможность брака Елизаветы Петровны с юными французами рангом пониже – Шарлем де Бурбоном-Конде, графом Шароле, и другим Бурбоном, герцогом Шартрским, сыном регента при короле Филиппа Орлеанского.

Что до графа – хорошо, что переговоры ничем не закончились, поскольку в зрелые годы последний из Шароле прослыл человеком беспутным и жестоким.

Что до герцога… Регент, хотя сам и выдвинул идею брака сына с русской принцессой, колебался, рассуждая так: «…за невестой один недостаток: мать ее женщина темного происхождения, и эту темноту не может рассеять весь блеск славы отца невесты».

Несомненно, то же соображение и в случае с Людовиком XV было аргументом «против», причем куда более веским.

А когда Петр умер и «женщина темного происхождения» заняла его место на троне, французы и вовсе потеряли к русской невесте интерес.

* * *

Суженый Анны, герцог Гольштейн-Готторпский Карл-Фридрих, появился на горизонте около 1718 года.

Сын старшей сестры короля Швеции Карла XII, после смерти дяди он имел все права на трон, но его оттеснила младшая сестра короля Ульрика-Элеонора. Петр, тем не менее, счел, что законный

наследник престола в качестве зятя – солидный козырь в игре со Швецией. Новый родственник должен был помочь ему добиться выгодных условий мира в затянувшейся Северной войне, получить влияние на политику скандинавских стран, а также выход к Балтийскому морю в голштинском городе Киле.

Со своей стороны, с помощью могущественного зятя голштинец надеялся вернуть принадлежавшее ему герцогство Шлезвиг, отобранное Данией, – а там, кто знает, может быть, и добраться до вожделенной шведской короны.

Теперь уже, однако, сам Петр долго колебался, присматриваясь к кандидатуре. То ли из стратегических соображений, то ли сомневаясь, что не отличающийся ни образованностью, ни доблестью, ни смекалкой юноша подходит его красавице и умнице Анне.

Однако 27 июня 1721 года, в день празднования годовщины Полтавской битвы, Карл-Фридрих наконец приехал в Петербург. За несколько дней до этого в русскую столицу прибыл камер-юнкер из его свиты Фридрих-Вильгельм Берхгольц. И именно он первым познакомился с царской семьей.

Молодой человек, впечатлительный, наблюдательный и обладавший несомненным литературным даром, оставил историкам свои дневники. Вот запись о его встрече с дочерьми Петра в Летнем саду:

«Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты и только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно. Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру».

Так и хочется придать очаровательной жанровой сценке символический смысл, которого на самом деле в ней нет.

Анне к тому времени исполнилось тринадцать лет, Елизавете – одиннадцать. По обычаю, девочки из знатных семейств носили на спине крылышки, олицетворявшие ангельскую невинность, до вступления в пору девичества. Ничего зловещего в том, что

старшую дочь Петра уже считали взрослой девушкой, разумеется, и быть не могло.

Но мы, глядя на эту сцену глазами восторженного камер-юнкера, знаем, в отличие от него, о печальной участи, ожидающей юную царевну. И оттого не можем не вздохнуть: «Ангел с подрезанными крыльями…»

* * *

Жениховство Карла-Фридриха продлилось три года. Пикантность его положения заключалась в том, что герцог даже не знал, чей он, собственно, жених – Анны или Елизаветы.

Царь-отец отделывался туманными отговорками. Вряд ли Петр действительно прочил Карлу-Фридриху в жены Елизавету – ведь он надеялся выдать ее замуж во Францию.

По воспоминаниям Берхгольца и другого приближенного герцога, голштинского первого министра графа Бассевича, сам Карл-Фридрих охотнее выбрал бы младшую из царевен. Хотя обе царевы дочки были хороши собой, Елизавета, более живая, раскованная и, говоря по-современному, более сексапильная, с детства превосходила старшую сестру в умении нравиться людям. Особенно – мужчинам.

Впрочем, Бассевич, имевший на Карла-Фридриха большое влияние, явно отдавал предпочтение Анне. Впоследствии он писал:

«Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчили в ней. Ничто не могло быть величественнее ее осанки и физиономии; ничто правильнее очертаний ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее были неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Ко всему этому присоединялись проницательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование…»

Иван Никитин. Портрет царевны Анны Петровны, дочери Петра I (до 1716 г.)

Голштинский герцог старался держаться с сестрами ровно, ухаживая, как подобало приличиям, за обеими, а заодно оказывая трогательные знаки внимания и их матушке, все еще прелестной Екатерине Алексеевне. Та же говорила, что полюбила его, словно родного сына.

Что думали царевны о Карле-Фридрихе, сказать сложно. Гостя в России щедро вознаграждали за томительное ожидание – всячески баловали и развлекали, приглашали на пиры, балы и маскарады. Нашлись «друзья», которые быстро пристрастили слабохарактерного герцога к бутылке. Доходили слухи, что голштинец «искал в низших классах наемной любви». Вряд ли это могло понравиться девушкам-подросткам, в особенности серьезной и застенчивой Анне, несмотря на уверения Берхгольца, что она-де испытывает к его господину искреннюю и нежную привязанность. К тому же герцог был неказист внешне. В общем, он мало годился в романтические герои.

30 августа 1721 года произошло важное для истории России

событие – был подписан Ништадтский мир, положивший конец войне со Швецией. Она продолжалась двадцать один год. Петр I говорил: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была. Однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Международное влияние Петра упрочилось, территория России обросла Лифляндией, Эстляндией, Ингерманландией и другими землями.

В честь долгожданной победы Сенат и Синод преподнесли царю титул Императора Всероссийского. Страна отныне стала именоваться Российской империей.

Обеим дочерям Петра были присвоены титулы цесаревен.

А вот у герцога Гольштейн-Готторпского не имелось причин для радости – он не получил ни звания престолонаследника, ни Шлезвига.

С неопределенностью его положения при русском дворе было покончено только 24 ноября 1724 года, когда все-таки состоялось его обручение с Анной Петровной. Брачный контракт предусматривал отказ герцога и его супруги от притязаний на российскую корону. Однако Петр оставлял за собой право призвать на российский трон кого-либо из сыновей четы по своему выбору.

«Сейчас видно было по всему, что Его Высочеству (как мы все пламенно того желали) достанется несравненно прекрасная принцесса Анна. Так разрешилась продолжавшаяся доселе неизвестность, на кого падет жребий, на старшую или на вторую принцессу. Против красоты и привлекательности принцессы Елизаветы хоть и ничего нельзя сказать, однако ж все мы, по многим причинам, склонялись на сторону принцессы Анны и сердечно желали, чтобы она была нашею герцогинею», – с облегчением и радостью писал в дневнике Берхгольц.

* * *

Видел ли когда-либо Петр в своей старшей дочери продолжательницу своего дела? Есть немало сторонников этой версии. По ней Петр, не желавший, чтобы на престол взошел его внук и тезка, сын мятежного царевича Алексея, едва ли не с детства Анны вынашивал мысль назначить ее наследницей, а подыскивая ей мужа – выбирал для нее соправителя, принца-консорта по британскому образцу.

Об этом уверенно говорили в русских и французских дипломатических кругах при обсуждении идеи союза все того же

герцога Шартрского, но уже с Анной Петровной.

О том же могло бы свидетельствовать появление петровского Указа о престолонаследии от 1722 года, отменявшего старый порядок передачи трона по мужской линии по старшинству и дававшего государю право самому назначать наследника.

Однако Петр I всегда четко заявлял, что намерен передать трон своей супруге Екатерине. И даже заподозрив жену в измене, что стоило ей доверия Петра, а обер-камергеру Вилиму Монсу – головы, лишь поспешил обручить старшую дочь. А упомянутым брачным контрактом, казалось бы, ясно дал понять, что рассчитывает на внуков от Анны, но никак не на нее саму.

Но в январе 1725 года, находясь при смерти, император потребовал письменные принадлежности и написал: «Оставьте всё…». Рука не слушалась. Петр позвал к себе Анну, чтобы она писала дальше под диктовку, но, когда девушка пришла, уже не мог говорить.

Очевидцы не сомневались, что Анна должна была по воле отца продолжить фразу собственным именем. Наверняка же мы этого уже никогда не узнаем.

Что ж, даже этот сильный и решительный человек мог колебаться, когда речь шла о важнейших для него вопросах…

* * *

Венчание, отложенное из-за болезни и смерти Петра I (и его самой младшей дочери, маленькой Натальи, скончавшейся через месяц после отца) и траура, состоялось 21 мая 1725 года в церкви Святой Троицы. Свадьбу играли три дня. Были и пушечная стрельба, и народные гулянья, и фонтаны, «которые текли винами красным и белым».

А после свадьбы молодые переехали в трехэтажный каменный особняк, нанятый Карлом-Фридрихом у генерал-адмирала Апраксина. Если бы Анна могла читать Диккенса, она назвала бы этот особняк «Холодным домом». Галантного дамского угодника как подменили. Он часто не ночевал дома, в Петербурге сплетничали о Карле-Фридрихе и некой «московской гризетке»…

Мало того что замужество с первых дней стало для Анны огромным разочарованием – она, вместе со своим супругом, стала жертвой дворцовых интриг. Светлейший князь Меншиков, ближайший соратник и старый друг Петра, помог после его смерти взойти на трон Екатерине Алексеевне и явно рассчитывал, что новоиспеченная правительница будет прислушиваться исключительно к его советам. Но та излишне, по мнению

Меншикова, благоволила к любимому зятю Карлу-Фридриху, настаивая на его активном участии в государственных делах. Конкурент светлейшему был не нужен. К тому же здоровье царицы стало стремительно ухудшаться. А после ее смерти Анна Петровна с ее будущими детьми стали бы серьезной угрозой для цесаревича Петра Алексеевича, которого Меншиков хотел женить на своей дочери.

Екатерина I скончалась 6 мая 1727 года. Перед смертью она торопилась устроить будущее Елизаветы – в Петербург прибыл двоюродный брат Карла-Фридриха Карл-Август Гольштейн-Готторпский. Этот брак русской цесаревны и голштинца мог бы быть удачным – жених и невеста успели влюбиться друг в друга. Но Карл-Август заразился оспой и умер спустя три недели после несостоявшейся тещи.

К составленному перед самой кончиной императрицы завещанию, вероятно, приложили руку и Меншиков, и муж Анны. Согласно документу наследником назначался, как и хотел Меншиков, цесаревич Алексей, но вслед за ним шла Анна с ее потомками, а затем Елизавета. Опекунство мальчика-царя Меншиков должен был разделить с обеими цесаревнами, что тоже было князю отнюдь не на руку.

Пользуясь неразберихой при дворе, Меншиков чинил герцогской чете крупные и мелкие козни, а под конец просто-напросто «попросил» Карла-Фридриха убраться на родину, да поскорее. Что герцог с супругой и сделали, отплыв из Петербурга 27 июля.

Светлейший еще не подозревал, что очень скоро юный царь выйдет из-под его контроля, лишит власти, богатств, титулов, всех надежд и подвергнет его позорной ссылке в Сибирь.

* * *

В порт города Киля чета прибыла 13 августа. Встреча с новой жизнью оказалась для Анны Петровны столь же безрадостной, каким было расставание со старой. Голштинцы хорошо приняли молодую герцогиню, но сам герцог… Он уделял красавице жене еще меньше внимания, чем в России. Анна и Карл-Фридрих и дни, и ночи проводили каждый на своей половине, даже обедали врозь. Поначалу Анна не так уж и скучала. Ведь она была той, о ком французский дипломат Лави когда-то написал: «…вылитый портрет царя-отца… и хочет обо всем знать». Изучение местного уклада и быта очень занимало ее. Но все чаще и чаще герцогиня жаловалась в письмах любимой сестре Елизавете на скуку,

одиночество, неверность мужа, который особо и не скрывал своих амурных похождений.

10 февраля 1728 года Анна родила сына – Карла-Петера-Ульриха, будущего российского императора Петра III. Городской магистрат преподнес новорожденному серебряную колыбель, обитую изнутри синим бархатом. Но, глядя на младенца, агукающего в роскошной колыбельке, мать печалилась: «Бедный малютка, не на радость ты родился». Однако ей не суждено было узнать, насколько верным оказалось ее пророчество.

Смерть Анны Петровны, герцогини Гольштейн-Готторпской, описывают по-разному.

По одним сведениям, она простудилась, открыв окно, чтобы полюбоваться фейерверком, устроенным в честь рождения малыша. Анна посмеивалась над всполошившимися фрейлинами: «Мы, русские, не так изнежены, как вы!..» Но слегла в горячке и на десятый день скончалась.

По другим – она мучительно умирала три месяца, не оправившись после родов.

Дочь Петра попросила похоронить ее «подле батюшки». И последнее желание ее исполнили.

Из Москвы, куда перебрался Петр II со своим двором, на похороны в Петербург не приехал никто из родственников и вельмож. Даже Елизавета. Правда, она тяжело переживала смерть сестры: плакала и молилась, на несколько дней запершись в своих покоях.

По свидетельствам современников, Карл-Фридрих тоже искренне горевал, видимо, поняв, какое сокровище потерял. Он больше не женился и отныне предпочитал уединение компаниям и попойкам. Умер герцог в поместье Рольфсхаген в 1739 году в возрасте сорока лет. Незадолго до кончины он написал в своих заметках: «Я искал покой и не находил его».

В 1735-м герцог учредил в память о своей юной русской жене орден Святой Анны. Со временем эта награда стала российской и присуждалась вплоть до революции 1917 года.

* * *

Будущая императрица Елизавета Петровна продолжала вести внешне беззаботную жизнь. Она упивалась балами и охотой – и совершенствовалась в даре очаровывать. Пленился ею (пусть и не без влияния хитрого царедворца Остермана) даже родной племянник, Петр II. Но Петр был подростком, а Елизавета – взрослой девицей. Как кавалер он ее не интересовал. И хотя о

перспективе брака двух ближайших потомков Петра Великого поговаривали всерьез, отношения тетки и племянника ограничились нежной родственной дружбой.

Неизвестный художник. Портрет царевны Елизаветы Петровны в юности

Эта дружба на время охладела, когда мальчик-царь, приревновав тетушку к приглянувшемуся ей камергеру Бутурлину, отослал последнего воевать с татарами на Украину. Племянник вообще старался отвадить от Елизаветы всех мужчин – например, сорвал проект ее брака с бранденбургским курфюрстом и отправил за границу очередной объект симпатии цесаревны, обер-гофмейстера Нарышкина.

После безвременной смерти юного императора в 1730 году Елизавета, согласно завещанию Екатерины I, должна была стать его преемницей. Но Верховный тайный совет, объявив цесаревну незаконнорожденной, призвал на царствование Анну Иоанновну.

Елизавета одной из первых при дворе присягнула на верность кузине. И хотя между новой императрицей и ее родственницей, такой красивой и такой опасной, нередко случались ссоры –

казалось, дочь Петра I вовсе не думает о троне и не питает никаких политических амбиций.

Совершив 25 ноября 1741 года дворцовый переворот, возведший ее на престол, Елизавета Петровна наглядно продемонстрировала, сколь ошибочным было это мнение.

До самой смерти «блистательная Елисавет» не забывала свою сестру. Воспользовавшись упоминавшимся выше Указом о престолонаследии, она, как мы знаем, сделала своим наследником сына Анны Карла-Петера-Ульриха.

На выбор Елизаветой невесты для наследника тоже повлияла память о прошлом – ее покойный жених Карл-Август доводился дядей принцессе Фике, впоследствии известной как Екатерина II.

Глава 2. Цветник Павла I

Первым браком цесаревича Павла Петровича мать, императрица Екатерина Великая, женила на принцессе Гессен-Дармштадской Августе-Вильгельмине, в православии крещенной Натальей Алексеевной. Павел страстно любил свою изящную и остроумную супругу, но она не платила ему взаимностью, и даже напротив – изменяла ему с его же лучшим другом Андреем Разумовским. Поговаривали, что Августа-Вильгельмина отдалась Разумовскому еще до венчания с Павлом, на корабле, который вез ее в Россию. При дворе все знали об их связи – и только цесаревич наивно полагал, что жена и друг его связаны только общей симпатией к нему, к Павлу!

Финал истории оказался печален: Наталья Алексеевна забеременела, но не смогла разродиться и умерла вместе с младенцем после пяти суток чудовищных мучений. Оказалось, что она вообще была неспособна рожать: травма позвоночника в детстве не позволяла плоду самостоятельно передвигаться по родовым путям, а родовспоможение тех времен не позволяло извлечь ребенка каким-то другим способом, кроме естественного.

Государыня Екатерина Алексеевна была очень разгневана открывшейся правдой о состоянии репродуктивного здоровья Натальи Алексеевны. Ее, Екатерину Великую, провели! И как провели! Перед свадьбой Августа-Вильгельмина отказалась от обследования под предлогом девичьей стыдливости! Екатерина тогда не стала настаивать, поскольку была уверена: истинная подоплека отказа – в том, что невеста уже утратила непорочность. Но не непорочность Августы-Вильгельмины волновала ее будущую свекровь, тоже не отличавшуюся особым целомудрием. Екатерину Великую интересовала плодовитость девушки, которую она специально выбрала в одной из самых многодетных королевских семей Европы.

Екатерина мечтала о внуке. Она хотела воспитать его сама, вложив в его ум и душу все, что не смогла вложить в ум и душу сына, с которым была разлучена с первого дня его рождения и до самой смерти своего ненавистного супруга. Когда она воссоединилась с Павлом, он был уже подростком и влиять на него было поздно. А внук мог бы стать ее истинным наследником и преемником! Ведь уже тогда Екатерина планировала передать власть внуку – минуя сына. Она понимала: если Павел придет к власти – Россия окажется в плену кошмара. Как, собственно, и случилось, вопреки всем ее стараниям.

И сейчас ее настигло первое, такое ужасное разочарование:

ведь ребенок, здоровый мальчик, так и скончался во чреве своей матери! Императрица легко пережила смерть невестки. Но вот ребенок крови Романовых был поистине серьезной утратой.

Говорили, будто Екатерина начала искать сыну новую жену едва ли не в самый день кончины Натальи Алексеевны. И нашла подходящую кандидатуру очень быстро. София-Доротея Вюртембергская, четырнадцатилетняя красавица, рослая, полнокровная, отпрыск бедной, но плодовитой, а главное – очень здоровой семьи. Кандидатура Софии-Доротеи привлекла Екатерину еще во время предыдущих поисков невестки, но тогда принцесса Вюртембергская была еще девочкой, а Екатерина не желала ждать.

Когда Екатерина сообщила о своем решении сыну, тот взбунтовался и ответил решительным отказом. Сентиментальный, как и большинство жестоких людей, Павел не хотел жениться больше никогда! Он собирался блюсти вечную верность усопшей Наталье Алексеевне. Екатерина не могла этого допустить и, чтобы отрезвить сына, вручила ему любовную переписку Натальи Алексеевны с Андреем Разумовским, которую она получила сразу после смерти невестки, после того как вскрыли секретер покойной. Если бы не упрямство Павла, мать, быть может, и скрыла бы от него эту ужасную правду. Павел прочел письма, впал в истерику, сначала собирался покончить с собой, потом – найти и казнить Разумовского (предусмотрительно отправленного Екатериной послом в Неаполь), а потом – согласился-таки на новую женитьбу, понимая необходимость этого шага для политики. Но мать после истории с письмами возненавидел еще сильнее – словно это она была виновата в измене его обожаемой Натали и в его собственной доверчивости!

Прочтя письма жены, Павел поклялся, что не влюбится больше никогда. Но едва он увидел свою нареченную – как в мгновение ока позабыл о клятве и влюбился самым отчаянным образом. Девушка была очень красива, являя собой самый модный для тех времен «кукольный» типаж, напоминая фарфоровую саксонскую куклу, с округлым детским личиком, с огромными голубыми глазами, с бело-розовой кожей и роскошными золотисто-русыми волосами, – да еще прибавить к этому совершенно не кукольную, а скорее скульптурную фигуру Юноны! К тому же природа одарила эту принцессу не только красотой, она была еще и умна, талантлива, деликатна, добра… В общем – совершенство.

И что самое удивительное, юная София-Доротея вскоре ответила мрачному, застенчивому Павлу взаимностью и не стыдилась признаваться в своих чувствах, которые, как показало

время, были совершенно искренни, возвышенны и глубоки. Вскоре после того, как Павел просил ее руки и получил согласие, София-Доротея писала ему: «Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь, не сказавши Вам еще раз, что я до безумия люблю Вас; моя дружба к Вам, моя любовь, моя привязанность к Вам еще более возросла после разговора, который был у нас сегодня вечером. Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать Вам; вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить Вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет постоянно питать к Вам. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не беспокойтесь призраками, но вспоминайте немного о той, которая обожает Вас».

Павел тоже постарался быть искренним с невестой. Он признался, что душа его населена демонами, что у него ужасный характер, что он подвержен припадкам гнева и приступам необоснованной подозрительности, что по этой причине при русском дворе его никто не любит, и эта нелюбовь может распространиться на его жену. Он предупреждал Софию-Доротею: «…придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость». Но юная принцесса готова была к любым испытаниям ради своей любви.

В православии София-Доротея была крещена как Мария Федоровна. Она довольно быстро выучила русский язык. И вот уже пишет своему жениху по-русски (записка эта сохранилась): «Душа моя! Я надеюсь, что вы будете мною довольны, когда вам сообщу первой мой перевод с французского на русской язык. Это вам докажет сколько я стараюсь вам во всем угодить, ибо любя русский язык, вас я в нем люблю: я очень сожалею, что не могу изъяснить всего того что сердце мое к вам чувствует и с сожалением оканчиваю сказав токмо вам что вы мне всего дороже на свете. Мария».

* * *

Екатерине Великой вторая невестка понравилась прежде всего своей безропотной покорностью, а еще – тем, что она сразу же принялась рожать наследников престола, и рожала легко, и дети получались – просто загляденье: здоровые, красивые, сильные – в мать.

Первенцев – будущего императора Александра I Благословенного, родившегося меньше чем через год после

свадьбы родителей, в 1777-м, и Константина, родившегося год и четыре месяца спустя, – Екатерина сразу же забрала у родителей, и мальчики росли при бабушке, в ее покоях. Недолго думая, она поступила с невесткой так же, как когда-то с ней самой поступила императрица Елизавета, отобравшая у нее Павла сразу после рождения. Екатерина сама страдала в разлуке с ребенком – а теперь заставила так же страдать свою кроткую невестку.

И, словно от огорчения или в отместку, Мария Федоровна принялась рожать девочек – и только девочек! – раз за разом огорчая свою царственную свекровь. В 1783 году появилась на свет великая княжна Александра Павловна, в 1784-м – Елена Павловна, в 1786-м – Мария Павловна, в 1788-м – Екатерина Павловна, в 1792-м – Ольга Павловна, в 1795-м – Анна Павловна… И только в 1796 году, словно сжалившись над свекровью, Мария Федоровна подарила ей очередного внука, Николая, будущего императора Николая I Палкина, а в 1798 году родила своего последнего ребенка, тоже мальчика, Михаила.

Павел же, куда менее озабоченный престолонаследием, нежели собственным душевным комфортом, радовался тому, что нашел в Марии Федоровне и нежного друга, и заботливую жену, и пылкую любовницу.

Понятия «здоровый образ жизни» в те времена еще не знали. Но Мария Федоровна, деятельная и активная, инстинктивно чувствовала, что для нее правильным будет вставать в семь утра, обливаться холодной водой и до самых холодов держать окна открытыми, чтобы в комнаты всегда был доступ свежему воздуху. Она любила покушать и с трудом выдерживала пост, но каждый день по нескольку часов работала в собственном садике – что-то выкапывала, пересаживала, сеяла. И каждый день отправлялась на пешую прогулку с супругом, а когда родились дети – то и с детьми. Наверное, поэтому Мария Федоровна действительно сохранила отменное здоровье. И частые роды давались ей легко.

Великий князь с супругой поселились в Павловске, в усадьбе, которую им подарила Екатерина. Впрочем, Павел своим истинным домом сделал военизированную Гатчину, она стала отражением его души и вкусов. А Павловск остался вотчиной Марии Федоровны, она превратила его в свое гнездышко, где рожала и растила своих детей, и до сих пор Павловск – в революцию разоренный, а потом сожженный фашистами и с большим трудом восстановленный советскими реставраторами, – поражает красотой, изысканностью и каким-то удивительным, не дворцовым уютом.

Павел обрел в Марии Федоровне единственного настоящего друга на всю оставшуюся жизнь. Она сдержала клятву верности,

данную в юности, и всегда оставалась для мужа опорой, желанным берегом, к которому он с радостью возвращался после всех придворных бурь. И даже когда Павел бывал неверен ей – Мария Федоровна проявляла снисходительность и прощала. Она даже подружилась с фавориткой Павла, фрейлиной Нелидовой, дабы вместе успешнее оберегать его среди дворцовых интриг. Ради блага мужа Мария Федоровна согласна была на унижение… И это при том, что горда она была необычайно, это отмечал даже Наполеон: не было у него более свирепого недруга среди европейских правителей, чем эта женщина, принципиально не желавшая признать корсиканского выскочку равным.

Мария Федоровна – при ее красоте, высоком происхождении и душевном благородстве – была еще и талантливым человеком: казалось, при появлении на свет этой девочки присутствовали какие-то добрые феи, щедро ее одарившие! Она не только вышивала, но и прекрасно рисовала, а еще вырезала из дерева, камня и кости сложнейшие камеи и дарила их на торжества своим близким, причем ей удавались даже портреты – а это уже высший пилотаж для камнереза! Ее произведения мы и сейчас можем видеть в музеях Павловска, и они тем более поражают оттого, что создала их великая княгиня и мать десятерых детей, которая старалась сама заниматься воспитанием своих дочерей и младших сыновей.

Но самым восхитительным в этой женщине была ее страстная тяга к благотворительности. Мария Федоровна обожала детей и очень жалела сирот. Она очень интересовалась положением детей в Воспитательном доме, основанном Екатериной, и в 1797 году Павел I, взойдя на престол, поручил жене надзор над богоугодными заведениями. Он не мог выбрать лучшей кандидатуры: Мария Федоровна так рьяно взялась за дело, что даже шокировала других светских благотворительниц: императрица сама разворачивала пеленки на маленьких сиротах, смотрела, нет ли опрелостей, и даже нюхала младенцев – она знала, как должен пахнуть здоровый, содержащийся в чистоте малыш! – и лично осматривала кормилиц, проверяя чистоту их белья. Она не брезговала ничем, она приезжала для инспекции без предупреждения, пробовала на вкус еду, которую готовили для сирот, она разговаривала с детьми, обнимала и целовала их, как своих собственных: этому было много свидетелей, и многие с изумлением вспоминали об этом.

Из воспоминаний фрейлины Марии Мухановой: «Детей, воспитанных в ее заведениях, она никогда не покидала впоследствии, а во всю жизнь им помогала, входила во все подробности, до них касавшиеся, и была истинною матерью для

всех. Никто из служивших ей не умирал во дворце иначе, как в ее присутствии. Она всех утешала до конца и всегда закрывала глаза умиравшим. Однажды сказали ей врачи, что жившая на Васильевском острове отставная ее камер-юнгфера страдает сильно от рака в груди, что можно было бы ее спасти, но она не соглашается на операцию иначе, как если во время производства ее будет находиться сама императрица. „Ну что же, – сказала она, – если только от этого зависит ее выздоровление, то я исполню ее желание“. Она поехала к ней и во все время операции держала ей голову. Она входила в малейшие подробности по своим заведениям и не только следила за воспитанием детей, но и не забывала посылать им лакомства и доставлять всякие удовольствия. Один мальчик принужден был долго лежать в постели по болезни; она доставляла ему рисунки, карандаши и разные вещицы. Со всяким курьером ей доносили о состоянии его здоровья – она тогда была в Москве. При назначении почетных опекунов выбор был самый строгий: с каждым из них она переписывалась сама еженедельно, осведомлялась о воспитанниках и воспитанницах, об их поведении и здоровье и всегда давала мудрые советы… Все было придумано нежным сердцем для пользы, радости и покоя всех от нее зависящих. Это было не сухое, безжизненное покровительство, но материнское попечение. Зато приезд ее в институт был настоящим праздником. Maman, maman, Mutterchen – слышалось отовсюду. Бывало, за большим обедом она приказывала снимать десерт и отсылать его в какой-нибудь институт по очереди. А как просила она в своем духовном завещании опекунов помнить, что первым основанием всех действий должно быть благодеяние!»

Можно утверждать, что при Марии Федоровне система воспитательных домов пережила свой расцвет. Она позаботилась также и об образовании детей, оставленных на государственное попечение, и писала в Опекунский совет: «Желая сделать воспитание питомцев Воспитательного дома сколь возможно полезнейшим как для них самих, так и для государства, я считаю нужным постепенно преобразовать оное и обратить внимание на обучение воспитанников наукам, распространяя оное на большее число предметов, нежели сколько было до настоящего времени, и усовершенствовать их в тех первоначальных сведениях, которым они нынче обучаются, дабы со временем могли они приобрести познания в хирургических, медицинских и аптекарских науках».

При содействии Марии Федоровны было открыто пятьсот благотворительных учреждений: бесплатные роддома, детские приюты, ясли. После ее смерти эта сеть получила название «Учреждения императрицы Марии Федоровны».

Мария Федоровна также внесла изменения в структуру Института благородных девиц: она сочла, что пятилетние девочки слишком малы для того, чтобы разлучаться с матерями, и повысила возрастной ценз воспитанниц. Вообще, участие императрицы Марии Федоровны в русской государственной жизни ограничивалось и в царствование сыновей ее почти исключительно заботами о женском образовании. Благодаря ее покровительству и отчасти содействию, в царствование Александра I было основано несколько женских учебных заведений, как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, Харькове, Симбирске и других городах. В политику она не лезла. Ей хватало «домашних забот», а домом для нее была вся Россия.

Все это необходимо знать, чтобы понять, подле какой необыкновенной женщины, под чьим влиянием воспитывались пять дочерей императора Павла, почему каждая из них выросла личностью яркой и необычной, умеющей тонко чувствовать и понимать красоту окружающего мира, – не в пример многим своим сверстницам из высших кругов общества и даже из королевских семей.

* * *

Екатерина Великая не скрывала недовольства таким количеством внучек. Когда родилась ее пятая внучка, Ольга, она прямо сказала своему секретарю Храповицкому: «Много девок. Всех замуж не выдадут».

Она, конечно, ошиблась. Всех девочек выдали замуж. За исключением, кстати, той самой великой княжны Ольги, чье рождение бабушка отметила таким грозным предсказанием, а знаменитый поэт Державин – трогательной одой:

Едва исчезла темнота,
Лучи златые ниспустились,
Багрянцем облака покрылись;
Родилась красота.

Увы, прелестная малышка умерла в возрасте двух с половиной лет. По совершенно непонятной для докторов того времени причине. В январе 1795 года императрица Екатерина сообщала в одном из своих писем: «15-го скончалась великая княжна Ольга. И представьте себе от чего? Вот уже недель осьмнадцать, как у нее обнаружился такой голод, что она беспрестанно просила кушать; от того она росла непомерно для

своих двух с половиной лет; в то время вышло много коренных зубов зараз, и после шестнадцати недель страданий и медленной изнурительной лихорадки наступила смерть…» Теперь уже известно, что во время роста зубов у детей ослабляется иммунитет, и любая инфекция может стать для малыша смертельной. Именно по этой причине период до трех лет считался настолько опасным, что переживших его детей считали счастливчиками.

Державин написал еще одну оду – теперь уже «На кончину Великой княжны Ольги Павловны»:

Утрення, ясна,
Тень золотая!
Краток твой блеск.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тень твой был век.
Что твое утро
В вечности целой?
Менеи, чем миг!

Великую княжну похоронили в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры. В 1808 году на ее могиле был установлен памятник: мраморный постамент в виде колонны, опоясанный сверху накладным бронзовым меандром, снизу – венком. На постаменте установлены скульптуры коленопреклоненных ангелов. Надпись на колонне бронзовыми литерами: «Благоверная Государыня Великая Княжна / Ольга Павловна / Дщерь Государя Наследника Цесаревича Павла Петровича / родилась 1792го года Июля 11го дня / скончалась 1795го года января 15го дня».

Остальные же дочери Павла – здоровые и красивые – были завидными невестами, а двумя из них, Екатериной и Анной, интересовался сам Наполеон Бонапарт. Но куда уж «корсиканскому выскочке» о царских дочках мечтать!

Однако другое предсказание Екатерины в отношении судеб будущих внучек, которое она сделала еще после рождения своего самого первого внука, Александра, исполнилось с удивительной точностью.

В июле 1778 года Екатерина написала одному из своих постоянных корреспондентов, барону Гримму, что хотела бы, чтобы невестка рожала только мальчиков: «Дочери все будут плохо выданы замуж, потому что ничего не может быть несчастнее русской великой княжны. Они не сумеют ни к чему

примениться; все им будет казаться мелким… Конечно, у них будут искатели, но это приведет к бесконечным недоразумениям… При всем том, может случиться, что женихов не оберешься…»

Действительно – женихов у царских дочерей хватало, но ни одна из них, кроме Екатерины, не была по-настоящему счастлива в браке. И этому была своя, вполне материальная причина. За соплеменников царских дочерей не выдавали, дабы избежать придворных интриг и вмешательства новых родственников в государственные дела. А выходя замуж за иноземцев, великие княжны обязательно должны были сохранять верность православию. Именно поэтому Романовы роднились только с лютеранами, правителями мелких немецких княжеств: в лютеранстве допускается брак между людьми различного вероисповедания. Разумеется, немецкие принцессы, выходя замуж за русских великих князей, обязательно должны были принять православие – но русские великие княжны, выходя замуж за немецких принцев, православие, напротив, сохраняли. В случае брака с католиком такое было бы невозможно – или впоследствии на несчастную царевну оказывалось бы тяжелое давление, ее принуждали бы сменить веру… История подтверждала это, если таковые браки все-таки заключались. И именно поэтому заключались они редко. И царским дочкам, выросшим в блеске и роскоши русского двора, предстояло привыкать к относительно убогим условиям жизни при дворе в каком-нибудь маленьком княжестве, которое, однако, представлялось для России подходящим союзником – настолько подходящим, что с ним соглашались породниться.

Счастливой в замужестве из пяти дочерей Павла I стала только Екатерина, названная в честь бабки. Но с первым своим супругом она жила в России. А со вторым хоть и уехала за границу, но к тому времени уже сформировалась как личность, женщина сильная и решительная; легко и незаметно она оборачивала обстоятельства новой жизни в свою пользу, а не подстраивалась под них, как это делали ее сестры, попадавшие на чужбину юными и неопытными девушками.

А самой несчастливой стала, словно по какой-то жестокой иронии судьбы, самая красивая, самая нежная и самая добрая из пяти принцесс, старшая из них – великая княжна Александра Павловна.

Великая княжна Александра Павловна, палатина Венгерская

Александра Павловна родилась 29 июля 1783 года. Она была первой в череде девочек, и ее Екатерина встретила еще относительно благосклонно, но все равно написала барону Гримму: «Моя заздравная книжка на днях умножилась барышней, которую в честь ее старшего брата назвали Александрой. По правде сказать, я несравненно больше люблю мальчиков, чем девочек». Но эту девочку ей суждено было полюбить… Все-таки это была первая маленькая девочка в ее семье. Ее собственная дочь Анна, рожденная от связи со Станиславом Понятовским, умерла, не дожив до двух лет…

А во вторую внучку, Елену Павловну, императрица поначалу даже влюбилась – настолько малышка была хороша собой, но со временем она оценила ум и душевные качества старшей из девочек. Александра Павловна была так прелестна, ласкова, рассудительна! И царственная бабушка все чаще приглашала ее в свои покои – «поиграть с братцами» – и любила сама читать ей вслух, а отправившись в путешествие в Крым, писала ей с дороги нежные письма: «Александра Павловна, приятно мне всегда, что ты умница, не плачешь, но весела; будешь умна, тобою будут довольны. Спасибо, что меня любишь, я сама тебя люблю. Екатерина». Девочке тогда еще не исполнилось четырех лет.

Дмитрий Левицкий. Портрет великой княжны Александры Павловны (1790-е гг.)

Любуясь красотой собственных внучек, Екатерина все реже сетовала на их количество и со временем достаточно серьезно отнеслась к вопросу их воспитания. Она доверила их заботам небогатой генеральской вдовы баронессы Шарлотты Карловны Ливен. Все шестеро собственных детей баронессы вызывали всеобщее восхищение своим умом, манерами и образованностью. А кроме того, баронесса Ливен была особой добродетельной и высоконравственной. Настолько высоконравственной, что не боялась открыто, вслух, порицать императрицу за ее «шалости»! Но Екатерина только смеялась над ее упреками – и, будучи воистину великой женщиной, нашла добродетельной вдове наилучшее применение. И она не ошиблась: баронесса Ливен сорок лет была воспитательницей в семье Романовых, на ее попечении были все великие княжны и, до определенного возраста, великие князья, и она великолепно справилась с возложенными на нее обязанностями. Это отмечали все. Сподвижник Екатерины, граф Безбородко, даже писал графу Воронцову в Лондон: «Жаль, что генеральша Ливен не мужчина, она бы лучше многих нашлася, как воспитывать князей молодых», – имея в виду Александра и Константина Павловичей,

которых изъяли из-под опеки Шарлотты Ливен в совсем еще нежном возрасте.

Правда, уже в 1792 году рядом с великими князьями и великими княжнами появился и достойный наставник-мужчина. Его звали Андрей Афанасьевич Самборский. Личностью он был выдающейся: православный священник, но человек в высшей степени образованный и светский, в совершенстве владеющий английским языком и долго служивший при русской миссии в Лондоне. Он даже женился на англичанке – Елизавете Филдинг, – что представлялось совершенно невероятным для большинства его духовных собратьев. Но этот священник ко всему прочему не носил бороды, а брил лицо и пудрил волосы – согласно придворной моде! Его очень редко видели в рясе, из-за чего у Самборского даже произошла размолвка с митрополитом. Но в духовном плане он был истинный служитель православной церкви, что, в сочетании с образованностью, сделало его идеальным воспитателем для великих князей. Сама Екатерина пригласила его. А заодно назначила учителем закона божьего и английского языка для великих княжон. У Самборского были теплые отношения со всеми воспитанниками и воспитанницами, но особенно подружился он со старшей из княжон – Александрой Павловной. Он восхищался умом и добротой этой нежной девочки, а она доверяла ему больше, чем собственным родителям. Эта дружба продлится и позже, переродившись в чувство более нежное и драгоценное.

Вскоре после возвращения в Россию Андрей Самборский овдовел. Жениться второй раз он, православный священник, не имел права и все свое время уделял воспитанию собственных осиротевших дочерей Анны и Софьи – и вверенных ему великих князей и великих княжон.

* * *

В сентябре 1790 года Екатерина послала барону Гримму миниатюры, изображавшие всех имевшихся в то время ее внучат, и сопроводила каждую миниатюру характеристикой. О великой княжне Александре, которой в то время исполнилось семь лет, царственная бабушка написала: «Говорит на четырех языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине, поет, танцует, учится без труда и выказывает большую кротость характера. Меня она любит более всех на свете, и я думаю, что она готова на все, чтобы только понравиться мне или хоть на минуту привлечь мое внимание». По мере взросления расцветали таланты девочки. Она

переводила и сочиняла стихи (ее творения печатались в журнале «Музы»), лепила из воска совершенно живые на вид фигурки, великолепно рисовала карандашом. Кротость характера и послушание Александры Павловны, отдельно отмеченные Екатериной, действительно были беспримерными, и при этом она умела каким-то образом именно кротостью своей воздействовать на окружающих. Ласковой улыбки ее или умоляющего взгляда бывало достаточно даже, чтобы усмирить ее гневливого, агрессивного, истеричного и жестокого отца – цесаревича Павла Петровича, который так мечтал стать царем и понимал, что при жизни матери ему этого не добиться. Именно за успокаивающее воздействие на отца Александру Павловну и назвали «ангелом у русского престола». Многие придворные, боясь гнева Павла Петровича, прибегали к защите старшей из великих княжон, когда ей едва ли исполнилось одиннадцать лет.

Впрочем, именно в одиннадцать лет она и была просватана.

* * *

Александра Павловна действительно напоминала ангела – и сострадательной чувствительностью сердца, и нежной, изысканной красотой.

При жизни с цесаревны было написано немало портретов. Неоднократно ее писал придворный художник Дмитрий Левицкий: в разных возрастах, от девочки до девушки-подростка. Писал всех великих княжон Василий Боровиковский. И заезжая художница Элизабет Виже-Лебрен – любимая портретистка казненной французской королевы Марии-Антуанетты! – в 1795 году написала парный портрет Александры и Елены. Эта художница оставила замечательные «Воспоминания о своей жизни», где описала все свои приключения, коих было немало, и всех высокопоставленных особ, с которыми ей довелось пообщаться – и с которых она делала портреты. В Петербурге Виже-Лебрен была сразу же представлена ко двору, принимала участие в светской жизни и в книге своей позже упомянула и русских великих княжон. «Нет слов передать, какое множество хорошеньких женщин увидела я; но могу сказать, что первенство было за великими княжнами (Александрой и Еленой) и княгинями (Елизаветой Алексеевной и Анной Федоровной). Все четверо были одеты по-гречески, в туниках, которые на плечах были схвачены пряжками из крупных бриллиантов. В туалете великой княгини Елизаветы Алексеевны я принимала участие, и он вышел верен более других, между тем как у Елены и

Александры на головах были покрывала из голубого газа с серебряной насыпью, что придавало их личикам что-то небесное». Она, правда, ошиблась в возрасте девочек: Александре исполнилось двенадцать, Елене – одиннадцать, когда Виже-Лебрен писала их парный портрет, хотя в ее воспоминаниях мы читаем: «Тогда княжнам могло быть лет тринадцать-четырнадцать». Ошибку ее объяснить легко: несмотря на юный возраст, девочки были уже невестами на выданье, и одевали их как взрослых дам. «Личики у обеих были небесные, но с совершенно различными выражениями, – пишет художница. – Особенно поразителен был цвет их лиц, настолько тонкий и деликатный, что можно было подумать, что они питались амброзией. Старшая, Александра, отличалась красотой чисто греческой и очень походила на своего брата Александра, но личико младшей, Елены, отличалось несравненно большей тонкостью. Я изобразила их вместе, смотрящими на портрет императрицы, который они держали в руках. Я одела их по-гречески, но очень скромно. И как же я была поражена, когда Платон Зубов, фаворит императрицы, передал, что Ее Величество была недовольна выбором этой одежды. Я до того поверила этим словам, что поспешила заменить туники платьями, которые обыкновенно носили княжны, и закрыть их руки несносными длинными рукавами. На самом деле императрица ничего не говорила, она простерла свою доброту до того, что сама мне об этом сказала… Тем не менее я уже испортила весь ансамбль своей картины, не считая того, что красивые руки, которые я написала как могла лучше, более не были видны…».

Элизабет Виже-Лебрен. Портрет великих княжон Александры Павловны и Елены Павловны (1796 г.). Елена Павловна держит в руке медальон с портретом бабушки, Екатерины Великой

Элизабет Виже-Лебрен считала, что Зубов интриговал против нее и сделал все, чтобы испортить портрет.

Однако же Екатерина была недовольна не закрытыми руками, а портретом в целом. Императрица написала барону Гримму, возмущаясь именитой художницей: «…для первого опыта начинает писать великих княжон Александру и Елену; у первой благородное, интересное лицо и царственная осанка, вторая обладает совершенной красотой и смотрит совершенною невинностию. Госпожа Лебрен заставляет обеих скорчиться на диване, заставляет младшую совсем вывернуть шею, придает обеим вид обезьян, греющихся на солнце… Одним словом, нет не только сходства, но обе сестры так обезображены, что есть люди, которые не могут разобрать, которая из них старшая и которая младшая. Поклонники г-жи Лебрен превозносят картину до небес; на мой взгляд, это очень плохо, потому что без всякого вкуса и благородства, да и сходство отсутствует, нужно не иметь ни чувств, ни понимания, чтобы так не справиться с сюжетом,

особенно когда такой оригинал перед глазами…»

Этот злосчастный портрет мы и сейчас можем видеть в Государственном Эрмитаже. Нет, не просто видеть: любоваться им. Потому что обе княжны, изображенные на нем, прелестны настолько, что кажется – художница им польстила… Однако же люди, лично знавшие Александру Павловну и Елену Павловну, утверждали, что в жизни они были несравнимо лучше!

Элизабет Виже-Лебрен не могла даже предположить, что родители и особенно бабушка великих княжон буквально всякий раз оказывались недовольны портретами, ибо ни одному художнику не удавалось в полной мере передать чарующую прелесть юной княжны Александры, изящество ее фигуры, прозрачность кожи, шелковистость волос, сияние глаз и особенно – свет ее улыбки. Во всех воспоминаниях того времени – как русских, так и европейцев, видевших ее, – Александра Павловна предстает ослепительной красавицей. Но на портретах мы видим всего лишь хорошенькую девушку. Хорошенькую, как куколка, но – не ослепительную. Значит, художникам действительно не удалось передать ее красоту в полной мере.

* * *

Сватовство великой княжны Александры Павловны наметилось еще в 1791 году, когда ей едва исполнилось десять лет. Екатерина Великая договорилась со шведским королем Густавом III относительно будущего бракосочетания их детей. Хотя Швеция и Россия издавна – еще со времен Петра Великого и Карла XII, со времен Северной войны и Полтавского сражения – были врагами, а сами Екатерина и Густав смертельно ненавидели друг друга, этот брак был равно выгоден обеим державам. Но меньше года спустя Густав III был убит в результате заговора и на престол взошел его сын Густав IV, четырнадцатилетний подросток, вздорный, упрямый, эгоистичный, а главное – внутренне глубоко надломленный смертью отца и тем, что регентом при нем назначили его дядю герцога Карла Зюдерманландского: человека, которого он ненавидел. Герцог Карл желал продолжать курс покойного короля Густава III на сближение с Россией и сообщил Екатерине об издании закона, разрешавшего шведским гражданам вступать в «разноверные» браки: это было необходимо для того, чтобы принц-лютеранин женился на православной великой княжне. Но самому юному принцу никакие идеи, внушаемые дядей, были не милы. И к идее будущего брака с Александрой Павловной он тоже отнесся

довольно холодно.

Иоганн Баптист Лампи. Портрет великой княжны Александры Павловны (1792 г.)

Между тем, Екатерина, чувствуя приближение смерти, принялась устраивать судьбы своих внуков и внучек. Прежде всего она поспешила женить старшего внука, пятнадцатилетнего Александра, которому планировала передать корону – минуя безумную голову его отца и своего сына цесаревича Павла Петровича. «Сначала мы его женим, потом коронуем», – писала она барону Гримму. В жены своему любимому внуку Екатерина выбрала самую прелестную из европейских принцесс – четырнадцатилетнюю Луизу-Августу Баден-Дурлахскую: этому браку суждено было стать несчастливым, но тогда казалось, что лучшей пары, чем эти двое белокурых ангелочков, просто и быть не может! Кстати, вместе с Луизой-Августой, будущей Елизаветой Алексеевной, в Россию прибыла ее младшая сестра Фредерика,

которой Екатерина тоже пообещала устроить супружество и даже дать приданое.

Пышная свадьба состоялась осенью 1793 года. На свадьбу прибыл посол Швеции граф Стенбок, уполномоченный регентом начать официальные переговоры относительно брака великой княжны Александры Павловны с юным королем Густавом. Хотя Екатерина через своих шпионов знала, что сам Густав не слишком доброжелательно относится к идее «русского брака», она все-таки ответила согласием посланнику регента и позволила ему танцевать на балах с Александрой Павловной менуэты, что в глазах высшего света означало согласие… А кроме того, девочку начали учить шведскому языку и вообще всячески подготавливать к браку с Густавом. Екатерина, будучи женщиной мудрой, понимала, что для такой нежной и чувствительной девочки, как Александра, брак по любви – пусть даже любовь будет чистой воды иллюзией – желательнее брака по принуждению. И прилагала все усилия к тому, чтобы Александра заочно влюбилась в своего нареченного. Ей много рассказывали о юном короле, причем выставляли его эдаким романтическим героем. Екатерина добилась того, чтобы жених и невеста обменялись миниатюрными портретами, и проследила, чтобы молодой человек на своем портрете выглядел действительно симпатичным. Кроме того, Александра Павловна и Густав IV писали друг другу трогательные письма. Великая княжна писала под диктовку бабушки, а за Густава писал его учитель словесности. Видимо, учитель был талантливым сочинителем: девочка очень скоро почувствовала влюбленность в своего жениха. Что касается эмоций Густава – об этом история умалчивает. Вряд ли он вообще читал письма своей невесты! Екатерина успела даже позаботиться об обустройстве домовой православной церкви в Стокгольме и отправила туда роскошную церковную утварь и иконостас. «Как с политической, так и с семейной точки зрения я всегда смотрела и теперь смотрю на этот союз как на самый желательный во всех отношениях», – писала Екатерина герцогу Карлу.

Но, поскольку жених и невеста были еще слишком молоды и физически не готовы к супружеству, свадьба была отсрочена. Советники уговаривали Екатерину, напротив, поспешить с бракосочетанием, дабы вздорный юный король не передумал. Но она боялась за здоровье своей любимой внучки, находя ее слишком хрупкой для столь раннего брака – и возможной даже в столь раннем браке беременности. Барону Гримму примерно в ту же пору она писала: «Покойный король желал женить сына на старшей из моих внучек; он и сыну внушил такое сильное

желание, что тот только об этом и мечтал. Девица моя может терпеливо ждать решения своей участи до совершеннолетия короля, так как ей всего одиннадцать лет. Если же дело не уладится, то она может утешиться, потому что тот будет в убытке, кто женится на другой. Я могу смело сказать, что трудно найти равную ей по красоте, талантам и любезности, не говоря уж о приданом, которое для небогатой Швеции само по себе составляет предмет немаловажный. Кроме того, брак этот мог бы упрочить мир на долгие годы. Но человек предполагает, а Бог располагает: обидами да оскорблениями мира им не купить, да, кроме того, еще нужно, чтобы король ей самой понравился…» Как видно из этого письма, Екатерина прекрасно сознает превосходство своего положения, а главное – богатства!

А вот слова о том, что шведский король мечтал о браке с Александрой Павловной, – явное преувеличение. Он тем больше бунтовал против этого брака, чем больше советники ему навязывали русскую княжну. И когда интриганы из враждебной русским партии сосватали ему другую невесту – Софию Мекленбургскую, – король взял да и согласился. Причем согласился всерьез, написал письмо герцогу Мекленбургскому, в котором просил руки его дочери. 1 ноября 1795 года было объявлено о помолвке, и во всех шведских церквях служили молебен о здравии будущей королевы.

Ярость Екатерины не поддается описанию. Она немедленно послала на границу Швеции войска во главе с Суворовым – якобы для смотра крепостей. Она отказалась принять шведского гофшталмейстера барона Шверина, что вызвало возмущение в Европе, а давний ее недоброжелатель Массон записал в дневнике, позже опубликованном: «Из этого странного приказания можно было видеть скорее досаду оскорбленной женщины, чем благоразумие государыни. Уважение к себе самой, к своему полу и в особенности к прелестной внучке должно было предостеречь Екатерину от столь громкого изъявления своей досады». Но Екатерине было глубоко безразлично всеобщее осуждение. Она хотела добиться своей цели и заполучить Густава обратно! И вот в Стокгольм был направлен чрезвычайный дипломатический агент императрицы генерал-майор Александр Яковлевич Будберг. Именно он и сумел найти способ, вернее – найти человека, который смог переменить мнение юного короля. Этим человеком стал известный швейцарский путешественник и интриган Кристин. На балу он незаметно подошел к Густаву IV и прошептал ему на ухо: «Ваше величество, вас обманывают, хотят женить на уродке; позвольте вам все объяснить». Юность падка на тайны, а кроме того Густав, травмированный гибелью отца, был

очень подозрителен и прежде всего подозревал своих советников. Так что зерна сомнений были брошены в благодатную почву. Через несколько дней Кристин передал Густаву через подкупленного учителя математики письмо, в котором расписывал все преимущества «русского брака», а главное – необычайную красоту и всяческие духовные достоинства Александры Павловны. Юный король впал в задумчивость и… снова изменил решение. Расторг помолвку с герцогиней Мекленбургской. И снова просил руки Александры Павловны.

Впрочем, Екатерина с самого начала планировала нечто подобное: это ясно по тому, что с самого начала она хотела представить дело так, словно король Густав был обманут коварными интриганами, – оставляя ему таким образом путь к отступлению и к возвращению «в объятия» Александры Павловны. Еще при первом известии о новой помолвке нареченного внучки императрица писала барону Гримму: «Поздравляю вас с тем, что 1 ноября будет объявлено о браке молодого шведского короля с чрезвычайно некрасивой и горбатой дочерью вашего друга герцогиней Мекленбургской. Говорят, впрочем, что, несмотря на некрасивость и горб, она мила… Чем король заслужил такое жестокое наказание, тогда как он думал жениться на невесте, о красоте которой все говорят в один голос?»

Между тем, Екатерина занималась не одной только Александрой Павловной. Она устраивала брак своего второго внука – великого князя Константина. Ему она также подобрала очень хорошенькую невесту. Не столь совершенную красавицу, как Луиза Баденская, но все же премиленькую тринадцатилетнюю Юлиану-Генриэтту Саксен-Кобургскую. Свадьба состоялась в феврале 1796 года, и этот брак, к слову сказать, тоже был неудачен. Но пока Екатерина об этом не знала и, довольная, писала Гримму: «Теперь женихов у меня больше нет, но зато пять невест, младшей только год, но старшей пора замуж. Она и вторая сестра – красавицы, в них все хорошо, и все находят их очаровательными. Женихов им придется поискать днем с огнем. Безобразных нам не нужно, дураков – тоже; но бедность – не порок. Хороши они должны быть телом и душой». Но где среди отпрысков вырождающихся королевских семейств найти тех, кто был бы «хорош телом и душой», да еще в количестве пятерых – для всех великих княжон?!

В то же время свадьба Александры Павловны, как всем казалось, наконец устроилась, ибо король Густав IV и его регент, герцог Карл Зюдерманландский, прибыли в Петербург – для знакомства с невестой и, как все полагали, для заключения брака. Прибыли они инкогнито – под именами графов Ваза и Гага, но

все, разумеется, знали, что граф Гага – король, а граф Ваза – герцог-регент.

* * *

Великую княжну Александру Павловну король Густав IV впервые увидал на портрете работы Элизабет Виже-Лебрен, в ее мастерской в Эрмитаже. Художница, присутствовавшая при этом, позже вспоминала: «Ему было только семнадцать лет; он был высок ростом и, несмотря на свой юный возраст, его приветливый, благородный и гордый вид невольно внушал к нему уважение. Получив тщательное воспитание, он был в высшей степени вежлив. Великая княжна, с которой он должен был вступить в брак, была всего четырнадцати лет от роду; она была прекрасна, как ангел, так что он сразу полюбил ее. Помню, как он, приехав ко мне взглянуть на портрет своей будущей супруги, до того загляделся на него, что даже выронил шляпу из рук».

Потом состоялось и личное знакомство – как и полагалось, на балу. В честь графов Вазы и Гаги устраивались праздники, один за другим, и на этих праздниках жених и невеста встречались снова и снова в самой что ни на есть благоприятной обстановке: благоприятной для демонстрации красоты и изящества Александры Павловны – но не самой благоприятной для бесед. Екатерина хотела, чтобы Густав сначала увлекся прелестной девушкой – и лишь потом получил возможность беседовать с ней. Чтобы он ненароком не сказал чего-нибудь, что разбило бы вдребезги столь тщательно взращенную ею любовь Александры Павловны к жениху. Особенно боялась эта многоопытная женщина, что ее юная наивная внучка узнает, кто был настоящим автором тех пылких писем, которые она до сих пор хранила в заветной шкатулке.

Фрейлина Варвара Николаевна Головина писала в своих мемуарах: «Король был очень занят Великой Княжной Александрой. Они не переставая разговаривали. Когда ужин кончился, Государыня позвала меня, чтобы спросить у меня о моих наблюдениях. Я сказала ей… что Король не ел и не пил, а насыщался взглядами. Все эти глупости очень забавляли Императрицу».

Все шло, казалось, благополучно. Фрейлина Головина вспоминала позже: «Вошел Король. Государыня была приветлива с ним, сохраняя известную меру и достоинство. Их Величества присматривались друг к другу, пытаясь проникнуть в душу. Прошло несколько дней, и Король завел разговор о своем

желании вступить в брак. Государыня, не высказав согласия, пожелала сначала договориться относительно главных пунктов. Переговоры и обсуждения следовали одно за другим; разъезды министров и договаривающихся сторон возбуждали любопытство при дворе и в городе. В большой галерее Зимнего дворца был дан бал. В этот вечер Король еще не был осведомлен об отношении к нему Великой Княжны Александры. Это очень беспокоило его. На следующий день было большое празднество в Таврическом дворце, я сидела рядом с Государыней, и Король стоял перед нами. Княгиня Радзивилл принесла Ее Величеству медальон с портретом Короля, сделанным из воска художником Тонса, выдающимся артистом. Он сделал портрет на память, видев Короля всего только один раз на балу в галерее.

– Очень похож, – сказала Государыня, – но я нахожу, что граф Гага изображен на нем очень печальным.

Король с живостью заметил:

– Это потому, что вчера я был очень несчастен. Благоприятный ответ Великой Княжны был ему объявлен только утром…»

Довольная императрица после бала в посольстве Австрии написала барону Гримму: «Бал был очень веселым, прошел слух, что обо всем договорились окончательно на словах. Не знаю уж, как это случилось, из озорства или еще как, но, танцуя, влюбленный решил слегка пожать ручку суженой. Побледнев как полотно, она сказала гувернантке: „Вы только представьте себе, что он сделал! Он пожал мне руку во время танца. Я не знала, как поступить“. А та спрашивает: „И что же Вы сделали?“ Девочка отвечает: „Я так испугалась, что чуть не упала!“».

О Густаве Екатерина писала так: «Похоже, что ему здесь очень нравится. Он приехал только на десять дней, но живет уже три недели, и до сих пор день отъезда еще не назначен, хотя осень близко… Все замечают, что Его Величество все чаще танцует с Александрой и что разговор у них не прерывается… Кажется, и девица моя не чувствует отвращения к вышеупомянутому молодому человеку: она уже не имеет прежнего смущенного вида и разговаривает очень свободно со своим кавалером. Должна сказать, что это такая парочка, которую редко можно встретить. Их оставляют в покое, никто не мешает, и, по-видимому, дело будет слажено или, по крайней мере, условлено до отъезда Его Величества, которому уезжать не хочется, хотя 1 ноября он должен быть объявлен совершеннолетним. Кто-то спросил у одного из наиболее влиятельных лиц в свите короля, нравится ли Великая княжна графу Гаге, тот ответил прямо: „Нужно быть дураком, чтобы в нее не влюбиться“».

Увы, так ответил всего лишь один из спутников «графа Гаги», который явно не был дураком. А вот граф Гага дураком был. Влюбился ли он в Александру Павловну – знал лишь он один. Хотя многие современники замечали у юного короля явные признаки влюбленности… Но он на ней не женился. Невероятная глупость! И, кстати говоря, всей последующей жизнью король доказал, что эта первая глупость была не случайной, а закономерной.

* * *

25 августа 1796 года Екатерина писала сыну Павлу Петровичу, неотлучно пребывавшему у себя в Гатчине: «Вчера после обеда я вышла в сад и села на скамью под деревом. Молодой король пришел туда же и сел подле меня… После некоторых приветственных слов и небольшого замешательства он очень ясно высказал мне свою склонность к Вашей дочери и свое желание получить ее в супруги, если она не будет против». В письме к генералу Будбергу в тот же день она написала: «Король просил меня узнать от моей внучки, не чувствует ли она к нему отвращения, так как ему кажется, что она его избегает».

Цесаревич Павел Петрович и супруга его Мария Федоровна дали согласие. Великая княжна Александра Павловна и король Густав были наречены женихом и невестой.

Но тут возникло новое препятствие… Король Густав желал, чтобы жена исповедовала одну с ним веру. Указ его отца относительно возможности брака между людьми разной веры никак не влиял на его собственное отношение к данному вопросу. Он требовал, чтобы Александра Павловна приняла лютеранство. Что для православной княжны, естественно, было неприемлемо. Екатерина разъяснила это Густаву, по обычной своей привычке перемежая материнские увещевания с политическими угрозами, и, как ей показалось, король смирился с тем, что невеста его останется православной.

Барону Гримму императрица писала обо всем подробно: «Двадцать четвертого августа шведский король, сидя со мной на скамейке в Таврическом саду, попросил у меня руки Александры. Я сказала ему, что он не может ни просить у меня этого, ни я его слушать, потому что у него есть обязательства к принцессе Мекленбургской. Он уверял меня, что они порваны. Я сказала ему, что я подумаю. Он попросил меня выведать, не имеет ли моя внучка отвращения к нему, что я и обещалась сделать и сказала, что через три дня дам ему ответ. Действительно, по истечении

трех дней, переговорив с отцом, с матерью и с девушкой, я сказала графу Гага на балу у графа Строганова, что я соглашусь на брак при двух условиях: первое, что мекленбургские переговоры будут совершенно закончены; второе, что Александра останется в религии, в которой она рождена и воспитана. На первое он сказал, что это не подвержено никакому сомнению; относительно второго он сделал все, чтобы убедить меня, что это невозможно, и мы разошлись, оставаясь каждый при своем мнении. Это первое упорство продолжалось десять дней, но все шведские вельможи не разделяли мнения короля. Наконец, я не знаю как, им удалось убедить его. На балу у посланника он сказал, что устранили все сомнения, которые возникли в его душе относительно вопроса о религии. На балу в Таврическом дворце шведский король сам предложил матери обменяться кольцами и устроить обручение. Она сказала мне это: „Я говорила с регентом, и мы назначили для этого четверг. Условились, что оно будет совершено при закрытых дверях, по обряду греческой церкви“».

Начали готовиться к свадьбе.

6 сентября Екатерина в торжественной обстановке благословила внучку на брак со шведским королем.

Мария Федоровна прибыла в Петербург – Павел Петрович остался в Гатчине, он слишком боялся уезжать из-под охраны своей личной гвардии, боялся, что его убьют, как убили его отца, и даже подготовка к свадьбе дочери не была достаточным предлогом для того, чтобы он оставил свое военизированное убежище. Он планировал прибыть ровно в день помолвки – и сразу же отбыть обратно. А пока жених в сопровождении свиты посетил его в Гатчине.

У лучшего петербургского серебряных дел мастера Буха заказали сервиз в приданое.

Державин написал «Хор для концерта на помолвку короля шведского с великой княжной Александрой Павловной», где были такие слова:

Орлы и львы соединились,
Героев храбрых полк возрос,
С громами громы помирились,
Поцеловался с Шведом Росс.
Сияньем, Север, украшайся,
Блистай, Петров и Карлов дом;
Екатерина, утешайся
Сим славным рук твоих плодом…

Для сопровождения будущей королевы в Швецию была

назначена статс-дама – сама Екатерина Романовна Дашкова!

8 сентября Мария Федоровна писала супругу в Гатчину: «Добрый и дорогой друг мой, благословим Бога! Обмен обещаниями решился в понедельник вечером в Бриллиантовой комнате. Он будет проходить в нашем присутствии, при детях, при посланнике… Свидетелем обещаний будет митрополит… Обручальные кольца будут золотыми с их вензелями. После обручения назначен бал в Тронном зале…»

И вот в назначенный день обручения, 11 сентября 1796 года, уполномоченные русской императрицы и шведского короля собрались, чтобы подписать брачный договор… В котором русские вдруг обнаружили отсутствие той самой наиважнейшей статьи относительно свободы вероисповедания для будущей шведской королевы! Немедленно сообщили Екатерине. Она послала к Густаву посольство во главе с графом А. И. Морковым. И с запиской, которую Густав должен был подписать: «Я торжественно обещаюсь предоставить Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Александре Павловне, моей будущей супруге и королеве Швеции, полную свободу совести и отправления религии, в которой она рождена и воспитывалась, и я прошу Ваше Императорское Величество смотреть на это обещание как на акт наиболее обязательный, какой я мог дать».

И Густав – в день своего обручения! – громогласно заявил: «Лучше пусть снимут с меня голову, нежели я сделаю что-либо против своих убеждений».

Императрице он написал: «Дав уже свое честное слово Ее Императорскому Величеству, что Великая Княжна Александра никогда не будет стеснена в том, что касается религии, и, так как мне показалось, что Ее Величество осталась довольна, я уверен, что Ее Величество нисколько не сомневается, что я достаточно знаю священные законы, налагаемые на меня этим обязательством, так что всякая другая записка была бы совершенно излишней. Густав-Адольф. Сего 11 сентября, 1796 г.».

После чего удалился в свои покои, где и заперся.

А между тем, в Тронном зале собрались придворные, прибыл митрополит, Екатерина воссела на трон, и великая княжна Александра Павловна в расшитом жемчугом платье невесты стояла среди своих сестер, подле отца и матери, и ждала… Густава ждали четыре часа.

Наконец, прибыл граф Морков, бледный и трясущийся от ужаса, и, склонившись к Екатерине, что-то прошептал ей на ухо… Екатерина переменилась в лице, поднялась – и тяжело осела и так и осталась сидеть с открытым ртом.

Ее молодой фаворит Платон Зубов крикнул, чтобы принесли

воды, камердинер Зотов бросился за графином… Екатерина выпила воду, попыталась встать – и не смогла. Наконец все-таки поднялась рывком. Два раза стукнула тростью коленопреклоненного Моркова. Сказала стоявшему рядом Безбородко: «Я проучу этого мальчишку!» Сбросила с плеч императорскую мантию – и опять без сил опустилась на трон.

Это был первый апоплексический удар. Второй удар, спустя два месяца, унес ее в могилу.

Она так и не успела передать корону внуку.

Присутствующим сказали, будто помолвка откладывается из-за внезапной болезни шведского короля. Гости разъехались.

Александра Павловна, эта невинная жертва политических интриг, вернувшись в свою комнату, разрыдалась от унижения и отчаяния. Она была уверена в любви своего жениха! Она ничего не понимала! А ведь все это произошло накануне ее дня рождения… И был назначен бал, который Екатерина так и не отменила! Но, разумеется, никакого праздника уже не получилось. И Александра Павловна оказалась не в силах показаться на балу.

Мария Федоровна писала своей захворавшей свекрови: «Малютка рыдает и именем Бога просит, чтобы ей не быть на балу, говорит, что чувствует себя нездоровой. Я все-таки уговариваю ее одеваться, но она просит меня ее оставить. Она чрезвычайно расстроена».

Расстроена – слабо сказано. Александра Павловна была просто убита. Вскоре она захворала, подозревали даже чахотку… Возможно, подозревали не зря, эта болезнь была настоящим бичом XVIII и XIX столетий. В последующие годы Александра Павловна не раз демонстрировала слабость здоровья, которую вполне можно было бы объяснить тлевшей в ее легких хворью.

Накануне отъезда Густава-Адольфа императрица Екатерина в личном письме делает следующее замечание относительно поведения короля: «…он не предвидит всей важности того, что может произойти и для него, и для великой княжны, если она переменит веру. Первым последствием такого легкомысленного поступка была бы утрата ею в России всякого расположения к себе: ни я, ни отец ее, ни мать, ни братья, ни сестры, никогда больше не увидали бы ее; она не осмелилась бы показаться в России, и поэтому лишилась бы значения и в Швеции».

* * *

Из записок Л. Н. Энгельгардта:

«Многие полагают, и, вероятно, по замечанию, что уже в здоровье Императрицы сделалась чувствительная перемена по случаю неудачного ее предприятия. Ей хотелось внучку свою, Великую княжну Александру Павловну, выдать замуж за шведского короля Густава Адольфа; почему поручила министру своему при стокгольмском дворе вступить по сему предмету в переговоры. Король и его двор, казалось, с восхищением к тому приступили; в июле король, в сопровождении дяди своего, принца Зюндерманландского, прибыл в Петербург. Великолепные праздники по сему происшествию следовали один за другим; король, сдавалось, был влюблен в прекрасную Великую княжну, и он был красивый мужчина; с великим удовольствием смотрели на сию будущую чету…»

* * *

Своего неверного жениха Александра Павловна больше не увидела.

22 сентября 1796 года графы Ваза и Гага отбыли к себе на родину.

А вскоре Густав посватался к Фредерике Баден-Дурлахской – той самой младшей сестре теперь уже великой княгини Елизаветы Алексеевны, супруги Александра Павловича, чью судьбу Екатерина обещала устроить… Но, разумеется, она и помыслить не могла, что живая и кокетливая Фредерика «уведет» жениха у ее кроткой внучки. Это событие сказалось на отношении при дворе к Елизавете Алексеевне: все, включая родителей великой княжны, императора Павла Петровича и императрицу Марию Федоровну, винили великую княгиню Елизавету Алексеевну в том, что она якобы расстроила помолвку Александры Павловны и тайком сосватала свою сестру за Густава IV. Вряд ли это соответствовало истине, и почти наверняка Елизавета Алексеевна пострадала зря. А пострадала она серьезно: царственный супруг совершенно охладел к ней после этого события.

Впрочем, самой Фредерике Баденской это супружество не принесло счастья – муж настолько плохо к ней относился, что она потребовала развода. А Густаву не принесла счастья ссора с Россией: в конце концов, его свергли и умер он в бедности.

* * *

Великая княжна так и не оправилась от выпавших на ее долю переживаний. Сделалась грустна и молчалива. Кончина бабушки еще усугубила ее печаль. Александра Павловна начала заговаривать об уходе в монастырь. Отец не позволил ей этого, надеясь, что молодость возьмет свое и великая княжна возродится для новой любви… Но сердце Александры Павловны было разбито.

Александре Павловне нашли нового жениха. Им стал брат австрийского императора, эрцгерцог Иосиф, наместник или, как его называли, палатин Венгерский. Он был образованным человеком с приятным, мягким – слишком мягким, как стало ясно в очень недалеком будущем! – характером. И понимал, какой честью и какой редкостной удачей будет для него брак с юной и прелестной русской великой княжной.

По случаю приезда эрцгерцога Иосифа, его помолвки и обручения с Александрой Павловной не устраивалось никаких пышных торжеств и балов. И вообще – вторая помолвка Александры Павловны прошла незаметно, в тени пышного обручения ее младшей сестры Елены Павловны с принцем Фердинандом Мекленбург-Шверинским. Большинство русских придворных полагали будущий брак Александры Павловны неудачным.

Граф Ростопчин писал в сентябре 1799 года графу Воронцову: «Поверьте мне, не к добру затеяли укреплять союз с австрийским двором узами крови. То только лишнее обязательство и стеснение; такие связи пригодны лишь в частном быту. Из всех сестер она будет выдана наименее удачно. Ей нечего будет ждать, а детям ее и подавно».

Ростопчин имел в виду, что, поскольку эрцгерцог Иосиф всего лишь младший брат императора Франца II, а сам император вторым браком женат на чрезвычайно плодовитой Марии-Терезии Неаполитанской, то у эрцгерцога нет шансов на трон, а у его детей – на сколько-нибудь видное место в политике. Да и потом, русских при венском дворе ненавидели. И нежной, чувствительной Александре Павловне почти наверняка пришлось бы там страдать. Но император Павел хотел выдать старшую дочь замуж как можно скорее, словно желая тем самым загладить неудачу с королем Густавом. А Александра Павловна кротко покорилась. Ее сердце было разбито, и ей было безразлично, за кого выходить и куда ехать.

* * *

Венчание великой княжны Елены Павловны с принцем Фердинандом Мекленбург-Шверинским произошло в Петербурге 12 октября 1799 года.

Венчание Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом произошло в Гатчине 19 октября 1799 года.

А 21 ноября Александра Павловна, теперь уже звавшаяся великой княгиней и палатиной Венгерской, покинула Россию.

В сопровождающие ей дали придворную даму Юлию Ивановну Пален и священника Андрея Самборского, который сам попросил государыню о такой милости. И государыня разрешила. Неизвестно, догадывалась ли Мария Федоровна о не совсем отеческих чувствах Самборского к Александре Павловне. Но, возможно, с ее точки зрения это было скорее достоинством, чем недостатком Самборского как сопровождающего Александры Павловны. Таким образом, у ее дочери в Вене будет не только верный друг и советник, не только духовный наставник, но и, возможно, любящий ее человек, который сможет утешить молодую женщину в ее несчастливом супружестве. В том, что супружество шестнадцатилетней Александры Павловны и двадцатидвухлетнего, неопытного и неуверенного в себе герцога Иосифа будет несчастливым – не сомневался уже никто. Вместе с Самборским в Австрию уехала его старшая незамужняя дочь Анна.

Говорили, что уезжала Александра Павловна, словно бы томимая роковыми предчувствиями. Что она была особенно нежна и прощалась с близкими словно навеки, и даже будто бы говорила, что на чужбине ее ожидает скорая кончина.

И не ее одну томили скверные предчувствия. Графиня Варвара Головина, фрейлина императрицы, вспоминала: «Император расстался с ней с чрезвычайным волнением. Прощание было очень трогательным. Он беспрестанно повторял, что не увидит ее более, что ее приносят в жертву. Мысли эти приписывали тому, что, будучи в то время справедливо недовольным политикой Австрии относительно его, государь полагал, что вручает дочь свою недругам. Впоследствии часто вспоминали это прощание и приписывали все его предчувствию».

Странно, однако, что никакие дурные предчувствия не томили Павла Петровича, когда прощался он месяц спустя со второй своей дочерью, Еленой Павловной. Воистину странно, ибо ее тоже ждали печальная участь и скорая смерть.

* * *

В Вене к русским всегда относились скверно, а тогда особенно: из-за того, что австрийцы сознавали свою зависимость от поддержки России перед лицом угрозы со стороны якобинской Франции. Несмотря на обещанную свободу вероисповедания, юная палатина немедленно подверглась жесткому прессингу со стороны католического духовенства, желавшего заполучить в лоно своей церкви и эту невинную душу. К счастью, духовник великой княгини, Андрей Самборский, был готов к такому развитию событий и помогал Александре Павловне противостоять искусителям. Но в решении внутрисемейных проблем он ей помочь не мог. А семейные проблемы появились очень скоро.

Дело в том, что император Франц II первым браком был женат на родной тетке Александры Павловны, нежной красавице Елизавете Вюртембергской. Брак этот был счастливым, но бездетным, и продлился недолго. Второй раз император женился через семь месяцев после кончины первой супруги – на своей двоюродной сестре Марии-Терезии, принцессе Неаполитанской. Она была дурна собой и истерична, зато, несмотря на внешнюю хилость, чрезвычайно плодовита и родила австрийскому императору тринадцать детей. Надо сказать, что мать Марии-Терезии – неаполитанская королева Мария-Каролина – много лет была одержима идеей породниться с русским двором. Она предлагала одну из своих дочерей в жены великому князю Александру Павловичу и получила отказ – Екатерина не желала родниться с католическим семейством. Марию-Каролину это не остановило, и, когда пришло время женить великого князя Константина, она предложила и для него одну из своих дочерей. Действовала она через своего любовника, графа Андрея Разумовского, посла России. Она была уверена, что Разумовский действительно был соблазнен ею и теперь является верным рабом своей возлюбленной. Разумеется, она и заподозрить не могла, что Екатерина подослала к ней красавца и сладострастника Разумовского с приказанием быть соблазненным неаполитанской королевой и шпионить за ней. Причем это задание было дано ему в наказание за соблазнение Натальи Алексеевны, первой жены цесаревича Павла Петровича. Так что Разумовский и не думал помогать Марии-Каролине в ее начинаниях и откровенно предупредил обо всем Екатерину, вследствие чего в ее очередном письме барону Гримму появились строчки: «Из письма графа Разумовского следует заключить, что неаполитанскому двору пришла охота весьма некстати наградить нас одним из своих уродцев. Я говорю уродцев, потому что все дети их тщедушные, подвержены падучей болезни, безобразные и плохо воспитанные». Разумеется, Екатерина снова отказала Марии-Каролине, причем

на этот раз в резкой и пренебрежительной форме. Оскорбленная в своих материнских амбициях, Мария-Каролина прониклась ненавистью ко всему русскому и особенно к русской императорской семье. Она внушила эту ненависть и всем своим детям. И надо же было такому случиться, что при венском дворе, где правила теперь одна из ее дочерей – Мария-Терезия, – появилась русская великая княжна, юная и прекрасная, и к тому же удивительно похожая на первую, потерянную, любовь императора, супруга Марии-Терезии! При виде Александры Павловны император не смог сдержать волнения, вспомнив покойную Елизавету Вюртембергскую. Если и раньше у Марии-Терезии была причина испытывать неприязнь к своей русской невестке, то теперь этих причин было две – к семейной обиде примешалась еще и женская ревность. С этого момента и начались бедствия юной палатины Венгерской. Андрей Самборский вспоминал: «Когда, с одной стороны, папское суеверие везде преследовало Великую княгиню, в то же самое время с другой стороны, по всем путям, даже в собственном Ее высочества кабинете и опочивальне, коварные сети были расстилаемы порфироносной высочайшей персоной, не одаренной природной красотой, а потому снедаемой ревностью и завистью. Сия дочь славного севера, обратив на себя все внимание и уважение народа и помрачив славу ревнивой неаполитанки, потрясла все ее существо тем более, что при первом в Вену прибытии, когда Великая княгиня представилась их цесарским величествам, император, узрев сверх чаяния, в лице своей племянницы живое изображение своей первой супруги, императрицы Елисаветы, содрогнулся. Воспоминание счастливого с ней сожития привело его в чрезвычайное смущение духа, которое равномерно чрезвычайно огорчила сердце императрицы, нынешней второй супруги! После сего возгорелось против невинной жертвы непримиримое мщение; после сего не нужно вычислять всех неприятностей, которыми нарушалось душевное спокойствие Ее высочества…»

Была у императрицы и третья причина для неприязни: красота Александры Павловны, ибо сама Мария-Терезия была дурнушкой.

Можно назвать и четвертую причину: богатое приданое, роскошные наряды и украшения Александры Павловны.

Во время первого же посещения театра Александра Павловна надела, согласно обычаю русских великих княжон и своему статусу, подаренные отцом-императором бриллианты, которые оказались роскошнее и лучше огранены, чем драгоценности императрицы Марии-Терезии, присутствовавшей на том же

спектакле в соседней ложе. Мария-Терезия – воистину «плохо воспитанная» особа, правильно заметила покойная Екатерина! – потребовала, чтобы впредь палатина Венгерская появлялась в присутственных местах без украшений. В принципе, она не имела права требовать чего-то подобного, а Александра Павловна не должна была покоряться. Но кроткая девушка, только и мечтавшая, что о мире в новой семье, покорилась и больше не надевала драгоценностей… И в следующий раз на балу украсила себя только живыми цветами. Но в обрамлении живых цветов ее красота, юная, нежная и свежая, сверкала еще ярче, чем в обрамлении золота и драгоценных камней. И еще сильнее контрастировала с уродством разряженной императрицы. Мария-Терезия вновь разгневалась и запретила невестке вообще посещать празднества – кроме церковных и официальных. Александра Павловна снова покорилась. И муж ее, эрцгерцог Иосиф, тоже не имел воли и смелости, чтобы вступиться за жену. Впрочем, Самборский за него заступается, утверждая, что «горячая любовь и уважение, которые палатин торжественно выказывал как при жизни, так и по смерти своей супруги служат ему лучшей порукой пред целым светом в том, что он никакого не имел участия в причиненных великой княгине оскорблениях…»

Но это было только начало. Вскоре начались неприятности куда более серьезные: политического свойства.

* * *

Венгрия, насильно присоединенная к Австрии, всегда считалась мятежной провинцией. Католичество там насаждалось свыше, но немалую часть населения составляли православные. Бракосочетание наместника австрийского двора в Венгрии эрцгерцога Иосифа с православной русской великой княжной дало этой части населения надежду на улучшение их положения.

Александра Павловна с супругом поселились в небольшом городке Офене, неподалеку от Будапешта. Андрей Самборский сразу начал предпринимать действия для обустройства православной церкви – согласно брачному договору, Александра Павловна должна была иметь возможность присутствовать на православных богослужениях, а православной церкви в Офене не было. Но, как уже выше было сказано, австрийцы прилагали все усилия для того, чтобы уговорить Александру Павловну перейти в католичество.

Отец Самборский вспоминал: «Римская церковь, как настоящая, так и в прошедшие времена, простирала свое

владычество на все христианские церкви, рассеянные по вселенной. Ревностные сей церкви проповедники и посланники искали обратить и соединить все народы и безъизятно весь род человеческий; коих не успели они привлечь в свое сборище наружной красотой, льстивым красноречием, индульгенциями и прочими суеверными обетами, тех прещением и буйством низвергали в пургаториум! Таковым духом и доныне дышит римская церковь в Венгрии, хотя и прикрывается непроникаемой завесой. Сия церковь все возможные способы уже было приуготовила ко приятию в свои объятия Ее императорского высочества Великой княгини Всероссийской эрцгерцогини Австрийской, палатины Венгерской Александры Павловны! Обергофмейстер палатинова двора устроил было для Великой княгини церковь по католическому обряду, под распоряжением греческого архиерея. Сей пастырь восточной церкви отправлял должность шпиона в Белграде; оттуда спасся бегством и получил в награду епархию Офенскую, в которой имеются греческие и сербские православные церкви. Он уверял, как членов королевского совета, так и других знатных особ, что российская церковь весьма удалилась от греческой и требует реформы. Под сим предлогом он всемерно старался сам совершать в русской церкви священнослужение, быть духовником Великой княгини и, отстранив меня от должности, тем самым споспешествовать присоединению ее к римской церкви; к этому же стремился и богатый князь Батиани, кардинал и венгерский примас. Он употребил значительную часть своих доходов на принесение различных даров Ее высочеству, сверх сего купил великою ценою близ города сад и подарил палатину в том намерении, чтобы почаще иметь уединенную с Великой княгиней конференцию о соединении с Римским престолом; но смерть прекратила и жизнь, и намерение этого ветхого обольстителя. Однако, многие другие заняли его место. На таковых беспокойных искусителей часто жаловалась моя Великая княгиня, верная дочь православной церкви, иногда с усмешкой, иногда с негодованием. И между тем, приказала мне устроить собственную церковь, дарованную ей ее августейшими родителями, искусно расписанную. Когда я этот благолепный иконостас устанавливал на место весьма нелепого их иконописания, выпустили на меня неистовую клевету, будто бы я, разодрав иконостас, топал ногами и с презрением выбросил за порог. А чтобы еще более ненавистным представить меня публике, то везде разглашали, что я крамольник, что раздавая милостыню слепым, хромым, изувеченным и престарелым, коих там очень много, прельщаю народ, и что я послан сюда с тем, дабы всех единоверных сербов взбунтовать и переселить в

Россию. Для отвращения таковых страшных поношений, заключил я себя в четырех стенах, почти год не имея ни с кем общения, кроме моей церковной должности».

Отцу Андрею Самборскому всячески препятствовали в его начинании: обвиняли в неуважении к католической церкви, в замыслах против австрийского правительства. Но Самборского не так легко было свернуть с пути, и православная церковь в Офене все-таки появилась. Туда немедленно потянулись верующие православные не только из Офена, но и из окрестностей. Австрийские власти это «гнездо православия» очень раздражало. И они решились на отчаянные меры: в праздник Пасхи 1800 года австрийская полиция принялась изгонять верующих из храма под предлогом чрезмерного скопления. Когда отец Андрей попытался восстать против этого попрания религиозных прав – он был избит палками. Александра Павловна была очень огорчена этим событием и хотела пожаловаться отцу. С трудом Самборский уговорил ее этого не делать: «Многие, в числе коих и духовник палатинов, желали быть на освящении церкви, но всем от правительства было запрещено. После освящения, Великая княгиня ежедневно присутствовала в церкви и приуготовлялась ко причастию Святых Тайн. Со дня на день церковь все более наполнялась народом, который с величайшим удивлением взирал на благоговейное моление Великой княгини. Необыкновенная красота ее лица пленяла зрение, а благоприветливость ее порабощала всех сердца. Таковое расположение народа делало, вне отечества, Великой княгине душевное утешение. Но в последующие дни св. Пасхи, все стечение народа бесчестно и нагло было изгнано палками из церкви, без уважения знатных лиц, от чего чуть было не последовало смятение. Это бесчестие, оказанное русской церкви, произвело такое оскорбление в душе Великой княгини, что она, проливая слезы, вознамерилась было отправить курьера к Его Величеству, Императору Павлу, но я умолял ее оставить это намерение».

Действительно, то был не самый подходящий момент для очередного конфликта. Военная компания 1799–1800 годов против Наполеона подходила к концу, император Фердинанд с помощью русских штыков и военного гения Суворова вернул себе утраченные земли, и теперь уже гораздо меньше нуждался в помощи России: причем он был настолько уверен в том, что теперь обойдется без русских, что даже «позабыл» наградить Суворова. И, разумеется, вспоминать о том, скольким они обязаны русским, а также о вопиющей неблагодарности своего императора, австрийцам было неловко, и это усиливало неприязни ко всему русскому – и, как следствие, ненависть

Марии-Терезии и ее двора к русской жене эрцгерцога Иосифа.

* * *

Александра Павловна забеременела.

Андрей Самборский писал: «О бедствиях ли, причиненных французами, или о разрешении от бремени палатины в Венгрии более размышляли австрийские политики, наверно нельзя определить. Известно только то, что они союз с Россией почитали весьма опасным для империи. Честный союз с Россией, конечно, был бы для Австрии спасителен, но их политическая система основана на интригах, вероломстве, гордости и притеснении всех подданных, кои не суть паписты. Дух и преданность к России единоверных сербов, чрезвычайно угнетаемых, а вместе с ними и сообществ евангельской и реформатской церквей, непрестанно ищущих себе ограды, весьма явно открылись во многих случаях. По сему-то министры объяты были страхом, что когда венгерская палатина разрешится от бремени принцем, то Венгрия непременно отложится от Австрии…»

Действительно, австрийское правительство было напугано. Александру Павловну обожали православные венгры, да и она выказывала им чрезмерную, по мнению австрийцев, симпатию. На один из придворных маскарадов она даже явилась в венгерском национальном костюме, чего никто до того времени не делал, ибо национальный костюм – крестьянский костюм! – считался чем-то постыдным, одеждой бедняков и оборванцев. Для Александры Павловны его сшили из роскошных тканей и изящнейшим образом украсили. Позже в этом костюме она появилась во время крупного православного праздника, что правительством было сочтено откровенным заигрыванием с народом. Вряд ли у наивной, юной, запуганной новой родней Александры Павловны были далеко идущие политические планы. Вряд ли она заигрывала с будущими подданными и вряд ли думала даже о том, что может призвать Венгрию отделиться от Австрии и стать правительницей самостоятельного государства… Скорее всего, будучи милой и доброй девочкой, она всего лишь хотела доставить своим подданным удовольствие, проявить уважение к их национальным традициям. Но австрийское правительство, особенно же ревнивая Мария-Терезия решили перестраховаться и не допустить раздела империи.

По приказу Марии-Терезии эрцгерцогу и его супруге пришлось немедленно прибыть в Вену. Им отвели покои не в Шенбруннском дворце, а отдельные – неудобные, тесные и сырые

– в домике, находившемся в дальнем углу сада. Мария-Терезия приставила к Александре Павловне собственного врача. Самборский писал о нем: «Доктор, определенный к ней, был противен ее природному характеру, давал лекарства неприятные, ибо он более искусен был в интригах, нежели в медицине, а притом в обхождении груб». Вначале беременность молодой женщины проходила легко – но с момента приезда в Вену, с тех пор, как о ней стал «заботиться» этот австрийский врач, состояние ее здоровья внезапно ухудшилось, и ухудшалось с каждой неделей, ее стали мучить судороги в ногах, обмороки, тошнота, она совершенно потеряла аппетит. Вполне возможно, что, следуя приказу Марии-Терезии, доктор давал беременной палатине Венгерской под видом лекарств какой-то медленный яд, который убивал и ее, и дитя, которое она носила.

Из-за постоянных приступов рвоты и отсутствия аппетита Александра Павловна начала стремительно худеть. Обеспокоенный супруг приказал обер-гофмейстеру, чтобы жене готовили согласно ее вкусу, перед каждой трапезой спрашивая ее пожелания. Но все равно эрцгерцогской чете подносили, согласно запискам того же Самборского, «такую рыбу и другие кушанья, которых Великая княгиня употреблять не могла». Однажды, когда Александре Павловне очень захотелось поесть свежей рыбы, Самборскому пришлось самому позаботиться о том, чтобы его воспитанница получила желаемое: «Я тотчас же пошел в Вену и, переменяя часто в переноске свежую воду, представил пред ее глаза животрепещущую рыбу; Великая княгиня была весьма довольна. Дочь моя состряпала по ее вкусу, и Великая княгиня покушала в охотку… Я имел счастье исправлять должность верного комиссара, а моя дочь преусердной поварихи».

Андрей Самборский, как мог, старался поддерживать и опекать Александру Павловну в ее деликатном положении, но, разумеется, не мог вовсе оградить ее от обид, наносимых со всех сторон, и прежде всего – со стороны императрицы Марии-Терезии. Самборский писал: «Она явно показывала свое неблагорасположение к Венгерской палатине, ибо, почти ежедневно проезжая мимо жилища ее высочества, ни единожды не осведомилась о состоянии здоровья, несмотря на то что великая княгиня в беременности своей была подвержена частым припадкам». Не осведомиться о состоянии здоровья царственной родственницы – противоречит придворному этикету и является неприкрытым оскорблением. Неудивительно, что Александра Павловна почти всю беременность провела в слезах.

Между тем, император Фердинанд рановато отверг помощь русских и понадеялся на собственные силы. Французские солдаты

снова шли по австрийской земле и уже близились к Вене. И не было Суворова и русских штыков, чтобы удержать их.

Эрцгерцог Иосиф должен был принять командование над своими войсками. Александре Павловне очень не хотелось разлучаться с мужем и оставаться одной в негостеприимной Вене. Она последовала за ним. Она хотела было плыть по Дунаю, потому что от езды в карете ей становилось дурно, но доктор, приставленный к ней Марией-Терезией, потребовал, чтобы его подопечная путешествовала именно сухим путем. От чего ее, естественно, растрясло, и ей пришлось-таки вернуться в Вену. Тут уже Александра Павловна окончательно пала духом. Даже Самборскому не удавалось утешить и приободрить ее. Он вспоминает, в частности, такой эпизод: «Предавшись глубокому молчанию и размышлениям, приближалась Ее высочество к Офену, и, увидев бедного мертвеца, несомого на кладбище, с равнодушием изволила сказать: „Этот бедный мертвец показывает мне путь, как уклониться от великолепного бедствия к вечности“».

Александра Павловна начала готовиться к неизбежной смерти и даже написала завещание. Она так умоляла императора и императрицу отпустить ее в Офен, что в конце концов сделалось просто неприличным с их стороны отказать ей в такой малости. И ее отпустили. Тем более что она была уже на девятом месяце, и «лекарства» австрийского врача уже окончательно подкосили ее здоровье.

«По мнению общему, самый искусный акушер избран был в Вене для Великой княгини. По приезде своем в Офен, он нашел ее в великом унынии, которое, как ему, так и всем, казалось весьма неприятным, – вспоминал Самборский. – За неделю перед разрешением от бремени Ее высочество вознамерилась исповедоваться и причаститься Святых Таин. Доктора не соглашались, представляя в резон, что она, проходя в церкви через многие комнаты, может простудиться, и также потому, что таковое действие может принести новое смущение духа. Я в ответ им сказал, что, не подвергая Ее высочество переменному воздуху, освящу причастие в церкви, которое принесу в тронную комнату, где по совершении исповеди и надлежащих молитв, Великая княгиня может без всякой опасности причаститься Святых Таин, и что это священнослужение произведет в ее положении душевное спокойствие, которое действительно, после святого причастия, к удивлению и утешению всех, ясно в лице ее оказалось».

* * *

Роды у Александры Павловны начались 21 февраля 1801 года. Почувствовав, что время пришло, она пожелала причаститься и исповедоваться в православной церкви. Эрцгерцог Иосиф прибыл, когда роды были уже в разгаре, и жена его потеряла рассудок от боли. Роды были долгие и мучительные. Александра Павловна была слишком слаба, чтобы самостоятельно «вытужить» крупного ребенка. Акушер – из местных, а не ставленник Марии-Терезии – в конце концов попросил разрешения на хирургическое вмешательство.

Самборский вспоминал: «Когда акушер приметил, что естественные силы Великой княгини изнемогли, тогда представил он палатину о таковом изнеможении и получил от Его высочества согласие употребить инструменты, которыми он и вытащил младенца, жившего только несколько часов. Доктора препоручили мне уведомить Великую княгиню о смерти принцессы…»

Конечно – кого же еще!

Эрцгерцог Иосиф попросту струсил и решился навестить жену только на следующий день. Впрочем, нельзя не отметить, что он действительно любил Александру Павловну, и не его вина в том, что по слабости характера он не смог быть для нее достойной защитой и опорой. Он очень горевал и проплакал все время, пока она мучилась в родах, и потом – когда Самборский ушел, чтобы сообщить ей о смерти ее ребенка. Он плакал и не хотел, чтобы жена видела его слезы. И сам не мог видеть ее слез.

Но Александра Павловна не плакала…

«Облеченный в священные одежды, предстал я одру Ее высочества и, прочитав установленные молитвы после разрешения от бремени, поздравлял Великую княгиню. Она отвечала, что роды были весьма мучительны, но что она ничего верного не знает о состоянии своей дочери, – вспоминал Самборский. – Я с подобающим благоговением сказал, что дражайшая Ее высочества дочь переселилась в число ангелов. Сердобольная мать не была поражена сим печальным известием, но с покойным духом и твердым голосом сказала: „Благодарение Богу, что моя дочь переселилась в число ангелов, не вкусив тех горестей, которым мы здесь подвержены!“»

* * *

Восемь дней после родов Александра Павловна была слаба, ее лихорадило, не прекращались кровотечения. Кроме того, больная пребывала в глубокой депрессии из-за смерти ребенка и

даже не желала своего выздоровления, а напротив – все время заговаривала о смерти. Тщетно внушал ей Самборский, что уныние есть смертный грех…

На девятый день жар спал, и врачи разрешили ей подняться с постели, считая, что опасность миновала. Но к вечеру у нее вновь поднялась температура, причем выше прежней, молодая женщина буквально плавилась в жару, начался бред, провалы в сознании – в общем, появились все признаки родильной горячки, то есть заражения крови, случавшегося у рожениц из-за дурного ухода. Андрей Самборский писал: «После родов на девятый день поутру Великая княгиня всех обрадовала своим выздоровлением, была признана докторами вне всякой опасности. Палатин на куртаге, равно и все собрание, известясь о сем, были весьма веселы. Но к величайшему прискорбию пополудни радость наша переменилась в печаль: Ее высочество почувствовала сильный жар, начала приходить в отсутствие мыслей: в таком состоянии и в смущенном дремании часто повторяла, что тесно и душно ей жить там, и просила своих родителей построить в России хоть маленький дом!.. К вечеру жар и слабость умножились; по полуночи в 3-м часу она пришла в крайнее изнеможение и только что могла приказать пригласить к себе своего супруга, которого облобызав, сказала: „Не забудь меня, мой любезный Иосиф!“ Сказав это, осталась она безгласна и начала стонать. Я призван был на моление; облекшись в священные одежды, предстал я одру Ее высочества и, осенив ее святым крестом, поднес к устам ее. Верная дочь православной церкви, обратив быстрые свои и горячими наполненными слезами очи на изображение Распятого Спасителя, облобызала его со всей христианской горячностью, потом крепко прижала к своим персям. Когда я близ одра читал с коленопреклонением молитвы, то казалось, что ее высочество со всевозможным вниманием и сердечным чувством содействовала оным молитвам. Так приуготовлялась сия благочестивая и непорочная душа в небесные селения…»

Эрцгерцог Иосиф и отец Андрей Самборский всю ночь находились подле нее. В три часа ночи сознание ненадолго возвратилось к Александре Павловне. Она узнала склонившегося над ней мужа и Самборского, который на коленях стоял в изголовье кровати, назвала их по именам. Потом она уснула, и врач настоял, чтобы ее оставили одну, дали поспать. Ее и оставили – совсем одну, даже без сиделки…

В шесть часов утра Самборский все-таки упросил разрешения, чтобы навестить больную. И нашел ее уже мертвой. Глаза ее были широко открыты, а в руках она сжимала фарфоровый колокольчик. Перед смертью она хотела кого-то позвать, да

только у нее не хватило на это сил…

Семнадцатилетняя русская великая княжна, палатина Венгерская Александра Павловна умирала в ужасных мучениях и душевном отчаянии – и умерла в абсолютном одиночестве 4 марта 1801 года.

Когда овдовевший супруг, эрцгерцог Иосиф, узнал о ее смерти, он лишился чувств, и его обморок продолжался три часа, так что врачи опасались даже, что его от потрясения хватил удар. Но он оправился и даже смог в тот же день написать императору Павлу I, сообщая о смерти своей жены и его старшей дочери: «Ее уже нет, и с ней исчезло все мое счастие. Вашему величеству я был обязан моими семейными радостями, и воспоминания о них неизгладимы во мне. Взгляните с состраданием на Вашего несчастного сына и не откажите ему в милости – дозволить ему и впредь называть Вас отцом».

Спустя четыре дня палатин Венгерский писал русскому императору уже из Вены, куда прибыл, сопровождая гроб с телом супруги, чтобы выбрать место для ее захоронения: «…Я приготовил было место в склепе капуцинской церкви в Буде, там, где уже покоится мой несчастный младенец. Между тем здешний двор, по-видимому, намерен перенести тело в императорский фамильный склеп в Вене; наконец, духовник покойницы не соглашается исполнять погребение в католической церкви. Потому я покорнейше прошу Ваше величество объявить мне Ваши приказания на этот счет. Тело покойницы покуда в покое небольшого загородного дома близ Буды, подаренного мною жене при жизни ее…»

Император Павел I был убит заговорщиками 11 марта 1801 года[1] в Михайловском замке. Известие о кончине Александры Павловны было получено в Петербурге уже после смерти Павла и добавило страданий овдовевшей императрице Марии Федоровне. Она любила своего вздорного супруга – и потеряла его при таких ужасных обстоятельствах! И вот через два дня после кончины его она узнает о том, что потеряла еще и старшую дочь. Притом что до сих пор Мария Федоровна более всего тревожилась о состоянии здоровья второй своей дочери, Елены Павловны, умиравшей от чахотки в Мекленбурге, и никак не ожидала удара с этой стороны.

В общем, палатин Венгерский так и не получил ответа относительно того, как следует похоронить его жену.

* * *

Все хлопоты об упокоении останков Александры Павловны взял на себя Андрей Самборский. Он наметил было место в саду – ее любимое место, которое она сама когда-то указала, как наилучшее для того, чтобы быть погребенной – но по приказу венского двора гроб с телом палатины Венгерской был поставлен в подвале капуцинской церкви, рядом с торговой площадью. Самборский был возмущен таким выбором. Он писал: «Обер-гофмейстер приказал мне изготовиться к погребению и назначил кладбище для Ее императорского высочества Великой княгини под капуцинской церковью. Положение сего кладбища я должен описать, хотя кратко: это был малый погреб, имеющий вход от площади, на которой бабы продавали лук, чеснок и всякую зелень, и что сверх продажи оставалось, то они в том мрачном и тесном погребу по денежному найму хранили, от чего там был непереносимый смрад. Таковое унижение терзало мою душу, и я, призвав Бога в помощь, дерзновенно сказал обер-гофмейстеру, что Великая княгиня не есть римской церкви, что она дочь Всероссийского императора, чего ради достоинство ее требует, чтобы гроб ее пребыл в собственной Греко-российской церкви в течение шести недель при совершении святой Литургии и поминовения. Оный обер-гофмейстер, хотя и был верный последователь и исполнитель, как сие по последствиям дел оказалось, австрийской системы, однако не мог отказать мне в этом требовании, сильно устрашаясь тогда гнева, могущего воспоследовать от Его величества (ныне покойного) Императора Павла; почему он, обер-гофмейстер, и в ноте, тогда же мною в оригинале отправленной в С.-Петербург, представил: „дабы гроб Ее высочества остался в русской церкви до высочайшего повеления от русского двора“, но между прочим сказал мне, что гроб этот ни под каким видом не может остаться во дворце. Этот его приговор я решил тем, чтобы гроб перенести в собственный Ее высочества, дарованный палатином, сад, в котором имеется небольшой дом и комната чистая, и весьма выгодная для устроения подвижной церкви и для постановления в оной гроба».

В Вене еще не было известно о смерти российского императора и пока еще можно было пугать его недовольством… Самборский решительно отказался похоронить Александру Павловну в капуцинской церкви и даже уговорил ее безвольного супруга настоять на том, чтобы палатина Венгерская была похоронена в Офене. При перевозке тела произошло огромное стечение народа – многие православные венгры шли поклониться усопшей русской княжне, словно святым мощам. Католическое духовенство, беспокоясь о возможном возмущении народа во время похорон, потребовало, чтобы погребение было совершено

ночью. Но Самборский и тут проявил твердость: Александру Павловну погребли при свете дня. Сначала ее похоронили на капуцинском кладбище, но там нельзя было возвести над ее телом православную часовню, чего очень хотел Самборский. Именно потому и хотел он похоронить ее в саду при дворце, поскольку в саду можно было землю освятить по православному обряду и часовню отстроить. Но Самборскому предложили выбирать: или палатина Венгерская будет лежать на капуцинском кладбище, но без часовни, или – в далекой православной деревушке Ирем, но там часовню разрешат поставить. Самборский неожиданно для всех выбрал Ирем, сам съездил туда и наметил участок, и останки Александры Павловны снова потревожили, чтобы перевезти уже к месту окончательного упокоения.

Самборский подробно описал, как происходили все стадии похорон палатины Венгерской: «Марта 4-го дня преставилась Великая княгиня, и 9-го назначено было перенесение гроба из дворца в сад, отстоящий далее четырех верст. Стечение народа было столь многочисленно, что все оное расстояние было наполнено. Я, предшествуя со святым Евангелием и кадилом гробу, который был сопровождаем воздыханиями и слезами народа, предстоявшего с обоих сторон, когда достиг святого храма и поставил в оном гроб, не мог начать священнослужения до тех пор, покуда не утишились вопли и рыдания! Епископы Римской церкви, распустившие молву, что Великая княгиня присоединилась к их церкви, но притом лишившиеся случая заключить гроб ее в капуцинском кладбище всеусильно старались участвовать со своей музыкой и со своим собором в сопровождении гроба, а чрез то показать торжественно публике их вымышленное соединение. Но представил им решительно, что восточная церковь не терпит смешения с западной по своему чинопоследованию, и что потому священнослужение единственно мне принадлежит. Негодование этих пастырей в высшей степени увеличилось против меня, и тем паче, что в продолжение восьминедельного ежедневного священнослужения, по несколько сот народа разного исповедания приходило в церковь: иные с благоговением преклонив колена пред гробом, проливали теплые слезы; иные же воздвигая свои руки к небу, приносили Всевышнему молитву, или, ударяя себя в грудь, произносили: „Лучше бы я умер, или моя жена, или мои дети, нежели эта юная, прекрасная и благоприветливая принцесса, благотворительная мать и царица венгерских сердец!“ Во время, когда ни священнослужения, ни людей не было в церкви, приезжал один великоименитый муж римско-католического исповедания, но

преисполненный честности и ревности к своему отечеству. Он преклонил колена пред гробом Венгерской палатины и произнес жалким и пронзительным голосом: „В этом гробе лежит теперь наше осиротевшее Венгерское царство! В этом гробе погребена наша надежда и все наши планы! Из этих кратких слов можно всякому ясно разуметь сердечные желания благородных, честных и храбрых венгров, которых единодушными устами я один вещаю эту священную истину, здесь, в храме Божием. Заклинаю тебя этим гробом, в крепкой тайне засвидетельствуй о сих речах своему монарху. Правосудие Божие предопределило сему владыке быть покровителем угнетенной Венгрии!“. Произнеся эти слова, залился он слезами и удалился из храма, в который, спустя несколько дней, пришел, в уединенное время, генерал-губернатор сербов, подобный характером первому, но церкви евангельской. Поклоняясь гробу и вошед в святой алтарь, произносил слова такого же смысла и важности, как и первый, прибавив к сему и то, что по смерти благочестивейшей Венгерской палатины, сильное вдруг восстало римо-католическое гонение на церковь евангельскую и сербскую, которых он, как всегда сохраняющих взаимное христианское согласие, препоручает покрову благочестивого русского Императора, и именем Живаго Бога заклинал он меня, дабы я чистую веру и твердую надежду сербов представил на усмотрение русского престола. Таковые слова, изреченные при гробе бессмертной Александры, тем сильнее действовали на мое сердце, что и Великая княгиня часто мне открывала свое богоугодное намерение, что после разрешения от бремени она всемерно будет стараться защищать гонимых и угнетаемых папским суеверием. В это плачевное время от обер-гофмейстера палатинова двора была прислана ко мне официальная нота, которую я в оригинале тогда же препроводил в С.-Петербург. В ней было изображено следующее: „Народ ропщет, что доселе августейшая персона не погребена: чтобы сию печальную церемонию кончить в наивеличайшем инкогнито, разумеется, ночью и без всяких почестей“. Сему министру отвечал я в Вену, что готов во всякое время запечатлеть Ее высочества гроб последними погребальными молитвами и земною перстию, по обряду православной церкви, в которой Ее высочество и крещена святым крещением; наивеличайшее же инкогнито не принадлежит сему августейшему лицу, ибо целому свету известно, что ее Высочество дочь Всероссийского императора и сестра Всероссийского же императора, ныне царствующего. Обер-гофмейстер, по приезде в Офен, отменил инкогнито и согласился, дабы, после совершения Святой Литургии и погребальных молитв, гроб был препровожден в капуцинское кладбище при

дневном свете и с подобающей честью, которая, однако ж, была весьма ограничена, изъявлялась более стечением премногочисленного плачущего народа, особливо же единоверных сербов, которые, лишившись своей покровительницы, тяжкое начали претерпевать гонение. Для утешения сих и для опровержения католических разглашений об унии, просил я у обер-гофмейстера позволения сопровождать гроб, предлагая в резон, что наш обряд требует, дабы у гроба был утвержден образ священномученицы Александры, которым и родители Ее высочества благословили свою дочь при крещении. Когда он на сие согласился, то я припас и освященную воду, которой, при входе моем, окропил оное кладбище. Это поставлено было мне в важное преступление от папского духовенства, собравшегося там с тем, чтобы принять гроб по своему обряду. Я, приметя их намерения, остался у гроба, читая тихим голосом некоторые молитвы до тех пор, покуда оное духовенство не разошлось по своим местам. Не удалось им и в сем случае подтвердить своих ложных разглашений…»

Над могилой Самборский выстроил маленькую церковку. Впрочем, и в деле с постройкой церкви не обошлось без интриг и препятствий. «Архитектор, весьма не доброхотствующий России, построил Греко-российскую церковь не как было представлено в проекте к русскому двору, но в виде, представляющем надгробную пирамиду, и столь тесную внутри, что ни иконостас не мог вместиться, ни священник в алтаре не мог иметь свободное хождение вокруг престола. Это устроено было таким образом с той целью, как меня некоторые уверяли, чтобы по перенесении гроба, запереть оную и прекратить священнослужение, а с тем вместе и положить конец той преданности, которую народ, приходящий на моление, изъявлял покойной палатине, а по этому поводу России и ее Императору. Но таковые злоумышления остались тщетны, – писал Самборский. – Как наша православная церковь, так и гроб Великой княгини пребывают и доселе в своем достоинстве и народном уважении. С подобающим благоговением служение совершает в оной избранный мною священноиерей Николай Музовский, по представлению моему определенный Его Императорским Величеством – моим преемником…»

Андрей Самборский служил в этой церкви и жил подле могилы Александры Павловны до лета 1804 года, когда из-за болезни он вынужден был вернуться в Россию. Но на его место приехал священник Николай Музовский, и на протяжении всего XIX столетия в церкви-усыпальнице проводились богослужения.

В России Самборскому выдали казенную квартиру в

Михайловском замке. Он поселился там и устроил в домовой церкви что-то вроде алтаря памяти Александры Павловны, разместив там пять икон, которые сопровождали ее во время пребывания в Австрии и не были помещены в церкви-усыпальнице – и парадные одежды Александры Павловны, которые он купил на распродаже ее вещей в Вене. Он больше не женился и всю оставшуюся жизнь служил сохранению памяти прекрасной, так рано умершей великой княжны Александры Павловны, которую он любил всем сердцем.

Только последний год своей жизни отец Андрей Самборский провел не подле своих святынь, а на даче в Александровке, недалеко от Царского Села. Дело в том, что его дочь Софья, бывшая замужем за первым директором Царскосельского лицея В. Ф. Малиновским, скоропостижно скончалась в 1812 году, через два года за ней последовал и ее супруг, и на руках Самборского остались двое их осиротевших детей. Пришлось отцу Андрею оставить службу и посвятить себя внукам. Вместе со своей незамужней дочерью Анной (той самой, которая сопровождала его в Венгрию) он переехал в Александровку, где и скончался в 1815 году.

Эрцгерцог Иосиф четырнадцать лет носил траур по своей обожаемой супруге. Четырнадцать лет – огромный срок для принца крови! И всю жизнь, согласно воспоминаниям близких, хранил светлую память о первой жене своей, столь безвременно почившей. Согласно закону, он унаследовал внушительное приданое Александры Павловны, но строго исполнял ее предсмертные указания: выплачивал пенсии и вспомоществования всем, кому таковые назначила его покойная жена.

Только под давлением родных он в 1815 году женился на принцессе Гермине Ангальт-Бернбург-Хоймской. Но казалось, несчастного эрцгерцога преследует проклятье… Гермина умерла через два года после свадьбы, в возрасте двадцати лет, родив мужу близнецов. Правда, на этот раз дети – мальчик и девочка – выжили. В 1819 году Иосиф женился на принцессе Марии Доротее Вюртембергской, и этот брак наконец оказался длительным: Мария Доротея родила мужу пятерых детей и пережила его на восемь лет. Эрцгерцог Иосиф скончался в 1847-м, на 71-м году жизни. Интересно, что обе его супруги приходились Александре Павловне родственницами. Впрочем, это как раз весьма распространенное явление в королевских семействах того времени.

* * *

В 1805 году, во время антифранцузской кампании, Австрия опять показала себя неверным союзником России, и общее недовольство и гнев русских вызвал в памяти недавнюю кончину Александры Павловны и те страдания, которые она перенесла всего за пятнадцать месяцев пребывания в Австрии. В 1806 году Гавриил Романович Державин написал стихотворение «Эродий над гробом праведницы»:

Прочь, Фурья зависти, от гроба
Блаженной и не смей взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Терзает тайно твою грудь!

Теките ж к праведницы гробу
О, влах и серб, близнец славян
И, презря сокровенну злобу,
Ее лобзайте истукан, —
Клянясь пред Всемогущим Богом
Сим нам и вам святым залогом,
Что некогда пред ним ваш меч
В защиту веры обнажится…

Как урны глиняны, скудельны,
На круговратной зиждясь дске,
И зданья буйно вознесены на рыхлосыпчатом песке,
Так точно все через коварство
Распространившиеся царства
И козни славныя страны
В коротко время разрушатся,
Страстьми своими сокрушатся,
И след их будет местом тьмы…

Врожденно русским есть геройство,
И ваше нам подобно свойство;
Одним бы солнцем греться нам!
Не разделяет тех пространство,
В ком кровь и ум, и дух один…

«Фурья зависти» – это, конечно же, главная обидчица покойной палатины: императрица Мария-Терезия. Она, кстати, ненадолго пережила палатину, скончавшись в 1807 году и оставив по себе недобрую память.

Брак Александры Павловны и эрцгерцога Иосифа так и остался единственным – и неудачным! – опытом родства между

Домом Романовых и австрийскими Габсбургами.

* * *

В 1807 году известный скульптор И. П. Мартос создал по просьбе императрицы Марии Федоровны памятник Александре Павловне, который был установлен в Павловске, на берегу речки Славянки. Мраморный памятник на постаменте из лабрадора оказался очень удачным. Василий Жуковский был так потрясен красотой этой скульптурной группы, что даже посвятил ей стихотворение:

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величине смиренья;
Взор в небо устремлен; над юной головой
Горит звезда преображения.

Стихотворение снабжено прозаическим отрывком, описывающим памятник: «Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры, и рука ее, подъятые к небесам, как будто говорят: да будет воля Твоя. Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу – и уже над головой ее сияет звезда новой жизни…»

Во время Великой Отечественной войны фашисты буквально сравняли Павловск с землей: так же как Петергоф и Екатерининский дворец с парком. Часть парковых скульптур была вывезена в Германию, а часть – не представлявшую интереса для Рейха – не поленились взорвать. Так был уничтожен и памятник Александре Павловне. Правда, сохранилась мраморная композиция, которую Мартос представлял императрице в качестве образца для будущего памятника: она хранится в Русском музее.

Усыпальницу Александры Павловны в Ireме посещали в 1814 году ее старший брат, император Александр I, и сестры – великие княгини Мария и Екатерина Павловны.

А за четыре года до них, в 1810 году, могилу посетил русский генерал В. Б. Броневский, оставивший запись об этом: «Дворец в Офене теперь совершенно пуст; палатин после смерти своей супруги никогда в нем даже на время не останавливался. Во

дворце мебель, все вещи сохранялись в том виде, в каком они были при жизни Великой княгини. Так, на открытом фортепиано лежала тетрадь русских арий; эрцгерцог отметил своей рукой песню „Ах, как скучно мне на чужой стороне“, которую его супруга пела в последний раз в жизни. Привратник узнав, что мы русские, тотчас привел к нам священника, живущего здесь при гробнице Александры Павловны, – имя магическое для обожавших ее венгров… Жители всегда называли ее покойною королевою. Гробница ее находится в деревушке, населенной сербами в 10 верстах о[т] города. Отец Николай (Музовский) заслужил здесь великое уважение. Крестьяне протестантского исповедания приходят к нему из дальних деревень, он читает им Евангелие на немецком языке; по праздникам же посещают церковь его добрые сербы из соседних деревень… Всякому известно, с каким восторгом Александра Павловна принята была на пути ее к столице Венгрии и в самой Вене. Благосклонность ее, доступность, кротость, пленительное обращение и неземная красота, подобно магическому жезлу, покорили сердца благородных венгров; вся нация видела в ней опору, надежду и утешение. Политические мечтатели не замедлили распространить пустые слухи, основанные на чрезмерной преданности и любви к ней народа, особенно славян греческого исповедания, которым через покровительство ее, доставлены многие преимущества, касающиеся до свободного последования обрядам своей церкви. Сии пустые слухи огорчали Великую княгиню; она однако ж своим откровенным поведением умела рассеять несправедливые подозрения осторожного двора, но не могла охладить очарованной ею нации. Любовь народа при последних днях ее жизни достигла до фанатизма. Недостаточное движение до разрешения ее от бремени, которое не совсем было счастливо, и твердая пища, как полагают здешние медики, были главнейшей причиной преждевременной ее кончины. Но другие уверяют, что она умерла в девятый день от родов по обыкновенным причинам, и сие гораздо вероятнее. К несчастью, имели неосторожность объявлять любопытному народу каждый день по два раза, что королева находится вне опасности, как вдруг ее не стало, и невозможно было скрыть ее смерти. Сначала никто не хотел верить, но вопли горести и отчаяния, унылый звук колоколов и печальный вид придворных привел в движение народ, между коим и доселе не истребилось ложное мнение о причине ее смерти, и те из них, которые допущены были до гроба, видя бездыханное тело обожаемой королевы, думали, что она только покоится сладким сном, требовали и умоляли возвратить ей жизнь. Опустим завесу на сие печальное происшествие; не будем

верить несправедливым толкам легковерных людей и не будем обвинять народ добрый, но всегда легкомысленный».

Те, кто знал и любил Александру Павловну, постепенно уходили из жизни: не стало Андрея Самборского и ее царственной матушки Марии Федоровны, умер брат-император Александр, его на троне сменил младший – Николай, который свою старшую сестрицу едва запомнил, только прощание с ней при отъезде… Покинули сей мир и все ее сестры… По-прежнему в маленьком храме-усыпальнице велись православные службы, но все страсти, бушевавшие вокруг как живой, так и усопшей палатины Венгерской, были практически позабыты.

И только в 1883 году, когда отмечалась столетняя годовщина со дня рождения Александры Павловны, в России вспомнили о печальной ее судьбе и о месте ее упокоения. К тому моменту церковь простояла восемьдесят два года, и в ограде ее образовалось маленькое русское кладбище для живших при церкви священников и членов их семей. Всего же подле усыпальницы Александры Павловны один за другим несли службу одиннадцать настоятелей Русской православной церкви. Действующий на тот момент настоятель иремского храма обратился в Петербург с прошением об очередном обновлении места упокоения палатины Венгерской, и император Александр III пожертвовал для церквушки, как писали в газетах, «новый иконостас в резной дубовой раме, новое церковное облачение, предметы церковной утвари». А 29 июля, в день рождения Александры Павловны, в Ирем из Штутгарта торжественно прибыли протоиерей Базаров, члены русского посольства в Вене и генерального консульства в Будапеште. И православные верующие из соседних деревень тоже собрались помолиться у стен храма об упокоении светлой души палатины Венгерской.

Один из популярнейших журналов того времени, «Исторический вестник», направил корреспондента в Венгрию и напечатал пространный отчет: «В десяти верстах от Будапешта, по старой венской дороге раскинулась небольшая деревенька Ирем, место погребения Великой княгини Александры Павловны, бывшей палатины Венгерской. Эта деревушка принадлежит эрцгерцогу Иосифу, сыну покойного эрцгерцога Иосифа, бывшего супругом Александры Павловны… При въезде в деревушку, среди небольшого садика устроен императорский надгробный храм, сложенный из цоколей (камней) местной каменоломни. Снаружи он имеет форму продолговатого четырехугольника, а внутри – форму правильного овала с невысоким сводом. Под полом находится склеп, в котором на каменном пьедестале поставлен гроб с останками Великой княгини, с бархатным покровом. На

восточной стороне склепа – крест с надписью, где говорится, что он поставлен по благоизволению Александра I, по обету Венгерского палатина Иосифа в память супруги… Гроб с останками перенесен сюда только в 1803 г. В 1838 г. храм был обновлен и снова освящен. В 1879 г., по повелению эрцгерцога Иосифа (сына), снова было обновление храма: он был отремонтирован и выкрашен…»

Александра Павловна умерла в первый год нового XIX столетия. А за год до окончания этого золотого для России века в деревушке Ирем побывал русский путешественник, рассказавший потом на страницах газеты «Новости», что храм почти заброшен и усыпальница являет собой печальное зрелище: «Малая, ветхая церковь стояла вся в зелени при дороге. Но войти в нее было нельзя ни со стороны дороги, ни со стороны поля, где имелись небольшие ворота, но они были постоянно заперты. Приходится идти через какую-то комнату, ведущую даже не к церкви, а к соседним с нею полуразвалившимся постройкам – как сказали, к помещению причта. Никто, кроме псаломщика, здесь не живет, ибо семейному человеку жить здесь постоянно немыслимо. Для исполнения треб настоятелю и дьякону приходится ездить сюда из Будапешта. Сама церковь, хоть и построенная из прочного материала, пришла уже в ветхость: стены темные, грязные, высокий фундамент, на котором она стоит, местами разрушается. Внутри всюду следы сильной сырости, и только прекрасный дубовый иконостас, дар императора Александра III ко дню столетия великой княгини Александры Павловны, скрашивает всю неприглядную внешнюю и внутреннюю картину этой великокняжеской усыпальницы. Гроб стоит в подвальном этаже церкви. По узенькой, крутой каменной лестнице вы спускаетесь вниз; вас сразу обдает сыростью… На двух аналоях перед гробом лежат резные великокняжеские короны; гроб прикрыт большим, малинового цвета бархатным покрывалом; в восточной стороне склепа стоит крест…»

* * *

Современный историк Альбина Данилова, написавшая о судьбах дочерей Павла I книгу «Пять принцесс», утверждает: «… это было последнее описание храма-усыпальницы в Ireме, опубликованное в тогдашней русской периодике. Через год началось новое столетие с его жестокими конфликтами, войнами, общественными катаклизмами, новыми границами новых государств. До храма ли над гробом давно умершей русской

царевны было? Да и существует ли он сейчас? Маленький русский храм в Венгрии, где по вполне понятным историческим причинам не могли питать любви ни к австриякам, ни к России? Или эту церквушку тоже смели войны, как и памятник в Павловске? Прелестный образ прелестной княжны сохранили лишь портреты кисти Левицкого, Боровиковского, Виже-Лебрен…»

Но вот сообщение пресс-службы Будапештской и Венгерской епархии от 13 сентября 2004 года: «Торжества, посвященные возвращению останков Великой княгини Александры Павловны Романовой (1783–1801), дочери российского императора Павла I, на место их исторического упокоения – в храм святой мученицы царицы Александры, состоялись в венгерском городе Юрем 11 сентября…»

На торжествах присутствовали христианские священнослужители различных конфессий, государственные деятели. Были среди гостей и «многочисленные представители династий Габсбургов и Романовых, в том числе эрцгерцог Йожеф-Арпад Габсбург, эрцгерцог Михаил Габсбург и великий князь Дмитрий Романов с супругами».

После панихиды об упокоении души великой княгини Александры Павловны епископ Венский и Австрийский Илларион произнес проповедь, в которой рассказал о жизни этой незаурядной, хотя и умершей совсем юной, женщины. Упомянул он и об истории храма во имя святой мученицы царицы Александры, построенного в 1803 году.

В XIX веке этот храм стал центром Офенской Русской духовной миссии, которая была «местом духовного окормления и утешения всех русских людей, волею судеб оказавшихся в Венгрии».

В 1970–1980-е годы храм пришел в запустение, регулярные богослужения прекратились, иконы и церковная утварь были разграблены. Вандалы не остановились даже перед осквернением останков Александры Павловны, которые после этого были перенесены в усыпальницу Габсбургов.

Однако в 1990 году началось возрождение храма, и вскоре в нем вновь зазвучали молитвы.

Посол России В. Л. Мусатов, поблагодарив православную церковную общину Московского Патриархата в Венгрии за труды по сохранению российского исторического наследия, преподнес Владыке Иллариону копию портрета Великой княгини Александры Павловны, хранящегося в Русском музее Санкт-Петербурга. Эта картина была передана в храм.

В заключение торжеств эрцгерцог Йожеф-Арпад Габсбург

вручил многолетнему попечителю Юремского храма Йожефу Папу орден имени великой княгини Александры Павловны, присужденный ему Фондом гражданского сотрудничества, духовного и культурного наследия.

Присутствовавшие – а их было больше тысячи человек – спустились в крипту храма, чтобы поклониться гробнице Александры Павловны.

* * *

Значит, помнят еще в Венгрии нашу великую княжну Александру Павловну… Нежную девочку, принесенную в жертву высокой политике. Прелестную невесту, которая предчувствовала свою смерть, когда покидала родину. Несчастливую жену, которая, в последний раз коснувшись клавиш, пела популярную в России конца XVIII века грустную песенку: «Ах, как скучно мне на чужой стороне, все немило, все постыло, друга милого нет… Не глядел бы я на свет! Что, бывало, утешало, о том плачу я…» Юную женщину, которая, в предсмертном бреду, в последние часы своей коротенькой жизни умоляла только об одном – о возвращении домой.

Великая княжна Елена Павловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская

Между судьбами первой и второй дочерей Павла I есть печальное сходство: обе они были прекрасны, обе выданы замуж очень юными и обе прожили слишком мало, скончавшись вскоре после родов… Однако биография Александры Павловны занимает в нашей книге значительный раздел, потому что над головой этой великой княжны бушевали политические бури, вокруг нее велись бесконечные интриги, и все ее земное бытие – сплошная череда печалей и несчастий. Елена Павловна же прожила хоть и короткую, но безмятежно счастливую жизнь, была окружена всеобщим обожанием, и по этой причине наш рассказ о ней будет намного короче.

Великая княжна Елена Павловна родилась 13 декабря 1784 года в Гатчине. «Малютка эта – чрезвычайной красоты, – писала Екатерина II барону Гримму об этой своей внучке, – вот почему я назвала ее Еленой, то есть в честь Троянской красавицы Елены Прекрасной». Отчего-то Елену бабушка сразу полюбила – больше, чем тихую Александру, – и, когда малышке было всего пять месяцев, писала: «Смею утверждать, что эти дети подают очень большие надежды. Барышни… здоровы, но старшая не в моем вкусе; быть может, я соблазняюсь красотой младшей. Говорят, впрочем, что она похожа на меня, и я чувствую к ней некоторую слабость». Эти строки невольно вызывают улыбку читателя: великая и мудрая женщина, Екатерина, однако же, никогда не была красива. В отличие от своей невестки Марии Федоровны и от внучек, унаследовавших красоту матери. Еще через несколько месяцев Екатерина пишет Гримму: «Прекрасная Елена процветает и, ей-ей, в шесть месяцев она уже умнее и живее старшей сестры, которой на той неделе будет два года». Со временем Екатерина изменила отношение к Александре Павловне – и даже стала выделять старшую внучку среди других из-за ее многочисленных талантов и кроткого нрава, импонировавшего властной бабушке. Но Елена Павловна всегда оставалась ее слабостью. Спустя несколько лет, в сентябре 1790 года, Екатерина снова отметила в письме Елену Павловну: «Она, кажется, будет красавицей в полном смысле слова, у нее необыкновенно правильные черты лица, она стройна, легка, ловка и грациозна от природы; характер у нее очень живой и шаловливый, сердце доброе. Братья и сестры чрезвычайно любят ее за веселый нрав… Вот все, что пока можно

о ней сказать». Таких цитат, в которых императрица не скрывает своей гордости второй своей внучкой, можно набрать несколько страниц.

Что касается интересов и способностей Елены Павловны – о них существуют лишь отрывочные воспоминания, которые, впрочем, можно собрать в некую мозаику, проявляющую весьма привлекательный образ девочки весьма сентиментальной, несколько экзальтированной, но при этом старательной и прилежной: она прекрасно училась и к одиннадцати годам знала пять иностранных языков. Графиня Ливен отметила во второй своей воспитаннице обостренное чувство прекрасного и принялась его развивать.

Елена Павловна очень любила цветы. Она сама сажала их в своем маленьком садике, и каждый день ее комнату украшали свежие букеты, причем уже в восемь лет великая княжна училась самостоятельно составлять букеты – так, чтобы подчеркнуть красоту каждого цветка. Елена Павловна могла часами рассматривать гравюры с полотен знаменитых живописцев, изображающие натюрморты с букетами, и потом пыталась повторить картину с помощью живых цветов. Ей подарили атлас растений – и девочка собрала весьма обширный гербарий. Существуют упоминания – впрочем, на уровне домыслов, – будто Елена Павловна сочиняла стихи и вела личный дневник, но все свои записи уничтожила перед тем, как покинуть Россию. Дитя своего времени, она превозносила сельскую идиллию, радости чистой и пылкой дружбы. Ее лучшей подругой стала англичанка мисс Сеймс, которая обучала девочку английскому языку. Елена Павловна заставила мисс Сеймс поклясться ей в вечной дружбе, в том, что они не расстанутся до самой смерти, – и дала ответную клятву. Судьбе было угодно, чтобы эти клятвы были исполнены…

Иоганн Баптист Лампи. Портрет великой княжны Елены Павловны (1792 г.)

В одиннадцать лет Елена Павловна начала появляться в свете, танцевать на балах. Ее портреты рассылались европейским правителям – и многих восхищала красота русской великой княжны, которая еще только входила в возраст невесты… Но вопросы династических браков решаются умом, а не сердцем. Породниться с могущественной Россией мечтали далеко не все: большинство государей боялись оказаться в подчиненном положении. В России правила могущественная Екатерина, а у нее был Суворов и его войска, не знавшие поражения…

Впрочем, Екатерина не успела сосватать свою вторую внучку. Императрица скончалась – и замужеством остальных дочерей занимались уже их родители. Мужа Елене Павловне выбирал Павел I, ориентируясь на свои представления о политической выгоде России. И, хотя он громогласно осуждал мать за неудачное сватовство Александры Павловны и Густава IV – как,

впрочем, и за все остальные ее деяния, – сам он ничуть не лучше распорядился судьбой дочерей. Александру Павловну, как уже говорилось выше, он отдал за Иосифа, палатина Венгерского. А Елену Павловну – за принца Фридриха-Людвига Мекленбург-Шверинского.

Альбина Данилова пишет: «В 1798 г. ситуация в Европе сложилась так, что Россия, следуя своим союзническим обещаниям, решилась на более тесное военное сотрудничество с Австрией (подкрепленное согласием на брак Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом). И в это же время начались переговоры о браке Елены Павловны с принцем из другого, пусть и небольшого, но политически выгодного государства – герцогства Мекленбургского».

По словам военного историка А. М. Михайловского-Данилевского, Мекленбургское герцогство было «самым полезным для России союзником из всех держав Европы».

Еще во время войны со Швецией Петр I присматривался к маленькому немецкому государству на берегу Балтийского моря. Оно находилось рядом со шведской частью Померании, из-за чего сделалось «проходным двором для армий северных союзников и шведов». Правитель этого «проходного двора» герцог Карл-Леопольд вдобавок конфликтовал со знатью собственной страны. Он отчаянно нуждался в сильном защитнике, которого и обрел в лице Петра. В 1712 году Мекленбург снабдил русские войска провиантом, и за это Петр I пообещал не пропускать шведов на земли герцогства.

Интересно, что Мекленбургское герцогство было единственным из германских стран, где правила славянская по происхождению династия. Некогда на месте Мекленбурга находилось поселение славян-бодричей (ободритов) Микилинбор. Поэтому нынешние герцоги-лютеране были отдаленными потомками славянских князей-язычников.

В 1716 году эта династия породнилась с Домом Романовых – Петр Великий выдал свою племянницу Екатерину Иоанновну замуж за Карла-Леопольда. Дочерью этой четы была принцесса Елизавета-Екатерина-Христина, она же Анна Леопольдовна, мать несчастного императора Иоанна Антоновича, проведшего всю свою короткую жизнь в заточении.

Жених Елены Павловны Фридрих-Людвиг был представителем той же ветви рода, что и Карл-Леопольд, – герцогов Мекленбург-Шверинских. Переговоры о браке принца с великой княжной проходили на редкость гладко.

За успешное их завершение представитель России при прусском дворе Алопеус был, по словам графа Ф. В. Ростопчина,

награжден Петром I орденом.

* * *

17 февраля 1799 года в Поденных придворных записях появилось сообщение: «Прибыли в Санкт-Петербург Их Светлости Мекленбург-Шверинские принцы Фредерик и Карл. Имели помещение в Мраморном дворце. Сего числа приглашены к императорскому столу».

Фрейлина Варвара Головина позже вспоминала, что «их пребывание подало повод к многочисленным балам и праздникам при дворе и в обществе».

Граф Ростопчин писал послу Воронцову: «Сговор великой княжны Елены Павловны воспоследует после Святой недели, и наследный принц пробудет все лето здесь». Через несколько недель он же писал своему адресату: «Принц – человек жеманный, в сущности простоватый и невежественный, но добрый малый».

Конечно, никто не спрашивал великую княжну Елену Павловну – пятнадцатилетнюю, неопытную, сентиментальную, чувствительную – хочет ли она идти замуж за «простоватого и невежественного» принца Фридриха-Людвига. В ее возрасте и при ее увлечении романами она вряд ли могла оценить то, что принц все-таки «добрый малый», тогда как из политических соображений ее могли сосватать и за «злого»… Елена Павловна, конечно же, мечтала о чем-то другом, и никакие разговоры о долге не могли убедить ее в правильности принятого решения. Вряд ли она могла осмелиться спорить с отцом – об этом не могло быть даже речи! – но молча страдала и даже расхворалась на нервной почве. Возможно, уже тогда у нее появились первые признаки чахотки, усугублявшиеся из-за неприятных переживаний. Во всяком случае, обручение ее с Фридрихом Мекленбург-Шверинским пришлось перенести с назначенного числа «по причине бывшего с ней лихорадочного припадка», как писал Ростопчин.

Но «лихорадочный припадок» прошел – и 5 мая 1799 года принц и великая княжна были помолвлены под грохот пятидесяти одной пушки, а затем вдвоем открыли торжественный бал. 12 октября с большой пышностью и блеском они обвенчались. «Грязь и осеннее небо, покрытое туманами, придавали этому торжеству печальный вид», – вспоминала графиня В. Н. Головина. А 19 октября, как мы помним, с куда меньшей пышностью несчастную Александру Павловну выдали за палатина Венгерского.

Александра Павловна уехала, а Елена Павловна еще месяц

после свадьбы оставалась с семьей. Она болела, придворные доктора находили ее слишком слабой для путешествия. Но накануне нового года Елене Павловне пришлось наконец распрощаться с родными и отправиться в Мекленбург, где давно уже ждали принца с женой. Ее сопровождала любимая подруга мисс Сеймс.

Владимир Боровиковский. Портрет великой княжны Елены Павловны

Жители маленького герцогства выходили к дороге, по которой двигался свадебный кортеж, чтобы посмотреть на русскую принцессу, о красоте которой они были наслышаны. И действительно: прелесть Елены Павловны превзошла все их ожидания! Изящная, нежная, с точеным личиком и пышными волосами, роскошно одетая, она казалась мекленбуржцам

существом неземным, феей из сказки. Народ приветствовал ее восторженно. И при дворе ее приняли очень сердечно. Боязливая кротость юной девушки, почти девочки, расставшейся со своей семьей и уехавшей в чужую страну, ее деликатность и скромность совершенно очаровали родных ее супруга. Особенно полюбил Елену Павловну ее свекор, герцог Фридрих-Франц Мекленбургский. Он относился к ней как к дочери, как к ребенку, прилагая все усилия, чтобы побаловать и развлечь ее, поначалу грустившую на чужбине…

В отличие от Александры Павловны, с первых же шагов окруженной завистью и недоброжелательством, Елена Павловна согревалась в лучах всеобщей любви и была окружена искренней заботой. Когда она впервые появилась в своих великолепных бриллиантах, ее новые родственники выказали только радость и гордость за то, что в их семью вошла представительница столь великой и богатой династии. Правда, Елена Павловна так же, как и ее старшая сестра, после первой же демонстрации отцовских подарков сложила все драгоценности в шкатулку и больше не надевала их. Но не потому, что ее к этому принуждали, а по собственному желанию: Елена Павловна не любила тяжелых украшений, предпочитая им свежие цветы, из которых она и на новой родине составляла очень изысканные венки и бутоньерки.

Поскольку Елене Павловне по-прежнему нездоровилось, они с супругом почти все время жили в небольшом дворце подле городка Людвигслуст: там был великолепный сад, который под присмотром Елены Павловны стал еще красивее. Отправляя дочь в Мекленбург, императрица Мария Федоровна посоветовала ей не прекращать учебу, и Елена Павловна послушно постигала все науки, которые мать считала необходимыми. Даже когда юная принцесса забеременела, она не прерывала своего обучения.

Для принца Фридриха-Людвига и для всего его семейства известие о беременности Елены Павловны стало величайшим счастьем. Они утроили заботы, стараясь предупредить каждое ее желание и исполнить каждый каприз. Впрочем, никаких фанаберий со стороны принцессы не было: все, кто знал Елену Павловну, отмечали ее простоту и скромность и совершеннейшее отсутствие у нее царственной надменности – со всеми она обращалась как с равными, ласково и любезно. Она активно занималась благотворительностью, причем не просто жертвовала определенные суммы, а самолично рассматривала каждый отдельный случай, старалась разузнать о семьях, бедствующих из-за потери кормильца или потерявших жилье в результате пожара. Елена Павловна составляла списки нуждающихся и следила, чтобы каждому была выплачена определенная ею сумма.

* * *

В начале сентября 1800 года Елена Павловна родила своего первенца – принца Пауля-Фридриха: так его назвали в честь двух дедушек, императора Павла I и герцога Фридриха-Франца. Роды протекали тяжело, юная принцесса Мекленбургская еще не успела окрепнуть и развиться физически, телосложением она напоминала подростка. Но все вокруг – от мужа до прислуги, от докторов до православного духовника Данковского, от подруги мисс Сеймс до свекра – все волновались, все старались поддержать бедняжку в ее страданиях, а когда дитя появилось на свет, его рождение было встречено всеобщим ликованием. Какой контраст с судьбой Александры Павловны и ее ребенка!

Елена Павловна медленно выздоравливала после родов, которые явно подточили ее и без того слабое здоровье: принцессу постоянно лихорадило, она начала покашливать. Впрочем, уже через год Елена Павловна оправилась настолько, что смогла предпринять вместе с супругом путешествие в Берлин, где совершенно всех очаровала своей красотой и юностью. Надо сказать, берлинцы несказанно гордились красотой своей королевы Луизы – женщины действительно выдающейся прелести и столь же выдающегося ума, – в ту пору, в 1801 году, ей как раз исполнилось двадцать пять лет, и она была в самом расцвете. Елене Павловне не исполнилось и семнадцати, и все, включая саму королеву Луизу, признали, что она красивее… Королева Луиза отнеслась к этому факту безо всякой ревности, подружилась с Еленой Павловной, и они часто гуляли вместе, являя собой прелестнейшее зрелище. Придворные прозвали их «четою роз». Но если старшей розе – Луизе Прусской – судьба подарила еще много лет цветения, то Елене Павловне – юному, едва раскрывшемуся бутону! – вскоре предстояло увянуть.

В 1803 году Елена Павловна забеременела снова. Учитывая ее давнишнее недомогание, еще привезенное из России, ничего хорошего от очередной беременности ждать не приходилось – организм был не готов к подобному испытанию. Она худела, слабела, с каждым месяцем беременности силы покидали ее, словно бы перетекая в ребенка, которого принцесса носила под сердцем. Из-за ее крайней слабости вторые роды были еще тяжелее первых. Елена Павловна родила девочку, которую окрестили Марией (в честь бабушки, императрицы Марии Федоровны), и несколько суток находилась между жизнью и смертью. Доктора предупредили принца Фридриха-Людвига, чтобы он оставил всякую надежду: поделать ничего было нельзя. Нежно и робко влюбленный в свою прекрасную жену, принц

отчаянно горевал и молился. И – словно в ответ на его молитвы! – Елена Павловна пришла в сознание и вроде бы начала оправляться от родов… Однако лихорадка не проходила, принцесса начала задыхаться, и вскоре стало ясно, что чахотка, которую у нее подозревали ранее, вступила в свои права и буквально пожирала хрупкое тело принцессы.

Елена Павловна умирала в мучениях: жар чередовался с ознобом, началось кровохарканье, ей постоянно не хватало воздуха, она не могла спать. Мисс Сеймс не отходила от ее постели, даже лежала рядом с ней: отчего-то Елене Павловне удавалось забыться сном, только положив голову на грудь своей старшей подруги. Детей Елене Павловне даже не показывали – боялись, что малыши могут захворать. О том, что чахотка заразна, во всяком случае скоротечная, в то время уже подозревали.

Узнав о тяжелой болезни Елены Павловны, в Мекленбург приехала Луиза Прусская с супругом. Она тоже целые часы просиживала у постели умирающей подруги, пытаясь ее подбодрить.

Елена Павловна чувствовала, что ей становится все хуже, и сама пожелала исповедоваться и причаститься, но когда священник Данковский во время соборования поднес к ее губам «чашу умирающих», Елена Павловна тихо заплакала и прошептала: «Неужели я и правда должна умереть?» Супруг ее, не выдержав этого зрелища, с рыданием выбежал из спальни.

Елена Павловна отчаянно тосковала по дому, особенно по матери, и даже в последний свой день ждала письма, которое вот-вот должно было прийти. И действительно – письма из дома пришли. Лежа в объятиях мисс Сеймс, Елена Павловна попросила ее прочесть письмо от матери. Остальные письма положили рядом на постель, и умирающая принцесса коснулась их рукой, словно стараясь сквозь бумагу прикоснуться к далеким родным. У нее уже началась агония. В последние часы Елена Павловна желала видеть подле себя только мисс Сеймс и духовника. Она сказала верной англичанке: «Теперь и тебе останется только умереть, ведь без меня жизнь для тебя будет несносной…» – дитя сентиментальной эпохи, Елена Павловна до конца оставалась в плену книжных идеалов. Письмо матери она попросила перечесть вслух еще раз, но посредине чтения закашлялась, вздрогнула и замерла бездыханной. Остальные письма так и остались нераспечатанными под ее холодеющей рукой, а голова принцессы по-прежнему лежала на груди мисс Сеймс. Англичанка не сразу решилась разомкнуть объятия и опустить голову Елены Павловны на подушку… Какое-то время она еще надеялась согреть подругу

в своих объятиях, вернуть ей дыхание. Но, наконец, осознала свою утрату и вышла, чтобы сообщить о кончине принцессы ее супругу.

Был вечер 24 сентября 1803 года. Елена Павловна не дожила до девятнадцати лет. Один из ее современников сказал: «…она появилась к нам в образе прелестного, скоропреходящего сновидения как бы для того, чтобы заставить только жаждать его и жалеть о скором преставлении ее…».

* * *

Несмотря на то, что о неизбежности смерти принцессы Мекленбургской всем было известно, принц Фридрих-Людвиг впал в такое отчаяние, что врачи опасались за его жизнь. Но от любви не часто умирают, особенно принцы, которых с детства приучают, что долг превыше всего. Из долга же принц Мекленбургский женился вторично, хотя сердце его было похоронено вместе с первой супругой. Он обожал детей от Елены Павловны. Прожил он очень недолго, так и не успев занять трон.

В 1818 году дети Елены Павловны, принц Пауль-Фридрих и принцесса Мария, познакомились со своими русскими родственниками – с дядей по матери, императором Александром I, и с бабушкой, вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Александр I назвал своего племянника «довольно-таки умным молодым человеком».

Принц Пауль-Фридрих Мекленбург-Шверинский женился на принцессе Александрине Прусской, дочери той самой Луизы Прусской, которая дружила с его покойной матерью. Интересно, что на ее родной сестре, Шарлотте Прусской, женился брат Елены Павловны – великий князь Николай Павлович. Впоследствии он занял престол под именем Николая I, а Шарлотта была крещена в православие как Александра Федоровна.

Императрица Мария Федоровна, несчастная мать, потерявшая одну за другой двух дочерей, заказала скульптору Мартосу памятник Елене Павловне, который установили в Павловске: высокий пьедестал из розового мрамора, на нем урна-ваза из порфира с сидящими на ней бронзовыми голубками, а у подножия – скорбящий Гений с опущенным факелом как символ рано погасшей жизни. Этот памятник также был разрушен – и если макет памятника Александре Павловне сохранился в Русском музее, то о памятнике Елене Павловне мы можем узнать только из старинных воспоминаний. Зато могила Елены Павловны в Шверине до сих пор бережно сохраняется. Во всех

путеводителях обязательно упоминается история прекраснейшей из принцесс, обитавших в этом городе, и все новые поколения туристов приходят поклониться ее саркофагу.

Великая княжна Мария Павловна, герцогиня Веймарская

История жизни третьей дочери императора Павла отраднее предыдущих: она прожила долгую, интересную жизнь, познала и любовь, и радость материнства. Правда, Мария была наименее красивой из пяти принцесс. Но верно говорит пословица – не родись красивой…

Хотя родилась-то Мария как раз красивой, это отмечали все, и оставалась красивой до трех лет, когда ей, как и всем внукам Екатерины Великой, была сделана прививка против оспы. Остальные перенесли прививку легко, а Мария заболела. И, хотя она перенесла оспу в легкой форме и оспенные пустулы, оставляющие после себя неизгладимые рубцы, у нее не возникли, все же болезнь сказалась на внешности девочки: черты ее лица и кожа огрубели.

В письме барону Гримму от 18 сентября 1790 года, к которому прилагался портрет шести внуков Екатерины, императрица писала: «Пятая головка – Мария. Вот этой надо было родиться мальчиком: привитая ей оспа совсем ее изуродовала, все черты лица погрубели. Она – настоящий драгун, ничего не боится, все ее склонности напоминают мальчика, и я не знаю, что из нее выйдет, самая любимая ее поза подпереться руками в бока и так прогуливаться». В другом письме Екатерина вновь с сокрушением отмечает внешнюю непривлекательность маленькой Марии: «Третья внучка моя неузнаваема: она была хороша, как ангел, до прививания, теперь все ее черты погрубели, и в эту минуту она далеко не хороша».

Дмитрий Левицкий. Портрет великой княжны Марии Павловны (1793 г.)

Марии было тогда четыре года. Она родилась 13 февраля 1786 года и была названа в честь матери. Если бабушку Екатерину ее мальчишеские замашки забавляли, мать, Марию Федоровну, печалили, а воспитательницу, баронессу Ливен, ужасали, то отец, великий князь Павел Петрович, был в восторге от своей упрямой, непокорной, волевой, вздорной, отважной дочери! Казалось, Мария обладала всеми теми чертами характера, которых у него не было – и которые ему бы хотелось иметь. Павел баловал Марию больше, чем других дочерей, и вообще больше ее замечал. Чем старше становилась Мария, тем больше восхищали ее нервного, вздорного отца ее прямолинейность и правдивость. Измученный манией подозрительности, Павел боялся своего старшего сына, Александра. Умного, хитрого, с мягкими вкрадчивыми манерами, загадочного (недаром называли его «Сфинксом, не разгаданным до гроба!») и – разумеется – неискреннего. Бабушка-императрица воспитывала своего старшего внука политиком: какая уж тут чистосердечность может быть? Павел догадывался, что Екатерина хочет в обход его посадить на трон Александра… Павел не

доверял и второму сыну, Константину, также воспитанному Екатериной. Он вообще мало кому доверял. И дочь Мария была одной из этих немногих.

Мария отличалась особенным усердием в науке и явным музыкальным талантом. Приглашенный для обучения царских детей итальянский композитор Джузеппе Сарти выделял ее среди всех. В апреле 1795 года Екатерина писала барону Гримму о любительском семейном концерте: «…великие княжны Александра и Елена будут петь, Мария будет аккомпанировать на клавикордах. Ей только девять лет от роду, а она уже прошла с Сарти изучение генерал-баса, так как она отличается необыкновенной любовью к музыке. Сарти говорит, что она наделена большим талантом к музыке, и что вообще она проявляет во всем большой ум и способность и будет со временем преразумной девицей. По словам генеральши Ливен, она любит читать и проводит за чтением по несколько часов в день, при всем том, она очень веселого, живого нрава и танцует как ангел…» Еще через год императрица сообщала барону: «Если бы вы слышали, как прекрасно играет на клавикордах и поет великая княжна Мария, вы бы расплакались. Она делает это еще лучше, чем ее сестры танцуют менуэт…»

Увы, документальных свидетельств о дальнейшем взрослении и развитии великой княжны Марии Павловны не существует. Екатерина умерла 6 ноября 1796 года, а большинство зарисовок о детстве ее внуков содержатся именно в переписке императрицы с бароном Гриммом. Наступила мрачная эпоха правления императора Павла I – и уже никто не рисковал откровенничать в письмах, даже члены августейшей фамилии.

Сорокадвухлетний Павел слишком долго жаждал власти и теперь старался, как ему казалось, наверстать упущенное. Он принялся перекраивать страну по своему вкусу. И в первую очередь – рьяно выкорчевывать, «уничтожать, изымать из жизни» следы царствования своей матери.

«Новый император стремился изменить слишком вольный, на его взгляд, дух русского дворянства: на смену пришли запреты, разжалования, отставки, опалы, ссылки… – пишет Альбина Данилова. – Вместо свободной, веселой жизни начались плац-парады, аресты, фельдъегери с известиями об освобождении от службы (справедливости ради надо сказать, что были и прямо противоположные приказы)».

Стоит заметить, что Павел Петрович считался натурой романтической. Он мечтал о возрождении рыцарства и с гордостью носил титул гроссмейстера Мальтийского ордена.

Однако в собственной стране сей романтик желал подчинить

жесткому регламенту и строгой дисциплине всё и вся, даже житейские мелочи, вплоть до лексикона и костюма подданных. Запрещались слова «клуб» и «представители» – от них, по мнению Павла, попахивало вольнодумством. Строжайше рекомендовалось говорить и писать не «отечество», а «государство». Под запретом оказались круглые шляпы и фраки – они напоминали о якобинцах.

При этом рыцарский кодекс чести не мешал Павлу требовать, чтобы благородные дамы, завидев его на улице, выходили из карет и приветствовали государя реверансом. Ни дождь, ни слякоть, ни снег не служили оправданием.

Жителям Петербурга Павел повелел обедать не позднее часа дня, когда обедал он сам. Причиной этого стала весть о «дерзком поведении» баронессы Строгановой, садившейся за стол в три часа пополудни.

Огни в столице надлежало гасить после сигналов «зори», в девять вечера, когда император с семьей приступали к ужину.

Приближенные императора страдали от его вздорного нрава не меньше, а может, и больше других. А. М. Тургенев вспоминал: «Пышный, великолепный двор Екатерины преобразовался в огромную кордегардию. В царствование Екатерины в чертогах царских последний истопник старался отличить себя в разговорах словами благопристойными, учтивыми; высший круг царедворцев говорил на французском диалекте лучшим языком Вольтера, Дидерота, Руссо… С седьмого ноября 1796 г. в чертогах северной Семирамиды вместо разговора, в эпоху 1796–1800, уже кричали. В комнатах учреждены были караулы; бряцанье оружия, топанье ног разносились эхом по залам… Павел повелел вместо сигнала „к ружью!“, как существовало, извещать караульных о том, что они должны взять ружье, криком „вон!“. Великая княжна Александра Павловна, переходившая из комнат своих на половину императрицы Марии Федоровны, была столь испугана возвещательным криком „вон!“, что, повернувшись, побежала обратно в свои комнаты и была несколько дней нездорова от испуга…»

Жена и дети полностью зависели от перепадов настроения главы августейшего семейства. Каждый их шаг бдительно отслеживался. По словам современника, императрица Мария Федоровна «не имела права приглашать к себе без дозволения государя ни сыновей своих, ни невесток (великих княгинь Елизавету Алексеевну и Анну Федоровну)».

К наследнику отец, подозревая сына в желании отнять у него трон, лично приставил слуг, шпионивших за Александром и его супругой. Зная это, цесаревич опасался принимать гостей, а если

приходилось общаться с иностранными дипломатами, делал это только при Павле.

* * *

В 1799 году великих княжон Александру и Елену выдали замуж и проводили в чужие края. Пришла пора Марии стать разменной монетой в политических играх. Но, поскольку она была отцовской любимицей, император Павел более серьезно отнесся к выбору жениха для нее.

В 1800-м, когда Марии исполнилось четырнадцать, начались переговоры о ее замужестве с принцем Карлом-Фридрихом, старшим сыном герцога Карла-Августа Саксен-Веймарского. Для переговоров из Веймара в Петербург прибыл тайный советник барон фон Вольцоген. Он был человек умный и прекрасно образованный, и Мария Павловна его просто восхитила. О лучшей супруге для наследника Веймарского престола и мечтать было нельзя! Не говоря уж о том, что для маленького скромного Веймара породниться с могущественной Россией само по себе было удачей, вдвойне удачно оказалось то, что именно Мария – утонченная ценительница искусств, прекрасно образованная, талантливая музыкантша – предназначалась в жены Карлу-Фридриху.

Дело в том, что Веймар, несмотря на свое скромное положение на европейской политической арене, занимал, однако же, совершенно особое место в культурной жизни Европы, являясь по сути ее центром. Веймар называли «Афинами восемнадцатого столетья». Своей славой он обязан прежде всего выдающейся женщине: матери правящего герцога Карла-Августа. Герцогиня Анна-Амалия, урожденная принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская, овдовела в возрасте восемнадцати лет, осталась регентшей при двух малолетних сыновьях, но проявила политическую мудрость, правила аккуратно, как-то даже изящно и оставалась любимой государыней для подданных и любимой соседкой для правителей сопредельных земель. Поэтесса и музыкантша, Анна-Амалия собрала вокруг себя весь цвет германского искусства. «Философы, поэты, художники и литераторы толпились вокруг принцессы Амалии, женщины великого ума и возвышенного сердца. Она была волшебницей, привлекавшей и вызывавшей гениев. То была германская Медичи, которая заимствовала у своих итальянских совместниц одни их добродетели», – писал о ней современник. Герцог Карл-Август получил великолепное образование, вырос не менее мудрым, чем

мать, продолжил ее дело, покровительствуя людям искусства и науки. Его удостоил дружбой Гете, он убедил Шиллера переехать в Веймар. Супруга Карла-Августа Луиза, урожденная ландграфиня Гессен-Дармштадтская (и родная сестра великой княгини Натальи Алексеевны, первой жены Павла I), оказалась достойной подругой и соратницей мужа. А вот их сын, принц Карл-Фридрих, особенным умом и талантами не отличался. И даже Гете, бывший воспитателем принца и искренне привязавшийся к своему воспитаннику, не смог найти в нем иных достоинств, кроме «доброты сердечной». Впрочем, иногда это достоинство стоит всех прочих.

* * *

Хлопоты о бракосочетании великой княжны Марии Павловны и принца Карла-Фридриха Веймарского прервались, когда в ночь с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке был убит император Павел I. Вслед за этим пришла трагическая весть о смерти великой княжны Александры Павловны. Мария Федоровна, теперь уже вдовствующая императрица, пребывала в шоке и в отчаянии. Ведь заговорщики убили ее любимого мужа для того, чтобы посадить на трон ее старшего сына Александра, и всюду сплетничали, будто великие князья Александр и Константин сами были участниками заговора! А тут еще смерть дочери и новорожденной внучки… Мария Федоровна не желала даже слышать о том, чтобы выпустить еще одну дочь из-под своего крыла. Но месяцы шли, горе становилось менее острым, а дочерей все-таки нужно было выдавать замуж. Теперь уже император Александр I продолжил переговоры о сватовстве своей сестры Марии. И пригласил в Россию ее жениха.

22 июля 1803 года принц Карл-Фридрих Веймарский прибыл в Петербург. Ему сразу же был присвоен чин генерал-лейтенанта русской армии и пожалован высший орден Российской империи – Св. Андрея Первозванного. Но придворные были от него не в восторге. Один из них даже отметил: «…жених сей, при полной его приятности внешней, для нашей милой цесаревны слишком прост умом…»

Другие отзывы современников о Карле-Фридрихе еще менее доброжелательны.

Адам Чарторыйский, в то время служивший при российском дворе камер-юнкером, вспоминал: «Обе великие княжны, Елена и Мария, были очень милы. Принцы, за которых им предстояло выйти замуж, были мало достойными людьми».

Обер-шталмейстер императрицы Марии Федоровны (и ее доверенный друг) С. И. Муханов открыто спросил: «Неужели вы отдадите за него нашу великую княжну?» – и Мария Федоровна ответила: «Не без ее согласия, конечно».

Впрочем, Карл-Фридрих был скромен в поведении и запросах, деликатен, мягок в обращении, добр. Он понравился Марии Павловне. За год, который Карл-Фридрих провел в России, они подружились. При ярко выраженной разнице в темпераментах – умная, деятельная, талантливая, имеющая обо всем собственное мнение Мария и вялый, пассивный, ко всему равнодушный Карл-Фридрих! – они нашли между собой что-то общее. Может быть, это тот случай, когда противоположности притягиваются. Во всяком случае, брак между Марией Павловной и Карлом-Фридрихом не был в полном смысле слова политическим: между ними существовало притяжение, взаимная симпатия. Не романтическая любовь и уж подавно не страсть, но некое нежное чувство, которое могло стать – и стало! – основой счастливого брака. К тому же Марии Павловне очень нравилась мысль, что ей предстоит царить в Веймаре, оказаться в самом центре европейской культурной жизни. В общем, Марию не принуждали выйти замуж за принца Веймарского: она сама с радостью дала согласие на этот брак.

* * *

Какой в то время была великая княжна?

«Мария Павловна, если не такая красавица, как Елена, но столь привлекательна, добра, что на нее смотрели, как на ангела», – писал граф Ростопчин.

Принц Евгений Вюртембергский, племянник Павла, приглашенный им ко двору и облагодетельствованный (не просто так, а с далеким планом женить его на Екатерине Павловне, а потом сделать своим наследником в обход родных сыновей), вспоминал: «Вслед за тем я приветствовал моих милых кузин. Из них Мария была уже пятнадцати лет и, стало быть, для меня была особой внушительной, но тем не менее она была такая кроткая и добрая, что я сейчас же почувствовал к ней сердечное влечение. Она имела сочувственное и нежное сердце. Ее сестра Екатерина, одних лет со мною, нравилась мне менее. Сдержанная и скрытная, но преждевременно развитая и сознававшая это, она не понравилась мне своей чопорностью. Обе великие княжны были прекрасны. Первая имела черты матери; вторая, когда говорила, была похожа на отца; но, к удивлению, вопреки этому сходству

была все-таки очаровательна».

В общем, не только талантлива и умна, но и прелестна. Настоящий подарок от России для Веймара. Особенно если учесть, что согласно брачному контракту приданое Марии Павловны составляло миллион рублей, из которых первую четверть она получила после венчания, а вторую – спустя шесть месяцев; со второй половины она ежегодно получала 5 % ренты. Наряду с этим Мария Павловна получила много ценных предметов, среди которых были и вклады в строительство православного храма в Веймаре. И, конечно же, полный гардероб и великолепные драгоценности, положенные русской великой княжне. Приданое великой княжны намного превышало весь годовой доход Веймара!

* * *

Торжественное обручение Марии Павловны и Карла-Фридриха произошло 1 января 1804 года. Это радостное событие было омрачено полученной из Мекленбурга вестью о смерти великой княжны Елены Павловны… Несчастье произошло еще в сентябре, как же долго шла в то время почта, даже королевская! Свадьбу решено было отложить. Мария Федоровна требовала от придворных докторов все новых освидетельствований здоровья великой княжны Марии Павловны. Ей нужны были заверения в том, что Мария Павловна вполне крепка и организм ее созрел для замужества, что она, в отличие от Александры Павловны, способна пережить первые роды, что вторые роды не подточат ее здоровье так, как это случилось с Еленой Павловной… Так прошло полгода. Все это время Мария Павловна спокойно готовилась к переезду в Веймар: общалась с женихом, гуляла с ним по аллеям Павловска. А вечерами в кругу семьи великие княжны и великие князья, а то и молодой император с императрицей по очереди читали творения Гете и Шиллера, а также других великих веймарцев – философа и писателя Виланда, историка и философа Гердера, драматурга и публициста Ифланда.

Долгожданное венчание свершилось 22 июля 1804 года. С бастионов Петропавловской крепости было дано пять выстрелов. С одиннадцати утра в Зимний дворец начали съезжаться гости. Во внутренних покоях служили литургию. В Бриллиантовой комнате невесту облачили в свадебный наряд, важными деталями которого были «малая корона» и малиновая бархатная мантия на горностаевом меху: символы царского происхождения. После

церковного таинства жених и невеста вышли на балкон Зимнего дворца, чтобы их могли увидеть и приветствовать толпы собравшихся петербуржцев. Торжество продолжилось обедом и балом, который открыли в первой паре полонеза император Александр I и его сестра Мария, только что ставшая принцессой Веймарской. До вечера звонили в Петербурге колокола, все дворцы города и даже Петропавловская крепость были подсвечены праздничной иллюминацией.

По случаю венчания был издан манифест: «Божией милостью Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая. Объявляем всем нашим верноподданным: Силою Всемогущего Бога и Его мудрым попечением июля 22 дня по обряду Православной Восточной Церкви совершено венчание нашей возлюбленной сестры Марии Павловны с Его Светлостью Наследным Принцем Саксонско-Веймарско-Эйзенахским Карлом-Фридрихом. Призываем верных сынов России вместе с нами обратиться к Богу и вознести Ему благодарение и усердные молитвы о благополучии, мире и любви нововенчанных, ради услаждения драгоценных дней нашей чадолюбивой и всяческой любви достойной матери, Царицы Марии Феодоровны, и на утешение всей нашей семье. Дано в Санкт-Петербурге июля 22 дня 1804 г.».

На следующий день двор в полном составе переехал в Петергоф, где продолжались обеды, балы и гулянья. А закончились свадебные торжества большим маскарадом, на который были приглашены более пяти тысяч человек: не только дворяне, но и достойные граждане «неблагородного сословия». Когда празднества закончились, императорское семейство еще некоторое время оставалось в Петергофе: неподалеку проходили летние маневры, в которых принимал участие Александр I, а семья, и особенно Мария, которую вскоре ожидала разлука с братом, хотела находиться поблизости, чаще встречаться с ним. Когда маневры окончились, императорская семья и новобрачные переехали в уютный Павловск, где и прошел чудесный медовый месяц Марии Павловны и Карла-Фридриха.

До октября новобрачные оставались в России. Но наконец пришло время расставания – их ждали на родине принца. Уже были отправлены на восьмидесяти повозках мебель, посуда, гобелены, вазы, картины, статуи, сундуки с нарядами – предметы из приданого Марии Павловны, которые должны были украсить ее быт в скромном Веймаре. Через несколько лет Гете удалось увидеть драгоценности, которые привезла с собой Мария Павловна, и он в восхищении воскликнул: «Это зрелище из „Тысячи и одной ночи“!»

Вдовствующая императрица Мария Федоровна с трудом сумела заставить себя расстаться с дочерью. Двух отпустила она от себя – и обеих потеряла… Марии Федоровне казалось, что и третья ее дочь обречена, что она уезжает не в чужую страну, а в сумрачное царство смерти. Но Мария рвалась из дома: она мечтала о Веймаре! Редко какая из русских великих княжон покидала родину в таком приподнятом настроении, в ожидании счастья. Мать и брат-император проводили ее на некоторое расстояние от Петербурга и, наконец, перекрестив, отпустили… Еще один цветок императора Павла был пересажен на чужую почву.

* * *

В Веймаре молодых действительно уже давно ждали. Оттуда шли регулярные письма с просьбами ускорить возвращение. Фридрих Шиллер еще до бракосочетания Карла-Фридриха с Марией Павловной написал в Петербург своему другу Вольцогену: «Все мы напряженно ждем появления новой звезды с Востока…»

Мария Павловна и Карл-Фридрих прибыли в Веймар 9 ноября 1804 года: колокольный звон и пушечные выстрелы оповестили народ об их приезде. Судя по свидетельствам современников, прибытие наследника с женой вызвало общую радость, толпы людей стремились увидеть и поприветствовать своих будущих правителей. Писатель Виланд вспоминал: «Въезд действительно стоило видеть. Все были на ногах: горная дорога, равно как и вся возвышенность, к которой примыкает Веймар, были заполнены толпами оживленных людей. Поезд проследовал через красивые ворота, сооруженные в благородном вкусе. Балы, фейерверки, иллюминации, музыка, комедии и т. п. не прекращались в течение десяти дней. Но самое праздничное во всем этом была искренняя, всеобщая радость по поводу нашей новой принцессы».

Когда Мария Павловна и Карл-Фридрих показались на балконе дворца, тысячи голосов хором возвестили: «Да здравствуют, многая лета!»

Ликование продолжилось 12 ноября, при первом посещении Марией Павловной театра: впервые ставили пьесу Фридриха Шиллера «Приветствие искусств». В предисловии к тексту говорилось: «Ее Императорскому Высочеству госпоже наследной принцессе Веймарской Марии Павловне, Великой Княгине Российской, с почтением посвящается и представляется в придворном театре Веймара 12 ноября 1804 г.». Театр находился

под ведомством другого гения – Гете. И именно он хлопотал о том, чтобы первый спектакль, который будет представлен глазам «звезды с Востока», поразил ее воображение и польстил ее чувствам.

Гете поначалу сам собирался сочинить пьесу для представления в честь принца с принцессой. Но, по словам Альбины Даниловой, «творческая фантазия поэта подвела его – Гете ничего не мог придумать, что бы удовлетворило его самого». И он переадресовал эту почетную задачу Шиллеру, чей биограф Иоганн Шерр свидетельствует: «Он по убедительной просьбе написал „Приветствие искусств“ в четыре дня в честь юной супруги наследного принца. Поэт не придавал особого значения этому „произведению минуты“, „искусственному произведению“, как он называл его в письмах к Гумбольдту и Кернеру, но все-таки эта лирическая пьеса принадлежит к прелестным созданиям его музы…»

И именно эта небольшая пьеса, написанная за несколько месяцев до смерти Шиллера, стала его последним законченным произведением.

Чтобы прославить юную русскую княжну, поэт придумал изящную аллегорию. Ее символизировало молодое померанцевое деревце, которое, увив лентами и цветочными гирляндами, поселяне сажали в землю, надеясь, что оно приживется на новой родине.

Деревцо страны иной,
Пересаженное нами,
Вырастай, примись корнями
В этой почве нам родной!

Хозяева тревожились: сумеет ли выращенное в роскоши и неге чужестранное растение привыкнуть к «сельской долине» – Веймару?

Не гнушаясь мирным краем,
Величава и светла,
В этот дом, где все убого,
Наша гостья снизошла
К нам из царского чертога…
После мраморной палаты
Край наш бедный и простой…
Гостье может ли высокой
Полюбиться?

Но Гений искусств и его спутницы – богини Музыки, Танца, Драмы, Живописи – успокаивали поселян: породниться с их краем, одолеть все испытания нежному померанцу поможет всепобеждающая сила – любовь.

Быстро сплетаются нежные узы любви,
Наше отечество там,
Где мы делаем людей счастливыми.

В финале богини искусства обещали принцессе поддерживать ее в трудах на благо новой родины.

Лишь он, союз прекраснейших стремлений,
Творя, возвысит жизнь грядущих поколений!

И, хотя принцесса была знакома с текстом пьесы заранее – за день до премьеры Шиллер попросил ее прочесть рукопись, – во время спектакля она еле сдерживала слезы благодарности. Не только из-за того, что происходило на сцене, но и из-за искренних оваций, которыми приветствовала ее публика.

Мария Павловна вскоре завоевала любовь и уважение и своей новой семьи, и своих подданных. Наследник с супругой поселились в Бельведере – загородной резиденции веймарских герцогов. Здесь Мария Павловна повелела разбить парк, планировка которого в точности соответствовала планировке парка в Павловске, где прошло ее детство. Наследная принцесса подружилась с сестрой своего мужа, принцессой Каролиной: это была не просто «дружба по обязанности» или «дружба из любезности», часто встречавшаяся при дворе, а искреннее чувство, основанное на общности интересов и выдержавшее проверку временем. Теплые отношения связывали Марию Павловну с бабушкой Карла-Фридриха – величайшей веймарской правительницей Анной-Амалией.

Вдовствующая герцогиня Анна-Амалия так отзывалась о Марии Павловне в письмах: «С радостью и истинной любовью говорю Вам, что моя новая внучка – настоящее сокровище, я ее бесконечно люблю и уважаю. Ей выпало счастье – а возможно, и благословение – нас всех очаровать».

А в одной из приватных бесед заявила: «С радостью могу Вам сказать, что моя внучка – просто клад. Она принесла нам счастье и благословение. У нее полное отсутствие мелочной гордости. Всякому умеет она сказать что-нибудь приятное и чутко понимает доброе и прекрасное. Мужу своему она настоящий,

великодушный друг. Все на нее здесь молятся. Она уже сделала очень много хорошего, что говорит о качествах ее сердца. Я тоже не без гордости могу сказать, что она меня любит. Я нахожу счастье в моих внуках…»

Не менее привлекательный образ живописуют и другие свидетельства современников, знавших Марию Павловну, наследную принцессу Веймарскую:

«Она невыразимо обаятельна и умеет соединить прирожденное величие с необыкновенною любезностью, деликатностью и тактом в обращении. Поведением владетельной особы она владеет в совершенстве. Нельзя было не удивляться, как она в первые же часы после приезда, когда ей были представлены придворные, тактично обращалась с каждым из них. С нее, наверное, начнется новая эпоха Веймара. Она… продлит и доведет до совершенства то, что Амалия начала сорок лет назад…», – Кристофер-Мартин Виланд, писатель.

«Мы все можем у нее учиться, эта русская не только молода, красива и богата, но и чрезвычайно умна», – Шарлотта фон Штайн, супруга придворного штальмейстера.

«Боги послали нам ангела. Эта принцесса – ангел ума, доброты и любезности. К тому же я никогда не видела такого созвучия во всех сердцах и у всех на устах, какое появилось с тех пор, как она стала предметом всеобщих разговоров», – Луиза фон Геххаузен, придворная дама.

«Манера, с которой она обращается с людьми, которые ей служат, обаятельна и свидетельствует об истинном величии. Кто бы ни находился в комнате – камергер или слуга, – всякий услышит от нее приветливое слово и может смело обращаться к ней. И после этого она сама рада, весела и охотно смеется», – Генриэтта фон Кнебль, придворная дама.

Но особенно интересен отзыв такого гения, как Фридрих Шиллер, благо он был лично знаком с Марией Павловной. «В лице нашей новой принцессы к нам прибыл поистине добрый ангел. Она необыкновенно любезна, понятлива и образована, она выказывает твердый характер и умеет соединять недоступность, свойственную ее сану, с самой обаятельной любезностью. Коротко говоря, она такова, что если бы у нас был выбор, и мы могли бы по собственному заказу выбирать принцессу, то мы все равно выбрали бы только ее и никого другого. Если только она почувствует себя у нас как дома, то я обещаю Веймару великолепную эпоху…», – писал поэт своему другу. И чуть позже, ближе познакомившись с принцессой: «Она обладает способностями к живописи и музыке, довольно начитанна и проявляет твердость духа, направленного на серьезные предметы.

Лицо ее привлекательно, хотя она и не красавица. Немецким языком она владеет с трудом, но понимает его и читает легко. Она серьезно намерена изучить его. У нее, по-видимому, очень твердый характер; а так как она стремится к истине и к добру, то мы можем надеяться, что она и достигнет желаемого. Дурные люди, пустые, болтуны и верхогляды не будут иметь у нее успеха. Меня крайне интересует, как она устроит здесь свою жизнь и куда направит деятельность. Дай-то Бог, чтобы она потрудилась для искусства».

* * *

Шиллер оказался провидцем в этом вопросе: Мария Павловна действительно потрудилась для искусства.

Мария Павловна стала регулярно устраивать музыкальные фестивали, литературные вечера, организовывала празднества и карнавалы.

Она подружилась с Гете. Встретившись в ноябре 1804 года, принцесса и «великий веймарец» не прерывали общения до самой смерти поэта. Гете помогал Марии Павловне в ее первом знакомстве с культурной жизнью Веймара, много беседовал с ней об искусстве и философии. Можно сказать, русская великая княжна стала ученицей величайшего из немецких поэтов. Причем она сознавала, что это не она благоволит к Гете с высоты своего происхождения, а он снисходит к ней с высоты своего гения!

С 1805 года Мария Павловна посещала лекции, которые Гете читал у себя дома. Они регулярно вели переписку. «Ценность мудрости только увеличивается, когда ее путеводителем становится дружелюбие, не говоря уже о ясности, когда она облагорожена воззрением высокого ума», – писала принцесса поэту… Двумя культурными центрами Веймара были дома Марии Павловны и Гете, причем они словно бы являлись единым целым, двумя ядрами, заключенными в одну оболочку. «Все, кто приезжал в гости к Марии Павловне, оказывались в гостях у Гете, и наоборот», – отмечали современники. Среди гостей этих двух домов были члены русской императорской фамилии, в том числе Александр I, а также А. Тургенев, В. Жуковский, С. Уваров, З. Волконская. Покидая Веймар, Волконская, искренне привязанная к Марии Павловне, оставила следующие строки: «Удаляясь от пантеона великих писателей германских, моя душа исполнена чувствами благоговейными. Все там дышит наукой, поэзией, размышлением и почтением к гению. Гений там царствует, и даже великие земли суть его царедворцы. Там я оставила ангела,

проливающего слезы на земле».

В 1808–1811 годах Мария Павловна вместе с принцессой Каролиной посещала лекции художника, искусствоведа и историка Иоганна Генриха Мейера. Для женщин их ранга это был беспрецедентный поступок, который высоко оценил Гете. Интерес к истории у герцогини Веймарской вскоре сделался основным, и спустя много лет, в 1852 году, она основала Историческое общество Веймара.

Дружила наследная принцесса и с Шиллером, но эта дружба продлилась недолго: в начале мая 1805 года поэт скончался. Марии Павловны в это время не было в Веймаре, она с супругом и принцессой Каролиной ездила в Лейпциг. Вернулась спустя два дня после похорон. Но свое уважение к памяти Шиллера она смогла выразить лучше, чем кто бы то ни был: Мария Павловна заботилась о вдове и сыновьях поэта на протяжении всей своей жизни.

* * *

Лето 1805 года выдалось засушливым и неурожайным. Мария Павловна, желая помочь своей новой родине, на собственные деньги закупила хлеб. Только благодаря ее доброй воле герцогство избежало голода. Тогда юную герцогиню Марию впервые назвали ангелом-хранителем Веймара.

О реакции жителей герцогства сообщает тогдашний ученый И. Фойгт: «Народ на нее молится, доброта Марии Павловны подействовала на него и сильно умерила его обычную грубость. Народ постоянно чувствует ее тихое заступничество, и я теперь понимаю, что может значить имя Марии в католическом символе веры».

В честь принцессы-благодетельницы загородная резиденция герцогов близ Эйзенаха Вильгельмталь была переименована в Мариенталь.

* * *

Тем же летом Мария Павловна ездила в Россию, гостила в Павловске у матери. Вдовствующая императрица Мария Федоровна очень тревожилась о здоровье своей третьей дочери, отданной замуж в чужие края, и Мария Павловна решила живым примером доказать, что она здорова, счастлива и процветает. Молодая женщина была беременна, но носила легко, почти не

ощущая своего положения. Рожать она уехала в Веймар и, не в пример своим несчастным старшим сестрам, легко справилась с наиглавнейшей женской задачей. В сентябре 1805 года на свет появился принц Павел Александр Карл Фридрих Август. Правда, этому малышу не суждена была долгая жизнь: он умер в апреле 1806 года…

В 1808 году Мария Павловна снова родила, на этот раз девочку, окрещенную Мария Луиза Александрина. К счастью, малышка оказалась здоровее своего брата, выросла, вышла замуж и скончалась только в 1877 году.

Вторая дочь Марии Павловны, Мария Луиза Августа Катарина, родившаяся в 1811 году, также дожила до старости, скончавшись в 1890-м.

И лишь в 1818 году появился на свет долгожданный сын, Карл Александр Август Иоганн, великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенах, который тоже радовал родителей крепким здоровьем. Он даже застал новый век: умер в 1901 году.

* * *

За свою долгую жизнь в Веймаре Мария Павловна прославилась своей благотворительностью, и ее не без оснований называли матерью нации. «Померанцевое деревце» славно прижилось на новой земле. Интересы Веймара Мария Павловна ставила даже превыше интересов России. Когда Веймар присоединился к Рейнскому союзу, поддерживающему Наполеона, к тому моменту уже воевавшего с Россией, свекор Марии Павловны, Карл-Август Саксен-Веймарский, решил пополнить опустевшую казну и выплатить французам контрибуцию из приданого своей богатой русской невестки.

Согласно закону, установленному еще императором Павлом I, ровно половина приданого всех его дочерей, выходивших за иноземных владык, продолжала храниться в российских банках. Если принцесса умирала – эта часть приданого так и оставалась в России: это служило принцессе защитой от возможного убийства ее новыми родственниками из корыстных побуждений, которые не чужды и людям королевской крови, особенно если кроме крови и короны у них почти ничего нет, как у большинства немецких королей, князей и герцогов… Также благодаря этому неожиданно мудрому для покойного императора решению его внуки, дети усопшей Елены Павловны Мекленбург-Шверинской, были материально обеспечены, несмотря на то, что войска Наполеона разграбили земли их отца.

А Карл-Август Саксен-Веймарский хотел «приданым великой княгини пополнить казну Веймара». Но любой член Рейнского союза, вольно или невольно, становился врагом России. Мария Федоровна писала генералу А. Я. Будбергу: «…деньги эти, употребленные в уплату наложенной Наполеоном контрибуции, пойдут на издержки войны, которую он ведет против нас!»

Особенно оскорбило вдовствующую императрицу то, что ее дочь, великая княгиня Мария Павловна, поддержала Карла-Августа в его наглой просьбе и сама в письме просила мать выплатить эти деньги, чтобы помочь «ее бедствующей родине». Тем самым Мария Павловна четко расставила акценты: ее родина – Веймар, а не Россия. И она сделает все, чтобы помочь Веймару.

Тщетно Мария Федоровна увещевала дочь, напрасно она писала: «…половина приданого помещена в российских бумагах не потому только, как напрасно говорится в письме, что оно при известных обстоятельствах должно возвратиться в русскую императорскую казну, но для обеспечения великих княжон. Это неприкосновенный запас для их обихода, для их детей, какие бы обстоятельства ни случились с ними в чужих краях. Самое естественное, как и самое надежное обеспечение великих княжон в том, что капитал, на который могут они жить, имея средства в запасе, находится в их родной стране».

Возможно, Мария Павловна и ее свекор надеялись, что безумная любовь, которую Мария Федоровна питала к своим оставшимся в живых дочерям, заставит ее преступить закон и втайне от сына, Александра I, занятого войной и политикой, направить дочери и ее новой родне столь нужные им средства… Но Мария Федоровна была, во-первых, очень благоразумной женщиной, а во-вторых – искренней патриоткой России. Она отдала письма Карла-Августа Саксен-Веймарского и Марии Павловны своему сыну – и предоставила императору решать судьбу приданого сестры. Собственно, его решение было вполне очевидно и предсказуемо.

6 мая 1807 года Александр писал из Бартенштейна, где тогда находилась главная квартира армии: «Я с особым вниманием рассмотрел прошение кабинета этой страны о том, чтобы получить заимообразно полмиллиона рублей, которые составляют половину приданого моей сестры и, в силу ее брачного договора, должны оставаться в России. Как ни желательно мне содействовать облегчению положения страны, сделавшейся вторым отечеством сестры моей, я не могу не принимать во внимание тех весьма основательных распоряжений, которые были сделаны относительно приданого моих сестер – великих княжон моим покойным отцом… Равным образом я не

могу не принять во внимание настоящего положения дел, когда из-за неслыханных бедствий Саксен-Веймарское герцогство разделяет печальную участь большей части Германии, стонущей под игом французского правления, и когда, следовательно, всякая денежная помощь, оказанная Веймару, не замедлит перейти в сундуки неприятеля и будет употреблена на войну, которую он ведет против нас…»

Это был недвусмысленный отказ. Пусть и безупречно вежливый, элегантный, в стиле безупречного и элегантного государя, каким представлялся Александр I… И, возможно, каким он и в самом деле являлся. Бабушка, императрица Екатерина Великая, вырастила его прекрасным дипломатом. И в своем отказе он предлагал оппонентам понять позицию русского императора, отказ которого «происходит вовсе не от недостатка доброй воли». Александр писал: «…я всегда буду готов всячески доказать мое благорасположение и уважение, лишь бы не вопреки основным законам моей империи и обстоятельствам».

Обстановка на тот момент была такова: на востоке Пруссии шли битвы с Наполеоном; проиграв сражения под Прейсиш-Эйлау, под Фридландом, французы разбили прусскую и русскую армии. Летом 1807 года Россия вынуждена была заключить невыгодный для нее Тильзитский мир с Францией. Согласно его условиям, России пришлось поддержать Францию в континентальной блокаде Великобритании. Отныне России не только запрещалось вести с последней торговлю, но и, как и прочим союзникам Франции, принимать в своих портах британские корабли. Прекратив с Англией деловые отношения, Россия несла огромные убытки.

Осенью 1808 года Александр I и Наполеон I встретились в Эрфурте. Там же и тогда же произошла еще одна знаменательная встреча. Для присутствия на переговорах двух императоров в Эрфурт съехались многие немецкие монархи – члены Рейнского союза. Был в их числе и свекор Марии Павловны Карл-Август Саксен-Веймарский – вместе со своим министром Иоганном Гете. По словам поэта, «на съезд императоров и королей в Эрфурте герцог Веймарский хотел непременно привезти с собой то, что было у него самого значительного, только одни привезли с собой золото, другие – портфели с реестрами штыков и пушек, подкреплявшими дипломатические доводы». Самым ценным, что имелось у Карла-Августа, был его знаменитый министр. И Наполеон явно придерживался того же мнения. Узнав о прибытии Гете 1 октября, он назначил ему аудиенцию на следующее утро. Император Франции приветствовал поэта фразой, ставшей крылатой: «Вот человек!» Он беседовал с Гете о его романе

«Страдания юного Вертера» и наградил его крестом Почетного легиона.

Но, помимо этой примечательной сцены, которую и Гете, и Наполеон, можно не сомневаться, помнили до конца своих дней, ничего особо значимого на переговорах не произошло. Русский и французский императоры подписали договор о взаимной поддержке в будущем, однако условия этого договора впоследствии не соблюдались.

Вскоре стало очевидно, что война России с наполеоновской Францией неизбежна. Александр I и Наполеон еще считались союзниками, когда русский император, навещая свою сестру Марию Павловну в Веймаре, сказал ей: «Двоим нам не ужиться в Европе: одному из нас рано или поздно должно отступить».

Александр не держал зла на Марию Павловну, он сочувствовал ей и, может быть, даже понимал ее верность новой родине… Ведь и его великая бабка императрица Екатерина, урожденная принцесса Ангальт-Цербская, и его мать Мария Федоровна, урожденная принцесса Вюртембергская, и его жена Елизавета Алексеевна, урожденная принцесса Баден-Дурлахская, – все они сменили родину и теперь демонстрировали безупречную верность России. Мария Павловна поступила точно так же.

* * *

В июне 1812 года шестисоттысячная армия Наполеона, включавшая в себя армии его союзников, перешла пограничную реку Неман и вторглась в пространство Российской империи. Началась Отечественная война 1812 года, в которой войско Веймара, связанного с Наполеоном условием Рейнского договора, воевало против России… Что чувствовала в те дни, недели и месяцы Мария Павловна – неизвестно. Скорее всего, она утешалась науками, искусством, заботой о двух маленьких дочерях. Потом было отступление наполеоновских армий из России, заграничный поход русских войск, а в октябре 1813 года под Лейпцигом произошла великая «битва народов», в которой против армии Наполеона выступила Россия со своими союзниками: Пруссией и Австрией. Сражение стало для Наполеона роковым: 80 000 солдат пали на поле боя, Рейнский союз перестал существовать, и недавние союзники французов радостно присоединились к их врагам. Среди них было и войско владетельного герцога Карла-Августа Веймарского.

Мария Павловна заложила свои драгоценности, чтобы

устроить в Веймаре госпиталь для русских солдат. Она создала несколько женских патриотических объединений, целью которых была помощь раненым и пострадавшим во время войны. И она же буквально умоляла своего брата императора Александра I и министра графа Аракчеева о помощи и внимании для веймарцев, которые оказались в плену на русской земле: «Граф Алексей Андреевич. С особенным удовольствием получила я письмо Ваше от 22 августа и благодарю Вас усердно за старание ваше в рассуждении веймарских пленных офицеров, коим следует ожидать до будущего времени перемену их судьбы, где они находятся: а между тем, прошу Вас меня уведомить вперед, ежели что воспоследует в пользу их; я, конечно, всегда сочту внимание Ваше к их участи доказательством особой услуги, относящейся к моей особе».

В 1814 году Мария Павловна встретилась в Веймаре со своей младшей сестрой Екатериной Павловной: та оплакивала мужа, герцога Ольденбургского, и любовника, генерала Багратиона, впала в глубокую депрессию из-за стольких утрат, и врачи посоветовали ей длительное заграничное путешествие в качестве исцеления от скорбей. Сестры и прежде любили друг друга, но особенно сблизились во время той встречи: обе уже не девочки, уже женщины, познавшие любовь и скорбь, боль утрат и унижений. Расставшись, они продолжали обмениваться частыми подробными письмами.

Посетила Веймар и невестка Марии Павловны, императрица Елизавета Алексеевна, направлявшаяся в Баден на встречу со своими родными. В свите императрицы была фрейлина Роксандра Эдлинг, которая оставила запись о посещении Веймара: «Некогда в Петербурге я знала великую княгиню Марию Павловну. Она выразила мне удовольствие, что опять видит меня. Веймарский замок очень красив, и все устроено в нем на широкую ногу. Двор многолюднее и богаче берлинского…»

Весной 1814 года пал Париж. Был подписан мирный договор, и Наполеон, после отречения, отправился в ссылку на остров Эльба. На французский трон вернулись Бурбоны, а в Европу, казалось, вернулся покой.

* * *

В 1818 году Марии Павловне нанесли визит ее брат император Александр I и мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Для них это была долгая поездка: сначала они посетили Екатерину Павловну, которая к тому времени второй

раз вышла замуж и стала королевой Вюртембергской, потом Анну Павловну, которая была принцессой Оранской и жила в Брюсселе.

Желая сделать матери приятный сюрприз, Мария Павловна пригласила погостить в Веймар своих племянника и племянницу, детей покойной Елены Павловны: принца Пауля и принцессу Марию Мекленбургских. Это была счастливая встреча. Мария Федоровна наслаждалась обществом пяти своих внуков: двоих уже подросших детей несчастной Елены и троих малюток – детей Марии.

Но по возвращении в Петербург Марию Федоровну ожидал страшный удар: известие о скоропостижной смерти Екатерины Павловны. Мария Павловна узнала о смерти сестры чуть раньше, и это была одна из самых страшных утрат в ее жизни.

Утешение Мария Павловна нашла в благотворительности, которой она активно занималась в послевоенные годы – да и всю последующую жизнь. Искусства и науки не то что были позабыты, они просто теперь отошли на второй план из-за забот о калеках, вдовах и сиротах. Помимо выплат пенсий и пособий последним, Мария Павловна пыталась преодолеть нищету, порожденную войною, поддерживая рабочие мастерские для взрослых, прядильни для пожилых женщин, создавая учреждения с бесплатным уходом за роженицами и новорожденными. Веймарцы обязаны Марии Павловне такими важными для жизни мелочами, как питьевые фонтаны на улицах города, и даже первая сберегательная касса была открыта по ее инициативе и в день ее рождения в 1821 году. Мария Павловна помогала не только обществам, но также и отдельным людям, попавшим в бедственное положение, причем помогала инкогнито, предпочитая оставаться «неизвестной дарительницей».

Современники так характеризовали стиль благотворительной работы герцогини: «Никто и никогда не сталкивался с промедлением или упущением. Ответы на обращения, предложения, отчеты организаций следовали с быстротой и пунктуальностью, которые могли бы взять себе за образец иные администрации, и были так ясны и определенны, что не понять их вряд ли было возможно».

Следует отметить, что во всем этом Мария Павловна следовала примеру своей матери, императрицы Марии Федоровны, хотя все же не преуспела на поприще благотворительности так же, как эта поистине великая, но недооцененная потомками женщина.

* * *

Мария Павловна с супругом гостили в России, когда пришла весть о кончине владетельного герцога Карла-Августа Саксен-Веймарского. В срочном порядке вернулись они в Веймар: Карл-Фридрих должен был похоронить отца и принять его корону. Правил он тихо и разумно, во всем слушаясь свою супругу и отцовского первого министра Иоганна Вольфганга Гете, которого Карл-Фридрих, разумеется, оставил на прежнем посту.

Джордж Доу. Портрет великой княгини Марии Павловны, наследной герцогини Саксен-Веймар-Эйзенах (1822 г.)

Став великой герцогиней Саксен-Веймарской и Эйзенахской, Мария Павловна взяла на себя попечение обо всем, что касалось науки, образования, культуры. Она заботилась об учреждениях, которым прежде покровительствовал ее свекор. С Гете, своим другом, единомышленником и учителем, герцогиня обсуждала,

кого из ученых, музыкантов, художников, писателей следует пригласить в Веймар и каким проектам надо уделить первостепенное внимание.

Изрядная доля средств на эти нужды, разумеется, поступала из казны Российской империи, то есть из содержания, выделявшегося Марии Павловне. Небогатому Веймару было бы не выдержать размаха вдохновенных мечтаний герцогини и поэта-министра. «Золотой русский дождь, полившийся на Веймар со времени водворения там Марии Павловны, был частый, крупный и беспрерывный», – писал литературовед С. Н. Дурылин, исследователь жизни и творчества Гете.

На деньги герцогини оснащались лаборатории Йенского университета, покупалось все необходимое для занятий физикой, химией, географией, астрономией. С помощью Марии Павловны пополнялись университетские коллекции, например, карт, рукописей и восточных монет.

Еще Анна-Амалия основала Веймарскую библиотеку, «Музеум для чтения», которая потом перешла на попечение ее сына Карла-Августа. Мария Павловна подхватила эстафету. Но заботы о расширении библиотечных фондов и благоустройстве помещений ей показалось мало, и в 1831 году герцогиня вместе с Гете и Мейером организовала при библиотеке Общество по распространению лучших произведений новой литературы Германии. Оно, помимо прочего, занималось издательской деятельностью, выпуская литературную и научную периодику. Круг тем охватывал даже политику. Позднее по приказу Марии Павловны для общества построили отдельное здание.

В интересах науки Мария Павловна учредила литературные вечера, происходившие во дворце, на которых делали доклады различные веймарские ученые и профессора Йенского университета. Это никоим образом не было простым времяпрепровождением; напротив, Мария Павловна заботилась как о собственном образовании, так и об образовании других. «Наверное, ее придворные дамы часто втайне вздыхали, когда их венценосная госпожа требовала, чтобы они на следующий день по памяти записывали ученые доклады».

В 1825 году под личным наблюдением герцогини и на ее средства был отстроен заново придворный театр, сгоревший при пожаре.

Да, Мария Павловна была драгоценным приобретением для Веймара.

«Великая герцогиня показывает пример как одухотворенности и доброты, так и доброй воли; она – поистине благословение для страны. А поскольку людям вообще свойственно быстро

понимать, откуда к ним идет добро, и поскольку они почитают солнце и прочие несущие благо стихии, то меня и не удивляет, что все сердца обращены к ней с любовью и что она легко увидела, чем это заслуживается», – говорил о ней Гете.

Секретарь Гете Иоганн Петер Эккерман сохранил для нас и другой отзыв великого поэта о его покровительнице: «Она в своем благородном рвении тратила много сил и средств на то, чтобы смягчить страдания народа и дать возможность развиться всяким добрым задаткам. Она с самого начала была для страны добрым ангелом, сказал он, и становится им все более и более, по мере того как ее связь со страной делается все теснее. Я знаю великую герцогиню с 1804 года и имел множество случаев изумляться ее уму и характеру. Это одна из самых лучших выдающихся женщин нашего времени, и она была бы таковой, если бы и не была государыней».

Знаменитый путешественник, немецкий ученый-энциклопедист Александр фон Гумбольдт, одно время изучавший в Йенском университете астрономию, оставил забавное свидетельство заслуг «матери нации»: он назвал в честь Марии Павловны открытое им в Бразилии растение – paulovnia imperialis.

* * *

Смерть любимой сестры Екатерины Павловны была только первой в череде горестей, которых Марии Павловне пришлось испить полной чашей. В 1825 году в расцвете сил и здоровья скончался император Александр I. Его смерть была шоком для всех – и для родных, и для подданных, и даже для врагов. Один из современников вспоминал: «…великая княгиня Мария Павловна лишилась сил, когда узнала о смерти императора, а принцесса Мария упала без сознания к ногам своей матери, получив это известие. Говорили также, что старый великий герцог был очень потрясен и плакал, как малое дитя». Веймарские правители понимали, что потеряли в нем еще и могучего защитника. А Мария Павловна потеряла последнего близкого ей по возрасту единокровного родственника. С другим братом, Константином, она никогда не была близка. Остальные оставшиеся в живых – сестра Анна, братья Николай и Михаил – были еще детьми, когда она покинула Россию… Мария Павловна тяжело заболела от горя после известия о кончине Александра I: доктора констатировали «нервную горячку» – но, видимо, это было что-то серьезное, какой-то воспалительный процесс, затронувший слуховой аппарат. После выздоровления она стала

хуже слышать.

В 1828 году скончалась ее мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Мария Павловна почувствовала, что оборвалась последняя нить, связывавшая ее с Россией.

В 1831 году умер ее брат Константин, но этой утраты она почти не заметила: Марию Павловну в ту пору больше заботило ухудшившееся здоровье Гете, без которого она не представляла ни Веймара, ни своей жизни. Но, конечно же, и Гете ей пришлось пережить. В память о поэте она приказала обустроить в герцогском дворце мемориальные комнаты, для убранства которых взяли бархат из ее приданого.

Мария Павловна тяжело переживала то прохладное и даже враждебное отношение, которое европейцы питали к ее брату императору Николаю I. Неприязнь появилась с самого начала, с подавления восстания декабристов, которые для европейцев были не только героями-мучениками, но еще и передовыми людьми, желавшими избавить Россию от позора рабства. Негативное отношение к нему усугубилось, когда предводители восставших были казнены, а жены декабристов разделили с мужьями страшную ссылку в Сибири: в Европе узнали о тех поистине немилосердных условиях, в которые указом царя были поставлены эти благородные женщины, – расстаться с детьми, потерять все права, в том числе и право на возвращение… Затем последовало жестокое подавление польского восстания. И вся Европа сочувствовала полякам, «страждущим под железной пятой Российской Империи», и давала приют беглым революционерам. После настоящего дипломата Александра I, демонстрировавшего свой стальной кулак только в лайковой перчатке, прямолинейный в своей суровости Николай I глубоко шокировал Европу.

Мария Павловна пыталась как-то обелить брата в глазах европейской общественности, она использовала любую возможность, чтобы изменить мнение о нем к лучшему. Французский посол Барант, ехавший в Петербург через Веймар в 1835 году и на несколько дней ставший гостем Марии Павловны, вспоминал: «Беседа была долгая и разнообразная. Совершенно очевидно, что герцогиня очень умна, но ее глухота, брак с человеком, который так не соответствует ей, жизнь в провинциальном городке, в то время как она всем своим существом чувствует потребность и привычку к большому двору и возвышенному поприщу, – все это придает ей оттенок грусти и уныния. Тридцать лет подобной жизни, по-видимому, не заставили ее покориться судьбе: казалось, что это печаль и тоска первого дня. С таким настроением она смотрит на все и судит обо всем: положение дел в Европе, дух народов, брожение идей,

господствующие мнения, характер литературы – все это постоянно были, в общих выражениях, предметом ее горьких и критических замечаний. Беседе этой некоторый интерес придавало то обстоятельство, что она лишь внешне казалась отвлеченной, в действительности же все в ней касалось русского императора, его положения по отношению к Европе, того, что о нем думают, как мало помощи и поддержки находит он для предположенной им задачи. Она начала говорить о всех его достоинствах, уме, благородстве и чистоте намерений: рисовала его живой портрет. Когда же я, поддерживая беседу и ее тон, начал отдавать должное мужеству и твердости русского императора, она не приняла похвалу такого рода: „Многие государи были мужественными и твердыми, но мой брат прежде всего справедлив и добр“, – сказала герцогиня, делая ударение на слове „добр“. И так как разговор на эту тему окончился, то она, прежде чем перейти к другой, еще раз подчеркнула: „Необыкновенная доброта – вот его особенность“…»

Мария Павловна так искренне любила своих подданных и так была уверена в возвышенной натуре всех до единого веймарцев, что настоящим ударом для нее стал разгром, учиненный в дни французской революции 1848 года студентами Йенского университета, в одной из деревень, находящейся недалеко от Веймара.

Марфа Сабинина, дочь духовника Марии Павловны, записала в своем дневнике: «В этот день, в десять часов, Великая княгиня прислала сказать моему отцу, чтобы начинали службу, не дожидаясь ее прихода. Нужно заметить, что Великая княгиня была аккуратна, никогда не позволяла себе опаздывать к назначенному времени. Когда начали читать Евангелие, мой брат Иван, открыв обе половинки двери, впустил Великую княгиню. Она, войдя в комнату, опустилась на колени у стула, стоявшего около дверей, и разразилась горькими слезами. По окончании Евангелия она встала и прошла на свое обычное место. Она была страшно бледна и едва держалась на ногах. После обедни она подошла к моей матери и сказала: „Вот благодарность за все, что я сделала для них…“».

Но Мария Павловна проявила знаменитую твердость характера и, не столько укротив, сколько приручив мятежников, вернула жизнь герцогства в привычное русло. В том же 1848 году, во время Польского восстания, скончался от холеры ее младший брат Михаил Павлович. Однако на фоне погрома, устроенного ее «родными» веймарцами, это печальное событие прошло как бы мимо Марии Павловны.

В августе 1849 года Веймар торжественно отмечал 100 лет со

дня рождения Гете. Всего через год, в августе 1850-го, не менее пышно отмечался день рождения историка Иоганна Готфрида Гердера… Мария Павловна прибыла в Веймар, когда он звался «германскими Афинами», и желала, чтобы в ее правление он не утратил своей славы.

* * *

Была ли она счастлива? Бесспорно, была, хотя великие княжны и рождаются не для счастья, а для политики. Но Мария нашла человеческое счастье – в наслаждении искусством, в осознании себя покровительницей культуры, хранительницей традиций Веймара.

Правда, женского счастья ей было не суждено познать: супруг ее, великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенах Карл-Фридрих, был явно не достоин такой жены, не соответствовал ее высокому интеллектуальному и духовному уровню, причем с возрастом пропасть между ними только возрастала.

Французский посол Барант писал: «Великий герцог более чем неумен: он зачастую нелеп и не знает меры. Мне было и раньше известно, что его речь странна и несвязна. Меня предупреждали о тех неприятностях, которые он постоянно причиняет великой герцогине, тонкий вкус и благородные манеры которой он постоянно оскорбляет. Во время всех этих проявлений его дружественных чувств к королю Франции она не принимала участия в разговоре, хотя, будучи глуховатой, она могла и не расслышать того, что великий герцог говорил быстро и невнятно…»

В 1840 году Марию Павловну навестил ее младший брат император Николай I с женой и дочерьми. Одна из них, Ольга Николаевна, которой в ту пору было восемнадцать лет, позже вспоминала: «Мы поехали в Веймар к тете Марии. Папа любил эту свою старшую сестру почти сыновней любовью. Мне она казалась воплощенным долгом. Замужем в течение тридцати пяти лет за смешным мужем, она никогда не знала слабости…»

Случались ли в жизни Марии Павловны какие-либо любовные истории? Неизвестно. Никто не сохранил об этом свидетельства. А поскольку в отношении герцогини Веймарской даже малейший повод непременно породил бы домыслы и сплетни, то скорее всего Мария Павловна была истинной «женой Цезаря»: вне подозрений! В конце концов, можно быть счастливой и не познав любви, особенно при наличии покоя, благополучия и радостей духовных. И находить утешение в том, что ты являешься

«воплощенным долгом».

Главной отрадой для герцогини Веймарской были ее дети.

Своих дочерей Мария Павловна выдала замуж за двух братьев, принцев Прусских. Они, кстати, приходились родными братьями Шарлотте-Фредерике-Луизе-Вильгельмине Прусской, на которой женился младший брат Марии Павловны – великий князь Николай Павлович, ныне император Николай I.

Старшая, Мария Луиза Александрина, вышла замуж за Карла, третьего из сыновей короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III. А младшая, Мария Луиза Августа Катарина, – за второго, Вильгельма. Так получилось потому, что во время сватовства к старшей из веймарских принцесс свободен от обязательств был только Карл. Тогда как Вильгельм был обручен с Элизой Радзивилл, страстно в нее влюблен и мечтал на ней жениться. Но планы изменились, когда выяснилось, что старший из сыновей Фридриха-Вильгельма III, тоже Фридрих-Вильгельм, женатый уже несколько лет, бесплоден. К тому же у него проявились первые признаки душевной болезни. Сделалось ясно, что передавать корону ему нельзя, а значит – наследником становится второй из сыновей, Вильгельм. Помолвку с Элизой Радзивилл ему пришлось разорвать: его отец не желал видеть на троне Пруссии королеву-католичку. Вскоре после расторжения помолвки Элиза умерла, а принц Вильгельм остался с разбитым сердцем. Говорили, будто теперь ему все равно, на ком жениться. А хорошенькая юная принцесса Мария Луиза Августа Катарина Веймарская гостила у своей старшей сестры, жены принца Карла. И приглянулась его родителям. Принц Вильгельм же не имел ничего против Августы Веймарской – равно как и против любой другой принцессы, на которой его пожелали бы женить родители. Так и получилось, что старшая из дочерей Марии Павловны на всю жизнь осталась всего лишь принцессой Прусской, младшая же волею судьбы одела на себя корону Пруссии, а потом стала императрицей объединенной Германии.

Девочки были прекрасно пристроены. Теперь нужно было женить обожаемого сына. Мария Павловна не видела для него достойных невест… за исключением, пожалуй, своих родных племянниц, русских великих княжон, дочерей своего младшего брата императора Николая! Правда, русская православная церковь запрещала брак между столь близкими родственниками, но Мария Павловна, внешне сохраняя верность православию, прониклась идеями протестантизма и считала теперь, что этот запрет – не более чем глупый предрассудок.

Старшая из дочерей Николая I, Мария, уже была замужем, причем – по мнению Марии Павловны – весьма неудачно: за

герцогом Лейхтенбергским, выдающимся человеком, очень нравившимся отцу-императору, но недостаточно родовитым и не имевшим собственных владений. Впрочем, своенравная и умная Мария никогда не нравилась Марии Павловне. Она предпочитала младших: послушную вдумчивую Ольгу и нежную мечтательную Александру, которую в семье называли Адини. Но у Адини было слабовато здоровье, поэтому Мария Павловна решила-таки свататься к Ольге.

В своей книге «Сон юности» Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, вспоминала: «В июне 1841 года к нам приехала тетя Мария Веймарская. Она прибыла в обществе своего мужа и сына. Тринадцать лет прошло с тех пор, как она была в России, и увидеть эту страну снова ей было приятно… К обеду тетя почти постоянно приезжала к нам, в громадной шляпе, которые были в моде в 1814–1815 годах. По вечерам мы сидели до десяти часов без света, в сиянии прекрасных светлых ночей Севера. Мы, молодежь, сидели одни за столом у окна, шутили и поддразнивали друг друга. Хотя тетя и не слышала наших голосов (она была глуховата), тем не менее она не спускала с нас глаз. Она мечтала заполучить одну из нас, Адини или меня, в жены своему сыну и старалась отгадать, которая из нас подошла бы ему лучше. Она обратилась с этим к Папа. Его отказ ничуть не смутил ее…»

Мария Павловна не унималась и напрямую побеседовала с племянницей.

«Начала она торжественно:

– Существуют предрассудки, которые необходимо побороть. Я говорила с Николаем, но без успеха. Теперь я сама хочу поговорить с тобой и сказать, что прошу твоей руки для моего сына. Ты согласна?

– Но, тетя, ведь он мой кузен!

– Это предрассудки!

– Но Папа уже ответил тебе то же самое, что и я!

– Это отсталые взгляды!

– Но наша церковь запрещает это, и я чувствую себя обязанной послушанием ей…

Наш разговор длился целый час. Я сопротивлялась, защищалась в корректной форме, в душе же была несколько обижена, что она могла подумать, будто я ослушаюсь церкви, которая была также и ее церковью…

На следующий день последовало то же самое и с Адини.

Тетя Мария так близко приняла это к сердцу, что захворала и даже слегла. Кузен же Веймарский сделал вид, что ему ничего не известно, и оставался веселым и непринужденным, вероятно,

понимая, что ему более к лицу роль товарища, чем вздыхающего поклонника…»

В конце концов, Мария Павловна все-таки женила сына на своей родной племяннице! Только не на русской великой княжне, а на принцессе Софии-Вильгельмине Оранской – дочери Анны Павловны, королевы Нидерландов. Кстати, брак оказался весьма удачным. И стал поводом для сестер вновь тесно общаться: Анна теперь часто приезжала в Веймар навестить дочь и сестру.

* * *

26 июня 1853 года, в возрасте семидесяти лет, после сорока девяти лет супружеской жизни, скончался муж Марии Павловны: великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенах Карл-Фридрих. Вдовствующая герцогиня мужественно продолжала прежний курс, занимаясь благотворительной и просветительской деятельностью.

«Великая княгиня Мария Павловна живет в Бельведере. Ее отличают одухотворенность, достоинство, утонченность и особая прямота. Теперь, овдовев, она не берет денег из казны, а довольствуется тем, что получает из России, – примерно 130 000 талеров в год; излишки она отдает дочерям и в особенности беднякам, раздает и помогает повсюду», – писал К. А. Варнгаген фон Энзе.

Появление Марии Павловны в Веймаре было отмечено стихами Шиллера. Когда пятьдесят лет спустя, в 1854 году, в том же, только заново отстроенном ею после пожара, театре торжественно отмечался полувековой юбилей этого события, в городе, да и во всей Германии, не было поэта такого ранга. Поэтому снова переиздали «Пролог» Шиллера, эпилог к которому дописал А. Шолль:

Тебя благословляет жизнь, что вокруг тебя шумит
Там лес и шахта пользу создают,
Где острый смысл исследует пытливо,
Где учит мудрость и кипит отвага,
Там помнят с благодарностью тебя
Как ангела-хранителя страны,
Опору слабым, образец достойным
И материнских чаяний оплот.

Хотели устроить иллюминацию, но Мария Павловна запретила этот расход, приказав пожертвовать эти средства в фонд призрения пожилых людей.

Свой последний дар Веймару она сделала, пригласив великого композитора Ференца Листа на должность придворного капельмейстера. Окруженный всяческой заботой, чувствуя постоянную поддержку Марии Павловны, Лист пережил в Веймаре свой лучший творческий период. Он надеялся организовать в Веймаре музыкальную академию. Но при жизни Марии Павловны сделать это не успел. А сын ее, принц Карл-Александр, предпочитал изобразительные искусства музыке и организовал Академию художеств.

* * *

В начале марта 1855 года в Веймар пришло известие о смерти младшего брата Марии Павловны – императора Николая I. Мария Павловна снова – в последний раз! – посетила Россию, прибыв на коронацию племянника, императора Александра II.

В 1857 году Мария в последний раз повидалась с Анной. Из десяти детей императора Павла I в живых остались только они. Семьдесят один год Марии, шестьдесят два – Анне. Для них пришло уже время задуматься о том, что ждет их за гранью бытия. Прощаясь, эти две русские великие княжны, две европейские правительницы, были уверены, что прощаются навеки. Огромным утешением для сестер стало то, что дети их соединены священным союзом брака и уже подарили им внучек, Марию и Анну, названных в их честь.

Но рок навис над этой семьей. Весной 1859 года ее постигло очередное несчастье: маленькая принцесса Анна скончалась от мучительной мозговой горячки. Здоровье Марии Павловны после этого серьезно пошатнулось. Видимо, смерть малышки стала той последней каплей, которая переполнила чашу жизненных горестей великой княгини.

6 июня 1859 года Мария Павловна, и без того недомогавшая, еще и простудилась. Она не придала болезни особого значения и даже запретила выпускать традиционные бюллетени о своем здоровье, чтобы не волновать зря своих любимых веймарцев. Своему духовнику она написала, будто чувствует себя неплохо. Но простуда стремительно перешла в воспаление легких…

Кончина Марии Павловны, случившаяся вечером 11 июня, стала для страны настоящим потрясением, тем более что явилась еще и полной неожиданностью! Этой вести вначале не хотел верить никто, даже сын покойной, великий герцог Карл-Александр, совсем недавно попрощавшийся с захворавшей, но бодрой и уверенной в себе матерью и спокойно оставивший ее,

чтобы вернуться в замок Эттерсбург, где он жил с семьей. В дороге герцога нагнал верховой с известием о ее смерти. Герцог спешно вернулся, надеясь, что это какая-то нелепая ошибка. Но Марию Павловну уже готовили к бальзамированию. Карлу-Александру пришлось распорядиться относительно похорон: «По высочайшему повелению светлейшие останки Ее Императорского Высочества сиятельнейшей почившей Великой герцогини и Великой княгини будут выставлены (по настоятельному распоряжению усопшей – в закрытом гробу) в греческой церкви, расположенной в веймарском парке, в воскресенье 26 сего месяца с четырех часов дня до полуночи. Торжественное погребение состоится в понедельник 27 сего месяца в 8 утра».

Марфа Сабинина вспоминала: «23 июня в половине пятого я выехала в придворном экипаже из Эттерсбурга, где давала урок принцессе Марии (старшей внучке). По дороге меня перегнала великогерцогская чета, ехавшая по направлению к городу. Это меня очень удивило, так как час их обеда был в пять часов, и это было накануне дня рождения Великого герцога. Но едва я доехала до дома, как к моему отцу из Бельведера прискакал офицер с грустной вестью, что Великая княгиня Мария Павловна неожиданно скончалась от приступа в 5 часов 15 минут пополудни… Хотя отец был еще очень слаб, мы с ним тотчас же поехали в Бельведер, где скончалась Великая княгиня. Войдя в опочивальню, мы нашли ее лежащей на постели с выражением удивительного спокойствия. Стали искать образ, чтобы вложить ей в руки, но его нигде не оказалось: она не дозволяла вешать их у себя, не желая давать повод неуместным толкам в протестантской земле».

Возможно, истинной причиной отсутствия иконы в комнате Марии Павловны было то, что к концу жизни она прониклась духом протестантизма и разлюбила религиозные изображения. Разумеется, озвучить это она не могла, так же как не могла и нарушить обещание хранить верность православию.

На следующий день в Веймар приехала младшая дочь покойной, принцесса Августа Прусская, с мужем Вильгельмом и дочерью. Старшая дочь, принцесса Мария Прусская, была на сносях и не могла путешествовать. Ночью приехала из России племянница, великая княгиня Мария Николаевна, с дочерью Марией Максимилиановной Лейхтенбергской.

Закрытый гроб стоял в домовой церкви Сабининых, там веймарцы могли попрощаться со своей герцогиней.

Похоронили ее в великогерцогской усыпальнице на протестантском кладбище. Но, исполняя последнюю волю Марии Павловны, начали строительство православного храма над ее

могилой. В 1862 году храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины был освящен.

В своем завещании Мария Павловна написала: «Я благословляю полюбившуюся страну, в которой прожила. Я также благословляю мою русскую родину, которая мне так дорога, и особенно мою тамошнюю семью. Я благодарю Бога за то, что здесь и там Он направил все к лучшему, способствовал расцвету добра и взял под свое могущественное покровительство как мою здешнюю, так и мою русскую семью».

Память о цесаревне и великой герцогине Марии Павловне сохраняется в Веймаре до сих пор. В 2004 году в Веймаре прошла выставка «Их императорское высочество Мария Павловна – царская дочь при веймарском дворе», приуроченная к 200-летию бракосочетания Марии Павловны и ее приезда в Тюрингию; были организованы многочисленные концерты, доклады, презентации фильмов.

Великая княжна Екатерина Павловна, принцесса Голштейн-Ольденбургская, королева Вюртембергская

Екатерину считали самой умной из дочерей императора Павла. О ней говорили, будто она совместила в себе выдающийся ум Екатерины Великой и невыносимый характер Петра Великого. Ей прочили трон, даже хотели видеть ее правительницей России – под именем Екатерины III! Однако же для того, чтобы возвести на трон Екатерину, надо было свергнуть ее брата, императора Александра. А брата великая княжна любила – даже более страстно, чем положено любить братьев… Поэтому она отказалась от власти и предпочла любовь. Пылких чувств и амурных приключений в жизни этой великой княжны вообще было больше, чем у всех ее сестер вместе взятых. Словно она одна вобрала в себя всю страстность, которую природа должна была поделить между пятью сестрами.

Рождение великой княжны Екатерины Павловны едва не стоило жизни великой княгине Марии Федоровне. Благополучным разрешением мать была обязана своей свекрови. Врачи боялись навредить младенцу, который вполне мог оказаться столь долгожданным мальчиком, но императрица Екатерина решила, что жизнь ее благоразумной и плодовитой невестки все же ценнее жизни младенца, который может быть и очередной девочкой или вовсе родиться нежизнеспособным… Она приказала применить решительные меры – как она упоминала в другом письме, «молотить и мять живот роженицы»: то есть ребенка попросту «выдавили», что было, конечно, рискованно, однако мать и младенец были спасены.

11 мая 1788 года Екатерина II писала своему любовнику Потемкину: «Любезный друг, князь Григорий Александрович. Вчерашний день великая княгиня родила дочь, которой дано мое имя, следовательно, она – Екатерина; мать и дочь теперь здоровы, а вчерась материна жизнь была два часа с половиною на весьма тонкой нитке… Я матери спасла живот, ибо жизнь ее была в немалой опасности, от единого ласкательства и трусости врачей, и, видя сие, ко времени и кстати, удалось дать добрый совет, чем дело благополучно кончилось, и теперь она здорова».

Радостью от спасения невестки и внучки поделилась императрица и с постоянным своим корреспондентом бароном Мельхиором Гриммом: «Великая княгиня родила, слава Богу,

четвертую дочь, что приводит ее в отчаяние. В утешение матери я дала новорожденной свое имя…»

Крещение великой княжны Екатерины Павловны произошло 21 мая в Царском Селе. В церковь малышку внесла статс-дама Екатерина Романовна Дашкова, в то время возглавлявшая Академию наук, а императрица даровала внучке орден Святой Екатерины. Сентиментальные особы вспоминали об этом, когда Екатерина Павловна подросла: дескать, знаком судьбы было то, что назвали девочку в честь ее великой бабки, в церковь ее несла одна из величайших женщин России и орденом ее наградили еще при рождении… Будто бы политическому уму и воле Екатерины суждено было вернуться в новом облике – ее красавицы-внучки.

Очаровательной внешностью великая княжна Екатерина отличалась с самого младенчества. Когда она подросла, ее называли «истинной красой царского дома и России». Тем более что старшие сестры, Александра и Елена, которые могли бы соперничать с ней красотой, к тому моменту уже скончались. А из оставшихся трех великих княжон Екатерина, бесспорна, была красивейшей.

В сентябре 1790 года императрица пишет о ней барону Гримму: «О ней еще нечего сказать, она слишком мала и далеко не то, что были братья и сестры в ее лета. Она толста, бела, глазки у нее хорошенькие, и сидит она целый день в углу со своими куклами и игрушками, болтает без умолку, но не говорит ничего, что было бы достойно внимания».

Год спустя ее мать, Мария Федоровна, в письме к своим родителям рассказывает о дочери: «Это маленькая красивая куколка, душка, очень смешная, как самая младшая, она избалованное дитя мамаши. Признаюсь, что я часто играю с ней, она так чувствительна к ласке…» Екатерина так и осталась любимейшей из дочерей Марии Федоровны. Они всю жизнь были очень близки.

Дмитрий Левицкий. Портрет великой княжны Екатерины Павловны

Великая княжна подросла и была передана, как и все ее сестры, под строгий надзор баронессы Ливен. Училась Екатерина лучше всех в своей семье. Она с легкостью говорила и писала не только на французском и немецком, но и на русском, что было редкостью для аристократок тех времен. Великая княжна изучала математику, историю, географию, политическую экономию и во всем преуспела. Равно как и в светских науках: великая княжна Екатерина Павловна была ловкой и отважной наездницей, грациозной танцовщицей, она играла на клавикордах, рисовала и даже увлекалась гравировкой, как и ее мать.

Чем старше Екатерина Павловна становилась, тем очевиднее были для окружающих ее достоинства. Один из современников писал: «…в ней нет нисколько женской пустоты, религиозной сентиментальности. Она обладает особенной силой мышления, во взоре светятся чистые мысли, высшие интересы».

И красотой великой княжны тоже все восхищались в один голос.

«Если бы я был художником, я послал бы вам только ее глаз,

вы увидели бы, сколько ума и доброты вложила в него природа», – писал граф Жозеф де Местр, сардинский посланник в России.

«Она была настоящая красавица с темно-каштановыми волосами и необыкновенно приятными, добрыми глазами. Когда она входила, сразу становилось светлее и радостнее», – вспоминала Анна Петровна Керн, возлюбленная и муза Пушкина.

«Великая княжна Екатерина Павловна – красавица необыкновенная; такого ангельского лица и вместе с тем умного лица я не встречал в моей жизни; оно мерещится мне до сих пор, так что я хотя и плохо владею карандашом, но могу очертить его довольно охотно», – говорил известный театрал и мемуарист С. П. Жигарев.

Ее отец, император Павел I, тоже оказался одним из тех, кто высоко оценил духовные и интеллектуальные достоинства великой княжны Екатерины. Он едва не одарил свою четвертую дочь короной…

В 1801 году отношения императора со старшим сыном, цесаревичем Александром, испортились окончательно. Павел никак не мог простить Александру любви к нему Екатерины Великой и того, что императрица хотела короновать внука в обход сына, в обход его, Павла, так долго ждавшего корону! Александр, осторожный и дальновидный, вел себя покорно и скромно, и все равно Павел ему не доверял, и был даже момент, когда он подписал приказ об аресте старшего сына, будучи уверенным, что тот стоит во главе заговора против императора, против своего отца… Заговор действительно существовал, и Павлу предстояло пасть его жертвой. Но имел ли цесаревич какие-то отношения с заговорщиками – до сих пор не известно. В общем, Павел не хотел видеть своим наследником Александра, да и никого из своих сыновей. Он пригласил ко двору племянника своей жены принца Евгения Вюртембергского. И решил женить его на Екатерине Павловне, а потом назвать их своими наследниками. Евгению и Екатерине было по тринадцать лет. Конечно, их обоих подобный замысел только пугал, а Екатерину еще и сердил – она обожала своего старшего брата Александра! Евгений же был не в восторге от перспективы стать мужем этой надменной и агрессивной девицы, которую он уже тогда боялся… К счастью для всех, Павел I не успел привести в действие свой замысел: вскоре он был убит в том самом Михайловском замке, который несчастный император выстроил как свою личную крепость, куда, по его мнению, никакие злоумышленники пробраться не могли. На трон взошел Александр I. И Екатерина, и Евгений вздохнули с облегчением. По отцу Екатерина не

горевала. Впрочем, о нем горевали только самые младшие дети, не успевшие познать на себе «прелести» его взрывного нрава, да супруга Мария Федоровна, верно и нежно любившая Павла, несмотря на его измены и на чудовищное поведение в последние годы.

* * *

«Екатерина Павловна, сестра императора… будь ее сердце равным ее уму, могла бы очаровать всякого и господствовать над всем, что ее окружало. Прекрасная и свежая, как Геба, она умела и очаровательно улыбаться, и проникать в душу своим взором. Глаза ее искрились умом и веселостью, они вызывали доверие и завладевали оным. Естественная, одушевленная речь и здравая рассудительность, когда она не потемнялась излишними чувствами, сообщали ей своеобразную прелесть. В семействе ее обожали, и она чувствовала, что, оставаясь в России, она могла играть самую блестящую роль!» – заявляла графиня Роксана Эдлинг, фрейлина великой княгини Елизаветы Алексеевны.

Похвала графини Эдлинг тем более ценна, что фрейлина Елизаветы Алексеевны не относилась к числу друзей великой княжны Екатерины Павловны. Дело в том, что Екатерина Павловна никогда не дружила со своей невесткой. А графиня Эдлинг, как и все приближенные очаровательной и печальной Елизаветы Алексеевны, обожала ее, сочувствовала ей и осуждала императора, сделавшего жену несчастной, открыто ей изменявшего. Екатерина Павловна брата поддерживала во всем, в том числе и в его связи с красавицей Марией Нарышкиной. Для младшей сестры Александр был непогрешим, любое его решение она воспринимала как единственно правильное и любой его поступок – как мудрый и достойный. Впрочем, Елизавета Алексеевна и сама золовку едва терпела. Она писала своей матери: «Я никогда не видела более странную личность. Она идет по дурной дороге, избрав образцом мнений, поведения и манер своего братца Константина. Она говорит тоном, который не подошел бы и женщине в 40 лет, не говоря уж о 19-летней девушке!» Константин Павлович обладал настолько вздорным и агрессивным характером, что это даже привело его к разводу с герцогиней Саксен-Кобургской. Сравнивая Екатерину с Константином, Елизавета Алексеевна откровенно злословила. К тому же она была не права: Екатерина никогда не относилась к числу поклонников Константина. Она обожала одного только Александра. А он обожал ее…

Александр ласково звал Екатерину «обезьянкой» и производными от этого слова – «Бязяна», «Бизямс», «Бизям-Бизямовна». Находясь в разлуке с сестрой, император писал ей ежедневно. Он лично занимался вопросом ее замужества. Точнее, ревниво отваживал от Екатерины Павловны тех женихов, которые, по мнению старшего брата, были ее недостойны.

Некоторые из историков – например Анри Валлотон и Анри Труайя – считают, что отношения между Екатериной и Александром были не совсем теми, которые подобают брату и сестре… что между ними даже существовала кровосмесительная связь. В качестве доказательства приводят письма Александра к сестре, действительно несколько странные.

Вот выдержка из одного, от 19 сентября 1805 года, – Александру в ту пору было двадцать восемь лет, его сестре не исполнилось и семнадцати: «Если Вы сумасшедшая, то по крайней мере, самая обольстительная из всех сумасшедших… Я без ума от Вас, слышите?.. Прощайте, очарование моих очей, прелесть моего сердца, звезда века, явление природы, или – что лучше всего – Бизям-Бизямовна с плоским носиком!»

В другом письме: «Что поделывает Ваш дорогой носик? Мне так приятно прижиматься к нему и целовать его… Надеюсь, он не стал бесчувственным ко мне за то бесконечное время, которое нас разделяет?»

В третьем: «Ваша любовь необходима для моего счастья, потому что Вы самое красивое создание в мире!.. Прощайте, любимая подружка, возлюбленная глупышка души моей, я боготворю Вас и надеюсь, что Вы не отвергнете меня…»

Страстная переписка растянулась на годы.

И вот строки из письма от 25 апреля 1811 года, к уже замужней Екатерине, жившей с супругом в Твери: «Я люблю Вас до сумасшествия, до безумия, как маньяк!.. Набегавшись, как сумасшедший, я надеюсь насладиться отдыхом в Ваших объятиях. Увы, я не могу воспользоваться моими прежними правами (речь идет о Ваших ножках, вы понимаете?) и покрыть Вас нежнейшими поцелуями в Вашей спальне в Твери…»

Были ли император Александр и великая княжна Екатерина Павловна любовниками – точно, конечно же, неизвестно. Монархисты считают возмутительным само предположение о том, что православный царь, помазанник Божий, мог впасть в такой грех. Светские историки указывают на письма как на явное доказательство… по крайней мере того, что отношения брата и сестры были весьма оригинальные. Однако же и они стараются быть осторожными.

Историк Н. А. Троицкий о последнем из процитированных

писем рассуждает так: «Все биографы Александра I, касавшиеся этого письма, были шокированы или, по меньшей мере, озадачены им. Они если и думали, то гнали от себя мысль о возможности кровосмесительной связи между царем и великой княгиней, а других объяснений не находили. Может быть, в письме нет никакой тайны, то есть в нем сказано все о чувстве, которое связывало брата и сестру? Тогда это чувство можно определить как платоническую любовь. По отношению к Александру Павловичу такое объяснение подходит больше других, ибо он всю свою жизнь пребывал в хроническом восхищении перед всеми красивыми женщинами, попадавшимися ему на глаза…»

Другой историк, А. Н. Сахаров, не так уверен в платонической природе чувств Александра к сестре, но и он не смеет открыто высказать мнение о сути их отношений: «В дни Тильзита одиночество Александра было особенно ощутимым. У него была мать, но она оставалась его врагом; у него была жена, она являлась его другом, но его не связывали с ней узы интимной близости; у него была любовница, но она не была его другом и доверенным лицом. И лишь один человек, кажется, заменял ему иногда и мать, и друга, и жену, и, видимо, любовницу – это была его сестра Екатерина Павловна, с которой еще с юности Александра связывали тесные и весьма личные отношения. Его письма к ней в разные годы жизни вполне приоткрывают их особые чувства. И не случайно, когда уже после переговоров в Эрфурте Наполеон запросил ее руки, Александр пришел в ярость, и это было одной из тех тайных причин, которые определили охлаждение отношений между двумя европейскими властелинами. Но до этого было еще далеко. Впереди был еще Эрфурт, где Александру предстояло продолжить свою непростую игру с гениальным полководцем и незаурядным политиком…»

Правду нам уже не узнать. Для биографии Екатерины Павловны достаточно уже того, что при дворе ходили слухи об ее кровосмесительной связи с братом. Что у супруги Александра, Елизаветы Алексеевны, было достаточно поводов для неприязни к великой княжне Екатерине, и неприязнь эта была взаимной. И если принять за истину предположение, что Екатерина была любовницей своего старшего брата, можно считать, что эта ее первая интимная связь стала самой скандальной: все остальные прегрешения великой княжны выглядят куда более невинными.

* * *

А прегрешения имели место быть.

Точно установленный факт: любовником великой княжны Екатерины Павловны был Петр Иванович Багратион, прославленный генерал, любимец армии, грузинскую фамилию которого солдаты расшифровывали не иначе как «Бог рати он». Екатерина Павловна получила возможность близко – очень близко! – познакомиться с ним, когда Багратион был назначен летним комендантом Павловска, где вдовствующая императрица Мария Федоровна жила со своими дочерьми.

Петр Иванович был старше великой княжны на двадцать три года, он был некрасив и при этом – неотразим, как всякий поистине выдающийся человек. Про Багратиона можно сказать, что он был не человеком, а явлением. Военный гений его вызывал восхищение даже у врагов, а его безупречная верность долгу очаровывала владык. Уже одно то, что ему покровительствовали два императора, причем такие разные в своих пристрастиях – Павел I и Александр I, – говорит о его уникальности. Тем более что никогда Багратион не располагал к себе сильных мира сего лестью или интригами: для него существовали только армия и только его долг. Если бы его никак не награждали за служебное рвение, он бы все равно служил не за страх, а за совесть.

Павел I, пораженный талантами Багратиона после удачных гатчинских маневров, своей волей женил бедного, но подающего большие надежды военного на обладательнице колоссального приданого, внучатой племяннице Потемкина Екатерине Павловне Скавронской. Супруги никогда не любили друг друга и даже почти не жили вместе, детей у них не было, а с 1805 года Екатерина Павловна Багратион и вовсе переехала жить в Европу, где меняла любовников, как перчатки, и родила дочь от Меттерниха. «Екатерина скандально прославилась на всю Европу. Прозванная „Le bel ange nu“ („Обнаженным Ангелом“) за своё пристрастие к прозрачным платьям и „Chatte blanche“ („Белой кошкой“) – за безграничную чувственность, она вышла замуж за генерала князя Петра Багратиона. От матери она унаследовала ангельское выражение лица, алебастровую белизну кожи, голубые глаза и каскад золотых волос», – писал о ней Саймон Себаг-Монтефиоре в книге «Потемкин».

Если бы Петр Иванович пожелал развода – он бы с легкостью его получил.

А о том, мог бы он получить руку великой княжны Екатерины Павловны, до сих пор спорят историки.

Багратион происходил из грузинского царского рода Багратиони, так что вопрос с происхождением мог быть легко решен, если бы император согласился отдать за него сестру. И,

вроде бы даже, Александр склонялся к мысли о том, чтобы выдать сестру за своего подданного – ведь тогда Екатерина не покинула бы Россию, а брак ее с представителем европейской династии грозил императору навечной разлукой с любимой сестрой!

Но тут возникло осложнение политического характера: после неудачного участия в двух антифранцузских коалициях и заключения в 1805 году Тильзитского мира с Францией, для России весьма невыгодного, император Александр на время утратил свою популярность в обществе. Шведский посол граф Стедингст писал, что среди военных поговаривали о том, чтобы свергнуть Александра, как ранее свергли Павла, и даже о том, «что вся мужская линия должна быть исключена и… на трон следует возвести княгиню Екатерину». Эти разговоры наверняка достигли ушей Александра, и наверняка он понял, что при таких обстоятельствах брак великой княжны с величайшим из российских полководцев и впрямь может привести к военному перевороту. К тому же Екатерина была по-настоящему влюблена в Багратиона и Александр ревновал. Посему он запретил ей даже думать о браке с любовником, а Багратиону – о разводе с блудливой женой, и отослал генерала в Финляндию: подальше от сестры, которой, пожалуй, хватило бы решимости тайно обвенчаться с любимым человеком!

Александр хорошо знал Екатерину: разлученная с Багратионом, она сначала впала в ярость, потом в тоску, а потом утешилась… в объятиях князя Михаила Долгорукого. Который стал вторым русским претендентом на ее руку. Впрочем, брак великой княжны с русским князем скорее создал бы скандальный прецедент, нежели ее брак с потомком грузинских царей. Долгорукого тоже отослали с глаз долой.

Чувства Екатерины к Багратиону, впрочем, не окончательно угасли, несмотря даже на разлуку и нового любовника. Они продолжали переписываться, и, по всей вероятности, письма великой княжны были достаточно откровенны и содержали некие компрометирующие ее факты. Об этом говорит та паника, которая охватила Екатерину Павловну, когда 12 сентября 1812 года ее бывший возлюбленный умер от полученных при Бородинском сражении ран в Симе, имении князей Голицыных. Она к тому времени была уже замужем, жила в Твери, но едва узнав о кончине Багратиона, принялась слать брату записки с паническими просьбами: найти среди вещей покойного генерала шкатулку с ее письмами! В тот момент Екатерина Павловна даже не скорбела о своей утрате – скорбь пришла потом… Она больше всего боялась, что ее письма к Багратиону попадут в чужие руки. Вот ее письмо от 13 сентября: «…Багратион умер вчера ночью;

вестник видел его смерть и один из его адъютантов сказал, что он отошел в мир иной, итак, это правда. Вы помните о моих отношениях с ним и то, что я Вам сообщила о том, что у него в руках остались документы, которые могли бы жестоко меня скомпрометировать, если бы попали к посторонним. Он клялся мне сто раз, что уничтожил их, но я знаю его характер, и это позволяет мне сомневаться в истинности его слов. Мне бесконечно важно (и Вам тоже, смею заметить), чтобы эти акты остались неизвестными. Прошу Вас: прикажите наложить печать на эти бумаги и передать их Вам и позвольте мне их просмотреть, чтобы отобрать те из них, что принадлежат мне. Они должны быть или у князя Салагова, который, я уверена, был их хранителем, не знающим, что ему было доверено, в прошлых кампаниях, или у него самого (имеется в виду Багратион. – *Ред.*). Если Вы найдете, что это нельзя сделать таким образом или что есть какой-то другой способ их забрать, сделайте это, и немедленно, дело не терпит отлагательств; ради бога, пусть никто не узнает об этом, это может меня ужасно скомпрометировать. Простите, мой дорогой друг, что в такой момент я Вам докучаю, с такой несерьезной просьбой».

Сентябрь 1812 года. Французская армия стоит в Москве и, по слухам, собирается идти на Петербург. Казалось бы, у императора есть более важные заботы, чем искать письма своей легкомысленной сестры… Однако он любил Екатерину безмерно. И вот он пишет ей в ответ: «…То, что Вы мне сообщили в Вашем письме от 13, так тронуло меня, что я тут же отложил свои дела. В тот же момент я приказал найти Салагова. Он был болен, в постели, и смог приехать ко мне лишь на следующий день, 22. Он мне сказал, что было время, когда он был хранителем бумаг усопшего, но что потом по его приказу он отдал их некоему Чекуанову, грузину, служащему псарного двора. Он предложил себя в качестве посланника к этому субъекту, утверждая, что знает шкатулку, в которой должны находиться наиболее интересные бумаги покойного. Вчера, 23, он дал мне знать, что нашел некоторое количество бумаг покойного у этого субъекта, что он провел остаток дня, опечатывая их, но что там были только текущие служебные бумаги и что маленькую шкатулку усопший забрал в свой последний приезд сюда. Он прибавил, что самое верное средство вернуть ее обратно, это послать означенного Чекуанова с фельдъегерем в Симу, где он (Багратион. – *Ред.*) умер, чтобы забрать ее, и что это единственный человек, который может ее опознать. И даже, что он боится, как бы семья Бориса Голицына не наложила на нее руку…»

Далее Александр подробно и обстоятельно описывает, как искали шкатулку с письмами и какие еще имеются планы по продолжению поисков…

Следующее письмо Екатерины Павловны брату: «…У меня нет слов, чтобы сказать Вам как я тронута деликатностью, которую вы проявили, исполняя мою просьбу по поводу бумаг Б. Вы превзошли все мои ожидания и я за это очень признательна, только я сожалею, что мои старые ошибки доставили вам столько затруднений».

Ответное письмо императора Александра I: «…В то время как я послал фельдъегеря с этим грузином, Салагов принес мне шесть громадных кип и уверил меня, что это служебные бумаги, не имеющие никакой ценности и что они были доверены усопшим этому грузину. Поверив ему на слово, я их не коснулся, но, видя свои бесплодные поиски среди бумаг, привезенных фельдъегерем, я принялся просматривать эти шесть кип и после того, как я занимался этим шесть дней кряду, я увидел, что Салагов прав и что там нет абсолютно ничего… Салагов сказал мне, что в бытность его в Молдавской армии, он сам видел как тот (Багратион. – *Ред.*) сжег некоторое количество бумаг и вследствие этого все, что не нашли, должно быть, было сожжено. Таково, друг мой, состояние дел…»

В конце концов, письма нашли и уничтожили. И только тогда Екатерина Павловна принялась оплакивать бывшего возлюбленного.

* * *

На самом деле история с Багратионом растянулась на много лет, и при полном ее пересказе мы вынуждены нарушать последовательность событий.

В 1807 году, вскоре после того как Екатерину Павловну разлучили с Михаилом Долгоруким, ее матушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, нашла ей подходящего со своей точки зрения жениха: ни много ни мало овдовевшего австрийского императора Франца I.

Того самого, который первым браком был женат на сестре Марии Федоровне, прелестной принцессе Елизавете Вюртембергской, а вторым – на жестокосердной и завистливой Марии-Терезии Неаполитанской; того самого, чей младший брат, палатин венгерский Иосиф, был женат на великой княжне Александре Павловне. В общем, Франц I был связан с Марией Федоровной уже двойным родством. Но оба брака – императора с

принцессой Елизаветой и его брата с великой княжной Александрой Павловной – были не слишком счастливыми для их жен: обе они умерли от первых же родов. Казалось бы, столь печальная закономерность, а также недобрая память о том, как скверно обошлись в Вене с Александрой Павловной, должны были внушить Марии Федоровне отвращение к самой идее отдать за Франца любимую дочь. Но вдовствующая императрица уж очень хотела увидеть великую княжну Екатерину Павловну австрийской императрицей! Да и сама Екатерина Павловна проявила тщеславие и властолюбие, приложив все усилия к тому, чтобы заполучить в мужья человека, который был на двадцать лет ее старше, вдобавок на редкость несимпатичен.

Император Александр сразу и решительно выступил против этого брака. Он писал и матери, и сестре возмущенные письма, подробно расписывая недостатки императора Франца – отвратительного внешне, скупого, неряшливого… Князь Александр Борисович Куракин, русский посол в Вене, писал Марии Федоровне из Тильзита: «Государь все-таки думает, что личность императора Франца не может понравиться и быть под пару великой княжне Екатерине. Государь описывает его как некрасивого, плешивого, тщедушного, без воли, лишенного всякой энергии духа и расслабленного телом и умом от всех тех несчастий, которые он испытал; трусливого до такой степени, что он боится ездить верхом в галоп и приказывает вести свою лошадь на поводу! Я не удержался при этом от смеха и воскликнул, что это вовсе не похоже на качества великой княжны: она обладает умом и духом, соответствующими ее роду, имеет силу воли; она создана не для тесного круга; робость совершенно ей несвойственна; смелость и совершенство, с которыми она ездит верхом, способны вызвать зависть даже в мужчинах!»

Однако Екатерина пыталась противостоять брату и добиться его согласия на брак с императором Францем. «Вы говорите, что ему сорок лет, – беда невелика. Вы говорите, что это жалкий муж для меня, – согласна. Но мне кажется, что царствующие особы… делятся на две категории – на людей порядочных, но ограниченных, умных, но отвратительных. Сделать выбор, кажется, нетрудно: первые, конечно, предпочтительнее. Я прекрасно понимаю, что найду в нем не Адониса, а просто порядочного человека, этого достаточно для семейного счастья!» – писала она Александру.

И мать ее поддержала, хотя очень не хотела отпускать. Мария Федоровна писала Александру: «Счастие, радость и спокойствие моей жизни зависят от присутствия Като. Она – мое дитя, мой друг, моя подруга, отрада моих дней: мое личное счастье

рушится, если она уйдет от меня, но так как она думает, что найдет счастье свое в этом браке, и так как я надеюсь тоже на это, я забываю себя и буду думать только о Като…»

Тогда же, в мае 1807 года, вдовствующая императрица обратилась за советом к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию: «Как по приключившейся императрицы австрийской кончине легко статься может, что супруг ея возымеет мысль просить себе в супружество дочь мою Екатерину Павловну, то желательно мне предварительно быть совершенно удостоверенной, могут ли бывшие, но смертью разрушенные союзы сего государя, который имел в первое супружество родную мою сестру, и коего брат, эрцгерцог Иосиф, был женат на моей дочери, препятствовать сему новому браку?»

Митрополит Амвросий дал Марии Федоровне следующий ответ: «…суждение Вашего величества о возможности вступления Ея императорскому величеству великой княжне Екатерине Павловне в союз супружества с Его величеством императором Францом нахожу я основательным и самим правилам Нашего исповедания непредрассудительным, а потому присоединяю ко оному совершенное мое согласие…»

Но император был тверд и непреклонен.

Князь Куракин писал Марии Федоровне: «Государь не согласен со мной и в том, что этот брак может быть для нас полезен и в политическом отношении… Он утверждает, что Ее высочество его сестра и Россия ничего от этого не выиграют и что наоборот – отношения, которые начнутся тогда между Россией и Австрией, будут мешать нам как следует выражать наше неудовольствие Австрией всякий раз, когда она поступит дурно, а так она часто поступала. Он утверждает еще, что великая княжна испытает только скуку и раскаяние, соединившись с человеком, столь ничтожным физически и морально».

Сестре же Александр написал с присущей их переписке резкой откровенностью: «Я хочу, чтобы Вам вынесли приговор, и только один раз оставили с этим типом на сутки! Если желание стать его женой у Вас не пройдет, то я несказанно удивлюсь!»

В общем, не суждено было Екатерине Павловне примерить австрийскую корону. Третьей женой императора Франца I стала принцесса Мария Людовика Модена-Эсте.

* * *

К сестре российского императора сватались в ту пору многие: два эрцгерцога австрийских, Фердинанд и Иоанн, принц Генрих

Прусский и наследный принц Баварский, но всех их Александр счел недостойными…

Достойного претендента император увидел в своем противнике и – на очень краткий период – друге: в Наполеоне Бонапарте, императоре Франции. Наполеон уже принял решение развестись с любимой, но бесплодной Жозефиной, и подыскивал себе молодую и здоровую жену среди дочерей и сестер европейских правителей. А породниться с русским императором – это было бы для Бонапарта и вовсе пределом мечтаний! Это объединило бы две могущественнейшие империи в одну несокрушимую силу, которая могла править Европой и Азией. Впрочем, до настоящего сватовства дело не дошло. Наполеон только намекнул о своих намерениях Александру, а российский император сообщил об этом матери и сестре… И встретил от Екатерины Павловны отпор даже более яростный, чем сам он дал ей, когда она мечтала выйти замуж за австрийского императора.

Графиня Шуазель-Гуфье в своих «Воспоминаниях» писала: «Александр был не прочь согласиться на этот брак, но встретил такую сильную оппозицию со стороны императрицы Марии Федоровны и самой молодой великой княжны, что должен был им уступить. Обе они были женщины с характером… Наполеону пришлось первый раз со времени своего возвышения получить отказ. Это была для него первая измена Фортуны».

Фрейлина Мария Муханова в своих записках утверждает следующее: «Император Наполеон сватался за великую княжну Екатерину Павловну… Великая Княжна сказала моему отцу: „я скорее пойду замуж за последнего русскаго истопника, чем за этого корсиканца“…»

Впрочем, словам фрейлины вряд ли можно полностью доверять из-за их неточности: в конце концов, Наполеон ведь не сватался за Екатерину Павловну, а только сообщил о своем интересе к ее персоне!

Но вот воспоминания Роксаны Эдлинг, особы разумной и надежной: «После Тильзитского мира Наполеон предложил бы ей свою руку, если бы его сколько-нибудь обнадежили в успехе такого предложения. Государь догадался о том и предупредил сестру; но она была слишком горда, чтобы стать на место Жозефины, поспешила заявить, что ее намерение никогда не покидать родины, и тотчас же приняла предложение герцога Ольденбургского, к которому до того времени относилась с пренебрежением. Этот брак всех удивил. По родству он противоречил уставам церкви, так как они были между собою двоюродные. Наружность герцога не представляла ничего привлекательного, но он был честный человек в полном смысле

слова. Екатерина Павловна имела благоразумие удовольствоваться им, и по природной своей живости вскоре привязалась к мужу со всем пылом страсти…»

Екатерина Павловна могла бы стать женой Наполеона и императрицей Франции, но вышла замуж за своего двоюродного брата Георга-Фридриха-Петра Ольденбургского. Он был младшим сыном герцога Петра Ольденбургского и принцессы Фредерики Вюртембергской – еще одной родной сестры Марии Федоровны. Не имея ни земли, ни надежды на корону, он служил в России, как служили многие другие «бедные родственники» царствующих особ. Для Георга Ольденбургского этот брак был невозможной удачей. Для Екатерины Павловны – мезальянсом. Однако же мезальянс позволял избежать сразу двух несчастий: сватовства со стороны Наполеона и необходимости после замужества покинуть Россию… И посему Екатерина Павловна пошла на эту жертву, а мать радостно ее поддержала.

* * *

Принц Георг Ольденбургский во всех отношениях был не парой для блистательной Екатерины Павловны. Его внешнюю непривлекательность отмечали самые разные люди. Императрица Елизавета Алексеевна писала о женихе ненавистной золовки: «Его внешность малоприятна, при первом впечатлении даже чрезвычайно неприятна, хотя русский мундир его несколько приукрасил; зато все очень хвалят его характер. Он образован, имеет собственное мнение, и, кроме того, между ними обоими явная симпатия, что является решающим в браке. Я бы никогда не поверила, что он может возбудить любовь, но великая княжна уверяет, что как супруг он нравится ей, а внешность не играет для нее никакой роли. Я нахожу это очень разумным». Французский посланник граф де Коленкур сообщал: «Принц мал ростом, некрасив, худ, весь в прыщах и говорит невнятно».

Впрочем, были и благоприятные отзывы о женихе. «Происхождение жениха самое почетное, ибо он, как и император, принадлежит к Голштинскому дому, – писал граф А. В. Кочубей. – Он показался мне исполненным здравого смысла и познаний. Он уже обратил на себя внимание в качестве ревельского генерал-губернатора, он всеми силами старается усвоить русский язык… главная его забота – снискать благорасположение своей новой родины». Сардинский посланник Жозеф де Местр так отзывался о предстоящем браке: «Он неравный, но тем не менее, благоразумный и достойный Великой княгини. Во-первых, всякая

принцесса, семейство которой пользуется страшной дружбой Наполеона, поступает весьма дельно, выходя замуж даже несколько скромнее, чем имела бы право ожидать… ее желание заключается в том, чтобы не оставлять своей семьи и милой ей России, ибо принц поселяется здесь, и можно представить, какая блестящая судьба ожидает его!..»

Но даже после обручения в январе 1809 года большинство придворных не верили в то, что этот брак и впрямь состоится. Однако уже 18 апреля Георг Ольденбургский был обвенчан с великой княжной Екатериной Павловной в большой церкви Зимнего дворца. В приданое она получила – согласно донесению графа де Коленкура – «бриллианты и посуду на 2 млн. 600 тыс. франков». Граф сообщал: «Она будет получать ренту ежегодно 200 тыс. рублей из обычного миллиона, а ее супругу будут выплачивать 100 тысяч. Им дается полностью меблированный дворец в Петербурге».

Лето молодые супруги провели в Павловске, а в конце августа должны были отбыть в Тверь, где отныне им предстояло жить. Георг Ольденбургский был назначен генерал-губернатором трех лучших российских провинций – Тверской, Ярославской и Новгородской, к тому же ему было поручено управлять путями сообщения. Историк Альбина Данилова пишет: «Человек долга и чести, принц Георг сразу после назначения стал с рвением исполнять свои многочисленные и непростые обязанности генерал-губернатора и главного директора Ведомства путей сообщения. Он приступил к работе, еще живя в Петербурге…»

«От водворения царской фамилии Тверь как бы возродилась новою жизнью. Повсюду гремели днем и ночью экипажи… Все главные улицы и набережные освещались фонарями, чего прежде не было. Торговля быстро развивалась, шли разные увеселения, иллюминации, фейерверки по праздникам и в торжественные дни, перед Дворцом всегда играла музыка… Город встрепенулся, будто от сна, всюду появилось движение. Великая княгиня часто прогуливалась по городу в карете, в большом открытом экипаже цугом в шесть лошадей. Она была красавица в полном значении слова, необыкновенно добра, ангельски ко всем ласкова и приветлива. Народ любил ее до безумия, а как скоро где она появлялась, все бежали за ее экипажем с криком „ура!“… Тверь при великой княгине Екатерине Павловне, как заброшенная сиротка, попавшая в хорошие руки, росла, цвела и хорошела не по дням, а по часам», – с восхищением отмечал граф А. В. Кочубей.

«Тихая и однообразная жизнь губернского города с прибытием в Тверь Великой княгини и ее двора совершенно

изменилась. Тверь сделалась не только попутным между Петербургом и Москвою местом, в котором останавливались для свидания с Великой княгиней все особы императорской фамилии и величайшие сановники, но она… была некоторое время центром, куда стремились замечательные по талантам своим и просвещению люди, находившие всегда сочувствие и покровительство Великой княгини», – вспоминал адъютант принца и камер-юнкер великой княгини А. П. Оболенский.

Большой известностью пользовались литературные вечера Екатерины Павловны, на которых «…не один раз Николай Михайлович Карамзин… читал свою „Историю“, тогда еще в рукописи. Боялись даже изъявлением удовольствия прервать чтение, равно искусное и увлекательное слушали с вниманием». Сам Карамзин писал брату: «Недавно я был в Твери и осыпан новыми знаками милости со стороны Великой княгини. Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней в Твери и всякий день были у нее. Она хотела даже, чтобы в другой раз мы приезжали туда с детьми…»

Поскольку император Александр частенько навещал свою любимую сестру, тверской двор стал играть значительную роль в политике, здесь обсуждались все государственные дела, и Екатерина Павловна старалась быть в курсе всех политических событий, всего, что происходило в Петербурге и в Европе. От секретаря принца Ф. П. Лубяновского она узнавала содержание газет, которых сама не читала из брезгливого отношения к скверной, пачкающейся типографской краске.

Секретарь оставил яркие воспоминания о Екатерине Павловне в тверской период ее жизни и о тех нежных и душевных отношениях, которые установились между принцем и принцессой Ольденбургскими. Несмотря на то, что брак был мезальянсом и невзрачный супруг не выглядел подходящей парой великолепной Екатерине Павловне, все же она смогла оценить и полюбить его и, согласно общему мнению, была совершенно счастлива в браке!

«Богатый, возвышенный и быстрый, блистательный и резкий ум изливался из уст Ее высочества с волшебною силою приятности в речи. С большим любопытством она расспрашивала и желала иметь подробнейшие сведения о лицах, но не прошедшего века, а современных; не жаловала скромных и почтительных моих отзывов; не верила им; любила сама говорить о всем; из бывших тогда на сцене лиц, начиная с самой высшей ступени, никого не помню, мимо кого Ее высочество изволили бы молча пройти; а заключения ее всегда были кратки, полны, решительны, часто нещадны, – вспоминал Лубяновский. – Когда супруг ее, Принц Георг, уставал от обилия бумаг и дел, и

приходил в раздраженное состояние духа, он, бывало, кричал громко в соседнюю комнату (личный кабинет Екатерины Павловны): „Катенька!“ Она неизменно отвечала ему: „Я здесь, Жорж“ и своим приветливым и веселым голосом снимала и напряжение и раздражение мужа. Он успокаивался, и работа продолжалась».

Семейное благополучие Екатерины Павловны и Георга Ольденбургского отмечал и Карамзин: «Полубогиня Тверская все так же любезна. Герцог Ольденбургский есть умный и весьма приятный человек: я рад его знакомству. Они живут здесь в совершенном счастии семейственном».

28 августа 1810 года Екатерина Павловна родила своего первенца – принца Павла-Фридриха-Александра. Император Александр готов был дать ребенку титул великого князя императорского дома, если бы младенца крестили по православному обряду, но принц Ольденбургский настоял на том, чтобы его наследник был крещен в лютеранскую веру.

Второго сына, Константина-Фридриха-Петра, Екатерина Павловна родила в середине августа 1812 года, в самый разгар наполеоновского нашествия…

* * *

Позже она скажет: «Больше всего сожалею я, что не была мужчиной в 1812 году!»

Во время войны Екатерина Павловна держалась мужественнее и разумнее, чем многие мужчины. Будучи на последних месяцах беременности, она вела напряженную переписку с братом, обсуждая с ним – ни много ни мало! – ход войны, и морально поддерживала потрясенного происходящим Александра, пророчествуя, что поход на Россию станет роковым для Наполеона.

Московскому генерал-губернатору Ф. В. Ростопчину она пишет о необходимости создания ополчения от всех губерний. Посылая к нему князя В. П. Оболенского, Екатерина Павловна дала ему «памятную записку», в которой расписала, о чем и как говорить с Ростопчиным: «Передайте ему, что на нем лежит обязанность воспламенить патриотизм московского дворянства, первого в государстве как по своим материальным средствам, так и по тому уважению, каким оно пользуется в Москве. Графу стоит только явиться в собрание дворянства или на какой-нибудь его съезд, стоит только выяснить, какая опасность грозит отечеству и в какой мере начатая война есть война народная, чтобы

воодушевить московское дворянство, а из Москвы, где так много дворян из всех губерний, это патриотическое движение охватит всю Россию. Скажите графу, что Вы, так же как и я, уверены, что не найдется русского, которому было бы не стыдно не принести все свое усердие и всего себя в жертву отечеству; что Вы, как дворянин, считаете для каждой губернии возможным выставить по одному полку в тысячу человек и что Вы вместе со мною думаете, что дворянство должно взять на себя обязанность продовольствоваться и содержать эти военные части в течение всей войны, а война тем скорее кончится, чем с большим усердием ее поведут».

Екатерина Павловна вооружила и до конца войны содержала на свои средства егерский батальон, образованный из крепостных крестьян. Екатерининские ратники участвовали во всех значительных сражениях с Наполеоном. Из 1000 человек возвратились только 417, которым пообещали пожизненное освобождение от выплаты оброка, а семьи погибших были полностью обеспечены. Когда в 1814 году Екатерина Павловна распускала свой батальон, она сказала: «Благодарю вас, ребята, за труды ваши. Вы служили Отечеству со славою; теперь идите обратно в семьи ваши и обучайте детей, как должно кровь проливать за Веру и Царя. Мне лестно, что вы носили имя мое. Я вас не забуду…»

Помимо егерского батальона в августе 1812 года Екатерина Павловна формировала в Ярославле ополчение, которое состояло из одного конного и нескольких пехотных полков под командованием флигель-адъютанта князя Оболенского. Она организовывала госпитали, сама проверяла положение раненых и пленных. «Простите за лаконизм, – писала она своим корреспондентам, – но у меня нет ни минуты».

После родов она позволила себе только недельный отдых. В результате такого отношения к своему здоровью Екатерина Павловна расхворалась, ее мучили слабость и частые обмороки, но она не желала следовать советам докторов и лежать в постели, она «лечилась», путешествуя по вверенным ее супругу губерниям и досматривая за организацией ополчения и госпиталей.

* * *

Екатерина Павловна смогла превозмочь скорбь по погибшему возлюбленному Петру Ивановичу Багратиону: какая-то частица ее сердца все еще принадлежала отважному генералу, однако она смогла пережить эту утрату. А вот неожиданная смерть мужа

подкосила ее… Принц Георг заразился тифом во время очередного посещения больных в госпиталях Твери, проболел несколько дней и скончался в буквальном смысле на руках жены в ночь с 14 на 15 декабря 1812 года. Екатерина Павловна, не доверяя докторам, сама пыталась выхаживать мужа. Но спасти его было невозможно.

Принц Ольденбургский был похоронен 10 января 1813 года в лютеранской церкви на Невском проспекте Санкт-Петербурга. В 1826 году его прах был перенесен в фамильную усыпальницу в городе Ольденбурге. «Устоит ли ее молодость и здоровье в этой буре? Слышно, что она никого не хочет видеть в своем горьком отчаянии: так и быть должно. Одно время бывает утешителем», – писал Николай Михайлович Карамзин. Он лично приехал к Екатерине Павловне и пытался поддержать ее в горе. После этого посещения он писал своему другу: «Более, нежели благодарность, привязывает меня к Великой княгине. Люблю ее всею душою; но ей не до меня. Слышно, что она не хочет никого видеть и живет только горестию, изнуряя свое здоровье. Это очень тревожит нас. Мы богаты прискорбиями».

Однако деятельный характер Екатерины Павловны не дал ей замкнуться в своем несчастье. Она решила, что справится со своей бедой, и для этого отправилась в путешествие по освобожденной Европе, навестила сестру Марию Павловну Саксен-Веймарскую и пересекла Ла-Манш, чтобы побывать в Англии, где – несмотря на печаль и скромный траурный наряд – произвела просто ошеломляющее впечатление.

Жан-Батист Изабе. Портрет великой княгини и герцогини Ольденбургской Екатерины Павловны (1815 г.)

Супруга российского посла в Лондоне, Дарья Христофоровна Ливен, вспоминала: «Великая княгиня отличалась непомерным властолюбием и самомнением, которое, быть может, превосходило ее заслуги. Мне никогда не приходилось видеть женщины, которая бы до такой степени была одержима потребностью передвигаться, действовать, появляться и затмевать других. Она отличалась обворожительностью манер и взгляда, твердой поступью, гордым и при этом милостивым видом. В чертах ее лица было мало классического, но зато цвет ее лица был ослепительным, глаза блестели, а волосы были превосходны. Во всей ее фигуре было что-то поразительное и вместе с тем очаровательное. Воспитанная в самых высоких сферах, она прекрасно умела соблюдать приличия и обладала возвышенными чувствами. Выражалась она красиво, не меняя никогда своего повелительного тона. То был смелый и блестящий ум, твердый и повелительный характер. Она поразила англичан… даже больше, чем понравилась им».

Прекрасной молодой вдове, сестре императора-победителя, предложили руку и сердце сразу два сына английского короля Георга III – принц Уильям Кларенс и принц Август Суссекский. Но Екатерину Павловну так оскорбило это нарушение ее траура, что она запретила принцам бывать в своей лондонской резиденции.

Тем не менее именно в Лондоне она познакомилась со своим двоюродным братом, наследным принцем Вильгельмом Вюртембергским. С человеком, который стал ее последней и величайшей любовью…

* * *

Ирония судьбы: еще в 1808 году принца Вильгельма Вюртембергского рассматривали в качестве возможного жениха для великой княжны Екатерины Павловны. И отвергли его кандидатуру как недостойную, поскольку принц Вильгельм был далеко не образцом нравственности. Князь Куракин писал тогда Марии Федоровне: «Принц Вильгельм имеет красивую наружность, очень умен и любезен, но сердца его не хвалят; он не отличается свежестью чувств, и нравы его всегда были нравами века. Его связь с девицей Абель, от которой, как говорят, у него двое детей, не есть единственная, которую за ним знают…»

И вот, спустя четыре года, они встретились лично: Екатерина Павловна – скорбящая вдова, принц Вильгельм – несчастливо женатый на Каролине Баварской… Встретились – и между двумя представителями королевских семейств вспыхнула бурная страсть, которую они пожелали узаконить. Принц Вильгельм начал бракоразводный процесс. Екатерине Павловне пришлось немало потрудиться, чтобы уговорить мать и брата хотя бы рассмотреть кандидатуру Вильгельма в качестве ее будущего мужа. Они не желали даже говорить о нем, покуда брак Вильгельма и Каролины не будет признан недействительным… Но, в конце концов, принц получил свободу, а Екатерина Павловна так упорствовала в своем намерении выйти за него замуж, что император Александр I и Мария Федоровна сдались. 24 января 1816 года состоялось бракосочетание.

Екатерина Павловна позаботилась о своих сыновьях от первого брака: она выделила им гораздо больше, чем того требовал закон, ибо хотела, чтобы малолетние принцы Ольденбургские были прекрасно обеспечены на случай, если окончательно осиротеют… Возможно, Екатерина Павловна наконец осознала, что мучившие ее обмороки и судорожные припадки все же являются симптомом серьезной болезни, от которой не излечат никакие путешествия. Или же она просто проявила материнскую заботу и благоразумие? В любом случае – супруг поддержал ее во всех решениях. В том числе и в том, что шестилетний принц Александр и четырехлетний принц Петр должны воспитываться под надзором своей матери, расти рядом с

ней, в Штутгарте, который стал ее новой родиной.

Город практически лежал в руинах. Для новобрачных едва успели отремонтировать наполовину сгоревший герцогский дворец. Из России привезли приданое Екатерины Павловны – и, как водится, оно поразило своей роскошью даже представителей королевского семейства: такого в скромном Вюртемберге никогда не видели. Всю свою природную активность Екатерина Павловна направила на то, чтобы восстановить Штутгарт и помочь вюртембержцам наладить жизнь. Она щедро раздавала свои личные средства, вытаскивая страну из послевоенной разрухи. Вместе с мужем они основали Общество для оказания помощи нуждающимся, причем Екатерина, уверенная в том, что «доставлять работу важнее, нежели подавать милостыню», основала по всей стране «дома трудолюбия», которые «доставляли бы всякому бедному средства не только пропитать себя, не оскорбляя чести своей, но и быть полезным обществу трудами своими».

18 октября 1816 года умер ее свекор. В тот же день Екатерина Павловна родила дочь Марию-Фредерику, названную так в честь деда и бабушки – Марии Федоровны и новопреставившегося Фридриха I. То, что день скорби стал одновременно и днем радости, Вильгельм и Екатерина сочли добрым предзнаменованием для своего будущего царствования.

Екатерина Павловна стала королевой Вюртембергской и воспользовалась своим новым положением, чтобы воплотить давнюю мечту: она организовала Женское благотворительное общество и Женский институт. Она всегда считала, что женщины могут и должны принимать более активное участие в жизни общества, и теперь собиралась предоставить эту возможность своим подданным. Она основала вспомогательные кассы для бедноты и сама стала первой вкладчицей. Она начала строительство большой больницы в Штутгарте – больница эта существует до сих пор… Женский институт сделался ее любимым детищем, и Екатерина Павловна часто навещала его преподавателей и воспитанниц в те несколько месяцев, которые прошли с основания этого заведения – и до ее неожиданной, скоропостижной кончины…

5 июня 1818 года Екатерина Павловна родила свою вторую дочь, принцессу Софию-Фредерику. Как всегда, легко оправилась от родов, была деятельна и активна. Она даже чувствовала себя в последний год жизни лучше, и обмороки ее сделались реже! Она с удовольствием приняла у себя в гостях мать, и Мария Федоровна вернулась в Россию успокоенная, увидев дочь счастливой, цветущей и бодрой. Екатерина Павловна строила

планы основать в Штутгарте большую картинную галерею по образу Эрмитажа, переписывалась с коллекционерами на предмет покупки у них картин и скульптур. По-прежнему вела активную переписку с братом, матерью и Николаем Ивановичем Карамзиным. Много читала, и огромное удовольствие доставила ей полученная от старого друга «История государства Российского». Королева Вюртембергская трогательно благодарила за подарок и писала Карамзину: «Николай Михайлович! Последняя почта доставила мне Российскую Вашу Историю; старый мой знакомый мною был с большим удовольствием принят; каждый день я читаю, учусь и мысленно благодарю автора за его труды, – приятеля благодарю за то, что он обо мне вспомнил. Король поручил мне вам сказать, что он с нетерпением ожидает перевода, дабы познакомиться с моими предками. Живите счастливо, трудитесь для потомства, но не забывайте старых своих друзей, в числе которых всегда прошу считать Вам преданную Екатерину».

Однако что-то тяготило ее душу. Приближенные вспоминали, что Екатерина Павловна не раз говорила: «Я должна дорожить временем. Конец может наступить в любой момент, и потому мне не следует откладывать то, что еще можно сделать!»

Несчастье произошло в конце декабря 1818 года. И причиной его стала страстная любовь, которую Екатерина Павловна питала к Вильгельму Вюртембергскому…

Вильгельм любил свою красавицу-жену. Любил искренне, нежно, почтительно, но – прав был Куракин! – «нравы его всегда были нравами века»… Хранить верность он не мог и не считал нужным, для него нормой жизни было – иметь нескольких хорошеньких любовниц и время от времени их менять, чтобы придать остроты и свежести чувствам. Но Екатерина Павловна не готова была принять такой образ жизни. И, едва она узнала о том, что Вильгельм в своем охотничьем замке устроил любовное гнездышко для некой фрейлины, в ней взыграла отцовская вспыльчивость. Екатерина Павловна немедленно потребовала оседлать коня и, невзирая на непогоду, поскакала к замку, дабы лично проверить, действительно муж ей изменяет или он стал жертвой клеветы. Правда, королевский секретарь опередил ее и предупредил Вильгельма. И в Штутгарт королева вернулась успокоенная: в замке она застала одного только мужа и никаких следов фрейлины. Однако тот вечер был холодный и промозглый, и Екатерина Павловна насквозь промокла: настолько, что кожаные сапоги пришлось срезать с ее ног – снять их было невозможно. На следующий день она слегла с «ревматической лихорадкой», которую врачи определили как неопасную. Еще

через день обнаружила на подбородке нарыв – а ведь она всегда так гордилась чистотой и белизной своей кожи! Королева удалила нарыв, но, видимо, неосторожно. Через несколько дней лицо ее покрылось яркой сыпью, поднялась температура, Екатерина Павловна впала в беспамятство… Это было прогрессирующее рожистое воспаление. Спасти королеву при уровне медицины начала XIX века оказалось невозможно. Она скончалась, не приходя в сознание, утром 9 января 1819 года на тридцать первом году жизни.

Для мужа и подданных ее смерть стала настоящим шоком. Поэт Василий Андреевич Жуковский, со слов свидетелей, описывал происходившее в Штутгарте после кончины королевы так: «Король с каким-то упрямством отчаяния долго не хотел и не мог верить своей утрате: долго сидел он над бездыханным телом своей супруги, сжавши в руках своих охладевшую руку ее, и ждал, когда она откроет глаза. Окруженный ее детьми, он шел за ее гробом».

* * *

Весть о кончине Екатерины Павловны в Россию пришла в середине января.

Супруга младшего брата Екатерины Павловны, великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), описала то, что произошло в Петербурге, когда семья узнала о постигшей всех утрате: «Уже делались предположения насчет празднеств, но вдруг известие о кончине королевы Вюртембергской повергло все семейство в горе и траур. Никогда я не забуду той ужасной минуты, когда императору Александру пришлось объявить об этой жестокой потере матери, возвращавшейся с прогулки, ничего не подозревавшей и немало удивленной появлением у себя императора в неурочное время. Мы были в соседней комнате и могли слышать печальный разговор; императрица и не хотела и не могла понять, что Екатерина Павловна умерла, и только восклицала хриплым голосом: „Като не умерла, нет, нет, она не умерла!“ Понятно, что императрице трудно было освоиться с мыслью, что красивой и блестящей Екатерины Павловны, с которой она еще недавно рассталась в Германии, уже не было на свете…»

Василий Андреевич Жуковский, будучи одним из воспитателей царских детей, а потому – приближенным к семье, с большим чувством описал переживания Марии Федоровны: «Весь Петербург был поражен ужасной вестью, а сердце матери было

спокойно: его еще наполняла свежая радость недавнего свидания… Наконец общая печаль и несколько слов, приготовляющих к узнанию неизбежного, пробудили в нем тревогу: оно уже открывалось для принятия скорби, но случай – жестокая игра судьбы – снова его ободрил: пришло письмо из Штутгарта, писанное королевой, можно сказать, за минуту до разлуки ее с жизнью, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы умереть во второй раз для нее и живее разорвать ее душу после мгновенной мучительно-обманчивой радости». Преисполненный сочувствия и сопереживания, Жуковский написал трогательную элегию «На смерть Ее Величества королевы Вюртембергской»:

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что здесь твоя обитель;
Навек своим тебя мы нарекли…
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете…
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: было!

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен усталых
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,
Как званый друг, желанная, идет…
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычный.

Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых вежд

И Счастие младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд…
Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно…
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость – Весть стучится гробовая…
О! подожди сей праг переступать;
Пока ты здесь – ничто не умирало;
Переступи – и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,
И ты спешишь с надеждой на свиданье…
Ах! удались от входа сих палат:
Отложено навек торжествованье;
Счастливцы там тебя не угостят:
Ты посетишь обитель уж пустую…
Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;
Уж прорвалась к убежищу царицы,
Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет все, печалью бледны лицы…
Но мертвая для матери жива;
В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастие, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,

Спеша от нас: я вечно! говоришь;
И к милому, уж бывшему на свете,
Нас прелестью нежнейшею манишь?..
Увы! в тот час, как матерь ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной…
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь?
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима…
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полупути ушел он от земного,
От бытия прелестно-молодого.

И вот – сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:
Развенчано величие чела:
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту все, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,

В последнее земное провожанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей прости свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший,
Едва зарю успел ты перецвесть.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечесть.
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны упованья…

Но мы… смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни Творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной…
В последний час слепцу все будет ясно.

Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бренных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, все руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.

Здесь радости – не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный – Страданье:
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь – страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!

Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда… тогда с сей светлой вышины
Вся промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей Бога.

О! матери печаль непостижима,
Смиряются все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом разделима…
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о матерь, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалека,
Из той страны, куда все манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И в горнее унынием влекома,
Не верою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пенье
И вышних сил мы чувствуем нисход;
Когда в алтарь на жертвосовершенье
Сосуд Любви сияющий грядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет:
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным, —

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало…
В божественном святилище она,
Незрима нам, но видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый символ надежд и утешенья!
Мы все стоим у таинственных врат:
Опущена завеса провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
«Мужайтеся: душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!»

В Вюртемберге королеву оплакивали не только ее муж и дети. Искренне горевали и подданные, для которых Екатерина Павловна успела так много сделать всего за два года. Воспитанницы Женского института пришли в королевский замок попрощаться со своей патронессой. После похорон король присвоил институту имя Екатерининского и вскоре официально взял его под свое покровительство.

Екатерину Павловну, королеву Вюртембергскую, похоронили в соборной церкви Штутгарта. Но король Вильгельм мечтал о более достойном вечном приюте для ее тела. Он помнил, как любила Екатерина Павловна вид, открывавшийся с горы Ротенберг… И вот в 1821 году архитектор Франческо Салуччи по приказу короля возвел на Ротенберге православную церковь Святой Екатерины, куда с почестями перенесли останки королевы. Над входом в храм Вильгельм приказал высечь слова: «Любовь никогда не умрет».

В 1823 году вюртембергский журнал «Моргенблат» описывал место последнего упокоения своей королевы: «С вершины горы Ротенберг представляется взору одна из прекраснейших картин королевства. Подошву ее облегает долина Неккара, покрытая лугами, пашнями, садами, рощами, мельницами, крестьянскими хижинами, множеством деревень. Вдали видны города Штутгарт, Канштадт, Людвигсбург и Эслинген с частью их окрестностей. До самой вершины горы тянутся виноградники… На сей вершине Ротенберг, поднимающейся над всей благословенной страной,

была некогда колыбель нынешнего Вюртембергского дома. Здесь, за несколько лет перед тем, в ясный весенний день благороднейшая дщерь Севера, незабвенная королева Вюртембергская Екатерина Павловна, любовалась прелестным местоположением. Ее супруг с вершины Ротенберг показывал ей благословенную южную страну… Она хотела воздвигнуть здесь храм Искусства, достойный красоты здешней природы. И на этом же месте, по воле неисповедимой судьбы, ее супруг воздвиг храм, в коем почивают ее тленные останки…»

Жуковский писал об этой церкви: «Некогда здесь стоял прародительский замок фамилии Вюртембергской, время его разрушило. Теперь на месте его развалин воздвигнуто здание, столь же красноречиво напоминающее о непрочности всех земных величий, – церковь, в которой должны храниться останки нашей Екатерины… Памятник необыкновенно трогательный: с порога этого надгробного храма восхитительный вид на живую, всегда неизменную природу… А в штутгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, все осталось как было при ней; кресла ее стоят на прежнем своем месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее государь-император…»

Король Вильгельм недолго пребывал в трауре: он женился в третий раз уже через год на другой своей двоюродной сестре, принцессе Паулине Вюртембергской. Правда, королевству требовался наследник, к тому же утверждали, будто Паулина была очень похожа на Екатерину Павловну… Что неудивительно, если учесть степень их родства. Паулина родила Вильгельму троих детей: принца Карла (будущего короля Карла I), принцесс Екатерину и Августу. Но счастья в этом браке король не нашел, и, в конце концов, супруги приняли решение жить раздельно.

Говорили, что Вильгельм по-настоящему так и не утешился после потери Екатерины Павловны и, не обретя ее подобия в Паулине, окончательно разочаровался в жизни… Он пережил Екатерину Павловну на сорок пять лет и скончался в 1864 году. Согласно его завещанию, короля похоронили в православной церкви Святой Екатерины. Так мало прожив на земле рядом с любимой женщиной, Вильгельм решил разделить с нею вечность…

Благодарные подданные помнили и чтили «королеву Катарину» еще много лет. Добрым словом поминают ее в Штутгарте и по сей день.

Великая княжна Анна Павловна, королева Нидерландов

Младшая из дочерей императора Павла также могла бы стать женой Наполеона Бонапарта, но вышла замуж за принца Оранского и стала королевой Нидерландов. Она прожила относительно спокойную и благополучную жизнь, не познала ни бурной страсти, ни великой любви, ни мучительных душевных терзаний. И счастья у нее тоже не было. По крайней мере, яркого, ошеломляющего счастья, которое иногда освещает жизнь простых смертных. Зато тоска по родине и одиночество достались ей в избытке. Но, в конце концов, спокойно прожитую жизнь тоже можно счесть счастливой. Почти счастливой. «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – написал величайший русский поэт. Покой у Анны Павловны был. А воля царским дочерям не положена. Как и счастье, которое они могут получить, только взбунтовавшись против привычного уклада. Анна Павловна оказалась слишком послушной сестрой и дочерью и прожила жизнь так, чтобы матушке и братьям за нее не было стыдно. Но оценил ли кто-нибудь ее жертвы? Разве что народ, которым она правила милосердно и разумно и который помнит ее до сих пор.

* * *

О детстве великой княжны Анны Павловны нам известно меньше, чем о детстве ее сестер, потому что со смертью Екатерины Великой прекратилась ее переписка с бароном Гриммом. А ведь только в письмах императрицы к давнему другу хоть как-то фиксировались впечатления мудрой и наблюдательной бабушки от того, как росли и развивались ее не слишком желанные («Много девок, всех замуж не выдадут…»), но все же любимые внучки. Всего несколько цитат, из которых вряд ли можно составить картину детских лет последней, шестой, дочери императора Павла. 7 января 1795 года Екатерина писала князю Потемкину: «…поутру в 5-ть часов наша любезная невестка Великая княгиня Мария Феодоровна разрешилась благополучно от бремени рождением Нам вну[ч]ки великой княжны, которая наречена Анна…» Сам Павел Петрович 8 января писал московскому митрополиту Платону, который когда-то был его учителем Закона Божия: «Бог мне даровал вчера дочь, весьма счастливо в мир пришедшую; к тому же и названа она по бабке и

по сестре моей». Павел Петрович имел в виду Анну Петровну, дочь Петра Великого, которую выдали замуж за принца Голштинского Карла-Фридриха. Она умерла от чахотки, усугубленной тоской по Родине, через два месяца после рождения своего сына Петра Голштинского. Как известно, мальчика этого позвала себе в наследники сестра Анны, русская императрица Елизавета Петровна, сама детей не имевшая. И в жены ему «выписала» из маленького убогого Цербста принцессу Софью-Августу-Фредерику, крещенную в православие под именем Екатерины Алексеевны. После смерти тетки Петр Голштинский взошел на трон как Петр III, правил недолго и неудачно, был свергнут женою своей и по ее приказу убит… Жена его стала Екатериной Великой. И оба они были родителями Павла Петровича. Екатерина – ненавистной матерью. Петр Голштинский – обожаемым отцом. Павел Петрович просто боготворил все, что было связано с отцом: и бабушку по отцовской линии, Анну Петровну, и сестру свою, названную в честь бабушки Анной и не дожившую до двух лет. Павел очень любил малютку-сестру и горевал о ее смерти, пожалуй, даже больше, чем мать. Но возможно, память сестры не была бы для него такой драгоценной, если бы Павел Петрович знал, что она не являлась дочерью его отца, а была рождена Екатериной от ее тогдашнего любовника Станислава Понятовского… К счастью для себя, он этого не знал, и имя Анна для него было священно.

Мария Федоровна дважды – производя на свет великую княжну Ольгу и великую княжну Екатерину – была на грани смерти, неудивительно, что свекровь и муж отмечали, что на этот раз роды прошли благополучно, и малышка пришла в мир «счастливо». Но вскоре радость от ее рождения была омрачена: 14 января крестили Анну, а на следующий день умерла ее старшая сестра, двухлетняя великая княжна Ольга Павловна.

Воспитывала Анну все та же Шарлотта Карловна Ливен, которая воспитывала и всех ее старших сестер. Обучали ее тому же – иностранным языкам, музыке, танцам, математике, рисованию. Правда, в отличие от старших братьев и сестер, воспитывавшихся под личным присмотром бабушки-императрицы, Анну и ее младших братьев Николая и Михаила воспитывали уже родители: Екатерина Великая умерла, когда великой княжне Анне было всего полтора года от роду, Николай родился незадолго до кончины бабушки, а Михаил – уже после.

Великая княжна Анна Павловна была единственной из дочерей императора Павла, искренне любившей отца и сохранившей о нем теплые воспоминания. Пожалуй, можно даже сказать, она одна из всех детей его любила. Старшие успели

натерпеться от его страшного и вздорного характера, младшие его практически не помнили, Анне же было шесть лет, когда отца убили, и она от него видела только добро и ласку. Много лет спустя Анна вспоминала: «Мой отец любил общаться с младшими детьми и нас, Николая, Михаила и меня приводили поиграть в покоях отца, пока ему делали прическу. Это были последние в его жизни часы, из тех немногих, которые он мог нам уделять. Он был так нежен и добр с нами, что мы любили бывать у него. Он говорил, что его отдалили от любимых детей, отобрав их с самого рождения, и что он теперь хотел быть рядом с младшими, чтобы их узнать».

* * *

В 1809 году имя великой княжны Анны Павловны появляется в переписке французских дипломатов. Ей едва исполнилось четырнадцать, но она уже оказалась в эпицентре матримониально-политических интриг, ибо отказ, полученный от великой княжны Екатерины Павловны, не охладил желания Наполеона Бонапарта породниться с Российским царствующим домом. Когда Наполеон сватался к Екатерине Павловне, Анне было двенадцать и ее в расчет не принимали. Но теперь, когда вздорная и своенравная Екатерина уже была замужем, а Анна подросла и, по утверждениям французских дипломатов, отличалась красотою, физическим здоровьем и более «счастливым», чем у ее старшей сестры, характером, Наполеон ею заинтересовался.

В 1809 году граф де Коленкур, посол Франции в России, получил от своего императора шифрованную депешу, написанную лично Наполеоном, но отправленную от имени министра иностранных дел Шампаньи: «Его величеству было угодно, чтобы Вы просто и откровенно объяснились с императором Александром. Вы можете сказать ему: „Ваше величество, у меня есть основания думать, что император, внимая желанию всей Франции, готовится развестись. Могу ли я известить его, чтобы он рассчитывал на Вашу сестру?“»

Но главный вопрос из этой тайной депеши адресовывался не русскому императору, а самому Коленкуру: «Вы напишете мне, какими качествами обладает Великая княжна и, главное, когда именно она будет в состоянии стать матерью, так как для моих соображений это очень важно…»

Собственно говоря, для соображений Бонапарта только это и было важно: он расторг брак с любимой, но немолодой

Жозефиной из-за того, что она не могла дать ему детей. Ему нужна была не жена – ему нужно было чрево, которое выносило бы для него наследника. Оптимальным же представлялось, чтобы будущая мать наследника Французской империи была бы еще и представительницей одного из древнейших правящих родов. Романовы в этом отношении подходили идеально! О том, что они могут не желать такого унизительного для них родства, самоуверенный «корсиканский выскочка» (как пренебрежительно называли Наполеона большинство европейских государей) и не догадывался. Он, кажется, и на момент сватовства к Анне Павловне не подозревал, что причиной отказа со стороны Екатерины Павловны стали не только ее вздорный характер и желание остаться в России, но еще и презрение к нему, мелкому корсиканскому дворянину, «выбившемуся» в императоры. Пожалуй, из всей семьи только Александр I испытывал к Наполеону симпатию и уважение. Но даже он не хотел отдавать за него своих сестер, дипломатически объясняя это своей покорностью материнской воле.

Граф де Коленкур ответил на последний вопрос депеши подробно и обстоятельно: «Она высока ростом для своих лет, у нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и, хотя она не красавица, но взор ее полон доброты. Нрав ее тих и, говорят, очень скромен. Доброте ее отдают предпочтение перед умом. В этом отношении она совершенно отличается от своей сестры Екатерины, слывшей несколько высокомерной и решительной. Она уже умеет держать себя, как подобает взрослой принцессе, и обладает тактом и уверенностью, столь необходимыми при большом дворе. По словам лиц, посещающих двор ее матери, она физически сформировалась вот уже целых пять месяцев. Великая княжна Анна походит на мать, и все в ней обещает, что она унаследует ее стать и формы. Известно, что императрица Мария и поныне, несмотря на свои пятьдесят лет, представляет из себя готовую форму для отливки детей…»

Джордж Доу. Портрет великой княгини Анны Павловны, наследной принцессы Оранской (1824–1825 гг.)

Как видно из этого описания, великая княжна Анна Павловна являла собой идеальный вариант. И Наполеон пообещал русской царевне в случае, если она примет его предложение, не только титул императрицы Франции, но еще и выгодное соглашение по польскому вопросу в качестве свадебного подарка. Вопрос этот был тем более важен для России, что зависимое от Бонапарта герцогство Варшавское, созданное из части польских территорий, принадлежавших ранее Австрии и Пруссии, обеспечивало прекрасный плацдарм для войны с Россией. По сути дела, император Наполеон предлагал императору Александру сделку: Польшу в обмен на его младшую сестру. Но Александр к тому моменту уже сомневался, что они с корсиканцем долго пробудут союзниками… И вряд ли супругу его, кем бы она ни оказалась, ожидает спокойная и счастливая жизнь. Ведь ее брали не просто

как жену, а как мать потенциального наследника. А если она не сможет родить? А если России придется воевать с Францией? А если Наполеон все же будет свергнут и к власти придут законные наследники французской короны? Все эти рассуждения не позволяли императору Александру принять предложение Наполеона.

Об этом же писала императрица-мать Мария Федоровна своей старшей дочери Екатерине Павловне, герцогине Ольденбургской и первой несостоявшейся невесте Бонапарта: «Не вызывает сомнения, что Наполеон, завидуя нашему могуществу, нашей славе, не может желать нам добра, и его политика будет направлена против нас, как только кончится испанская война. Пока он нанес нам величайший вред, подорвав нашу торговлю и союз с Англией. Оскорбленный отказом, он будет еще более недоволен и раздражен против нас до тех пор, пока не сможет объявить нам войну… Что касается бедной Анны, то на нее пришлось бы смотреть как на жертву, принесенную ради блага государства: ибо какое несчастье было бы для этого ребенка, если бы она вышла замуж за такого изверга, для которого нет ничего святого и который не знает никакой узды, так как не верит даже в Бога? Принесла ли бы эта тяжкая жертва благо России? На что бы было обречено мое дитя? Интересы государства с одной стороны, счастье моего ребенка – с другой. Прибавьте к этому еще и огорчения и испытания, которые в случае отказа могут обрушиться на Александра, как на монарха…»

Сыну своему Александру I Мария Федоровна высказала свое отношение к ситуации так: «Если у нее не будет в первый год ребенка, ей придется много претерпеть. Либо он разведется с нею, либо он захочет иметь детей ценою ее чести и добродетели. Все это заставляет меня содрогаться! Интересы государства с одной стороны, счастье моего ребенка – с другой… Согласиться – значит погубить мою дочь, но одному Богу известно, удастся ли даже этой ценою избегнуть бедствий для нашего государства. Положение поистине ужасное! Неужели я, ее мать, буду виной ее несчастья!»

И сам император писал своей любимой сестре Екатерине Павловне, как всегда откровенно изливая ей все свои сомнения и метания: «Наполеон разводится и имеет виды на Анну. На этот раз это совершенно серьезно. Как поступить в данном случае, решить трудно… Я сказал матушке, что ей, конечно, одной принадлежит право располагать судьбой моей сестры, и что я подчинюсь ее решению…»

В придачу ко всему одним из условий брачного договора с французским императором было непременно принять

католичество. А ведь прежде о смене веры для русских цесаревен не могло идти и речи, Екатерина Великая из-за этого пункта в брачном договоре разорвала помолвку Александры Павловны со шведским королем! И согласиться на такое нарушение незыблемых законов ради «корсиканского выскочки»?!

Наполеону решено было отказать. Александр писал Екатерине Павловне: «Принимая во внимание все неприятности и придирки, а также недоброжелательство и злобу, с какою относятся к этому человеку, лучше ответить отказом, чем дать согласие против воли…»

Но следовало отказать как можно более деликатно, чтобы не вызвать раньше времени его гнева против России, еще не готовой к войне с ним.

Впрочем, недаром Екатерина Великая воспитала своего старшего внука величайшим дипломатом. И не зря Александра I называли при жизни «сфинксом на престоле», а после смерти считали самым таинственным из всех российских императоров. Он был мастером недосказанностей и уловок.

Сначала император Александр сообщил, что даст ответ графу де Коленкуру после десятидневной отсрочки, необходимой для обсуждения предложения с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, поскольку «последняя воля отца предоставляет полную свободу матери распоряжаться судьбой ее дочерей. Ее решения не всегда согласны с моими желаниями…»

Ждать французскому послу пришлось целых тридцать пять дней. И полученный им ответ был образчиком дипломатически завуалированного под согласие отказа. Русский император просил передать императору Франции: «Я не могу, Ваше Величество, возражать матери, которая все еще неутешно оплакивает безвременную кончину двух своих дочерей, умерших от слишком ранних браков. Я знаю, что Ваше Величество торопится, и это понятно: заявив Европе, что Вы желаете иметь детей, Вы не можете ждать более двух лет, хотя единственным препятствием к браку, усматриваемым Императрицей-матерью, является лишь возраст Великой княгини Анны…»

Александр поставил также условие, что великая княжна должна непременно сохранить православие, – надеясь, что это станет причиной отказа от этого брака со стороны самого Наполеона. Однако Бонапарт, равнодушный к религии и желавший, чтобы его жена была католичкой, только ради спокойствия душ его подданных-католиков, решил этим спокойствием пожертвовать и согласился на то, чтобы Анна Павловна осталась православной. Но вот двухлетняя отсрочка его не устраивала совсем. Ему были нужны жена и сын как можно

быстрее. На примете у него была еще одна кандидатура в матери его наследника – тоже из древнего правящего рода, тоже молодая и очень здоровая, хотя и не такая красавица, как Анна Павловна, – принцесса Мария-Луиза Австрийская. Ей было уже восемнадцать лет, а Австрия была не в том положении, чтобы отказать императору-победителю, и – цитируя слова графа де Коленкура – австрийская семья, в отличие от российской, «без малейшего колебания, с величайшей и трогательной готовностью» сама предлагала родственный союз.

На состоявшемся в Тюильри совещании высших сановников Франции кандидатуру Анны Павловны поддержали канцлер Комбарес, зять Наполеона – король Неаполитанский Мюрат – и министр полиции Фуке. Но большинство, в том числе министр Талейран и пасынок Наполеона принц Евгений Богарне, высказались в пользу «австрийского брака». Сам Наполеон, видимо, все же предпочел бы русскую великую княжну. Но в Санкт-Петербурге ответили четко: Анна Павловна выйдет замуж не раньше, чем через два года. Так что пришлось ему сделать выбор в пользу принцессы Марии-Луизы. Она, кстати, приходилась внучатой племянницей последней французской королеве Марии-Антуанетте, которой во время революционных событий отрубили голову. В глазах французских обывателей, равно как и наиболее дальновидных советников Наполеона, это было дополнительным плюсом: с приездом в их страну такой императрицы, к тому же еще и католички, народ преисполнился бы надежд на возвращение к прошлому, которое теперь всем казалось «великим и добрым».

Когда граф де Коленкур сообщил императору Александру I о браке Наполеона с австрийской принцессой, русский царь с улыбкой ответил: «Поздравьте императора со сделанным выбором. Он хочет иметь детей. Вся Франция этого желает. Решение, им принятое, и есть самое предпочтительное…»

Как выяснилось позже, решение было не слишком удачное. Мария-Луиза родила Наполеону столь желанного наследника – которого во Франции тут же прозвали Орленком, ибо Наполеон для своих подданных был истинным Орлом, – но она не любила и даже не уважала супруга, она покинула Бонапарта, как только удача отвернулась от «корсиканского гения», она ни разу не навестила его в изгнании и даже сыну своему не была достойной матерью, предпочтя попросту забыть о нем. После смерти Бонапарта она вышла замуж за своего любовника графа Нейпперга, жила с ним в Парме, рожала ему детей и, пожалуй, была вполне счастлива. Пережив Нейпперга, она соединилась узами морганатического брака с графом де Бомбелем, ему тоже

рожала детей и умерла в 1847 году. В истории Мария-Луиза осталась только благодаря тому, что несколько лет она была женой Наполеона Бонапарта.

Впрочем, все это пока еще в будущем. Наполеон пока счастлив тем, что получил в жены австрийскую принцессу, и тем, что она так быстро забеременела, и даже выглядит влюбленным в свою жену.

Французский император не был обманут внешней любезностью Александра. Похоже, самовлюбленный, самоуверенный Бонапарт наконец осознал, что в России ему отказали дважды, а значит, родства с ним не желают. Остро переживавший любое оскорбление, Наполеон, в свою очередь, отказался от ратификации конвенции о Польше, что весьма осложнило французско-русские отношения. Тильзитский мир дал трещину, а окончательный разрыв союзнических отношений произошел в апреле 1811 года, после захвата Наполеоном герцогства Ольденбург, наследной принцессой которого была великая княгиня Екатерина Павловна. Надвигалась Отечественная война 1812 года, в политическом небе уже видны были всполохи молний и слышались отдаленные раскаты грома…

Но до мирного Павловска, где жила Анна Павловна, отзвуки этой грозы пока еще не долетали. Анна Павловна гуляла с матерью по парку и розарию, резвилась с братьями, переписывалась со старшей сестрой Екатериной Павловной, живущей в Твери, и много училась. В пору белых ночей семья переезжала в Петергоф, где наслаждалась красотой и роскошью «русского Версаля», фонтанами и «водными шутихами», построенными еще при Петре Великом и совершенствовавшимися во все правления. Позже, будучи королевой Нидерландов, Анна Павловна с нежной ностальгией вспоминала: «Более всего мы любили Петергоф и Павловск. Мы были так привязаны к этим местам с братом Михаилом, что когда приходилось оттуда уезжать, то мы исхаживали все любимые наши места, со всеми прощались весьма нежно…»

Психологически Анна Павловна была еще совершеннейшим ребенком. Когда началась война, младшая из великих княжон по-настоящему этого не осознала. Ее сестра Екатерина Павловна в Твери вооружала на свои личные средства крестьян, снаряжала госпитали, переживала о судьбе пленных. Анна же в Павловске продолжала привыч-ную жизнь, а к происходящим с Россией несчастьям относилась как к чему-то далекому и нереальному, как к поводу для пари с младшим братом. «Узы дружбы, связывавшие меня и моих братьев Николая и Михаила, стали еще крепче в 1812 году, в то время когда наша родина находилась в

опасности. В день, когда французы вошли в Москву, Николай заключил со мной пари на один рубль, что к первому января будущего года неприятель будет изгнан из российских земель. Он выиграл пари, и первого января 1813 года я отдала ему серебряный рубль. Он повесил его под свою орденскую ленту и так присутствовал на службе по случаю освобождения России в Казанском соборе».

* * *

Победа над войсками Наполеона, удачный заграничный поход 1813–1814 годов вознесли авторитет Российской империи на небывалую высоту, превратив в одного из главных игроков на мировой политической арене. И, разумеется, девятнадцатилетняя Анна Павловна, сестра императора-победителя, стала самой желанной невестой в Европе.

Первым к ней посватался, как ни удивительно, француз: Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский, племянник короля Людовика XVIII. Однако семье российского императора он не показался завидным женихом. Во-первых, католик – а значит, в очередной раз возникает вопрос смены вероисповедания. Во-вторых, французы, напугавшие всех своей революцией, все еще не угомонились, и непонятно, что ждет в будущем страну и ее правителей. Об этом Мария Федоровна писала Екатерине Павловне: «Можно ли желать отдать свою дочь этому молодому человеку после всего, что произошло во Франции, ибо если счастье и обстоятельства приведут его снова в эту страну, то он будет там ходить вечно на вулкане, который может каждую минуту поглотить его и все его семейство… Аннета вполне разделяет мои мысли и нисколько не желает этого брака…»

Она оказалась права. Герцог Беррийский женился на одной из многочисленных дочерей Марии-Каролины Неаполитанской, а в 1820 году был убит фанатиком-бонапартистом Лувелем. Еще через десять лет произошла очередная революция, Бурбоны были свергнуты окончательно, уступив престол младшей, орлеанской, ветви. Если бы великая княжна Анна Павловна вышла замуж за Шарля-Фердинанда Беррийского, судьба ее была бы трудной, а Россия оказалась бы втянутой в очередное политическое противостояние с Францией.

Император Александр I серьезно рассматривал возможность брака Анны с наследным принцем Вильгельмом (Виллемом) Оранским.

Принц Вильгельм-Фредерик-Георг-Людовик был сыном

наместника Нидерландов Вильгельма I, который 4 марта 1815 года был торжественно провозглашен королем только что созданного государства Нидерланды, объединившего Голландию и Бельгию. Кроме того, 16 мая 1815 года Вильгельм I был признан главой Великого герцогства Люксембург в обмен на принадлежавшие ему земли Нассау – Дилленбург, Зиген, Диц, Гадамар. Сын его, принц Вильгельм Оранский, выглядел привлекательным женихом не только с политической точки зрения: он был достаточно симпатичным внешне, ловким и отважным, во время Ватерлоо лично командовал голландскими войсками и был ранен – пуля пробила ему плечо. Отец мечтал женить его на английской принцессе Шарлотте, дочери принца-регента Георга Уэльского и – ни много ни мало! – наследнице английского престола. Но Шарлотта была влюблена в принца Леопольда Саксен-Кобургского и, несмотря на то, что отец ее был против этого брака, все же смогла настоять на своем и сочетаться с любимым. Ей в этом немало помогла Екатерина Павловна, вдовствующая герцогиня Ольденбургская. Правда, Екатерина Павловна больше радела не о счастье Шарлотты, а о том, чтобы принц Оранский достался великой княжне Анне Павловне. Союз с Голландией представлялся привлекательным для всей российской императорской семьи, а сам принц Вильгельм нравился и императору Александру, и его брату цесаревичу Константину, и даже самой Марии Федоровне, которой вообще-то трудно было угодить.

Интересно, что король Вильгельм I, когда рухнули его планы относительно брака между сыном и английской принцессой, нашел ему невесту в Габсбургском доме. Голландец не слишком-то рвался породниться с Романовыми… Но император Александр лично пригласил принца Вильгельма Оранского в Петербург, где представил его своей младшей сестре. И тут уж принцу и его отцу деваться было некуда, не ссориться же со всемогущей Россией! В декабре 1815 года Вильгельм Оранский просил руки Анны Павловны. Разумеется, ему ответили согласием, и 28 января 1816 года состоялось обручение, а 9 февраля – пышное бракосочетание. Один из современников вспоминал: «Члены Святейшего Синода, члены Государственного Совета, чужестранные министры, знатнейшие обоего пола особы, также гвардии штаб и обер-офицеры, и прочих полков штаб-офицеры приносили поздравления Их Высочествам новобрачным, государыне Великой княгине Анне Павловне и кронпринцу Нидерландскому Вильгельму… Во весь тот день продолжался при всех церквах колокольный звон, а ввечеру весь город был иллюминован».

Мария Павловна не готова была сразу расстаться с последней из своих дочерей, и молодые супруги гостили в Павловске почти четыре месяца. Только 10 июня 1816 года они отбыли из Санкт-Петербурга в Нидерланды.

«Ее императорское Высочество, Великая княгиня Анна Павловна, с Его королевским Высочеством, супругом своим, изволила предпринять отсюда путь в 10 часов утра, заехав пред тем в Казанский собор для принесения мольбы ко Всевышнему о благополучном путешествии».

Мольбы были услышаны, путешествие прошло благополучно, хоть и длилось долго – два с лишним месяца.

В Голландии наследную принцессу Оранскую и будущую королеву встречали торжественно. Русский посол отчитался в Петербург: «В минувшую пятницу 23 числа (августа месяца), ввечеру Его Высочество наследный принц прибыл с супругою своею в вожделенном здравии в замок Лоо, где находится ныне вся королевская фамилия. В будущий понедельник назначен въезд Их Высочеств в столицу. Великая княгиня любезными качествами своими привлекает к себе сердца всех, и король наш чувствует себя счастливым в счастии своего сына. 11 сентября в Гааге дано было от города великолепное празднество для королевской, в честь четы, фамилии, а на другой день были разные увеселения для народа».

Юная принцесса Оранская, как водится, поразила своих новых подданных и внешней красотой, и великолепием драгоценностей. Следует еще раз отметить, что приданое у дочерей Павла I было умопомрачительно роскошное, – другим великим княжнам, в других поколениях, такого уже не собирали! – к тому же включало абсолютно все, до мелочей: так, чтобы новобрачная до глубокой старости ни в чем не нуждалась. Анне Павловне приданое собирала лично ее матушка, которая подошла к вопросу с истинно немецкой рачительной хозяйственностью. И, кстати, приданое цесаревна получила дважды. Дело в том, что через несколько лет после свадьбы королевский дворец сгорел, а с ним и все сокровища, привезенные русской великой княжной. В России тут же собрали приданое еще раз, а Мария Федоровна до самой своей кончины посылала дочери сундуки со всем необходимым, вплоть до чулок. После смерти Анны Павловны даже осталась обивочная ткань, которой хватило до начала XX века…

Вообще с имуществом, привезенным из России, у Анны Павловны то и дело случались какие-то неприятности. В 1820 году у нее похитили драгоценности! Император Александр прислал сестре новые – копию украденных. Но российские

придворные шептались: уж не взяла ли Анна Павловна грех на душу, не солгала ли брату относительно кражи? Она так много тратила на благотворительность и так была увлечена этим благородным делом, что могла тайком перепродать свои драгоценности, чтобы получить деньги на очередные больницы и приюты…

* * *

Анне Павловне в Нидерландах удалось удивительно гармонично сочетать любовь и интерес к новой родине – с гордостью и патриотизмом в отношении отчизны. Она прилежно изучала голландский язык, историю, традиции, но особенный интерес выказала в отношении истории русско-голландских связей, в том числе и церковных. По ее личной просьбе в архивах были отобраны копии с донесений голландских резидентов, посещавших Россию с 1615 по 1780 год. Значительная часть этих написанных на архаичном голландском документов, снабженная переводами, в 1843 году была отправлена в Петербург. В 1861 году эта бесценная коллекция поступила в Императорскую Академию наук, а в начале 1877 года документы были переданы в Императорское Русское историческое общество. И это был не единственный вклад Анны Павловны в сохранение российского исторического наследия.

8 февраля 1817 года Анна, принцесса Оранская, родила своего первенца Вильгельма-Александра-Павла-Фредерика-Людовика, названного так в честь отца, деда по отцовской линии, деда по материнской линии и своего великого дяди, русского императора Александра. Этому малышу суждено было стать королем Вильгельмом III.

По столь торжественному случаю свекор Анны, король Вильгельм I, сделал невестке очень необычный подарок: подарил ей домик в Заандаме, где в 1697 году под именем Петра Михайлова жил русский царь Петр I. Царь снимал жилье у местного жителя и, купив столярные инструменты, устроился работать на местную верфь. Петр, мечтавший о русском флоте, учился строить корабли. Интересно, что интерьер домика, где жил великий царь, бережно сохранялся на протяжении всего XVIII века, и даже возникавшая время от времени напряженность в русско-голландских отношениях не повлияла на отношение к этой исторической реликвии. Наполеон, захватив Голландию, побывал в домике Петра и отдал дань величайшему из российских правителей…

Анна Павловна помнила, что в Петербурге, напротив Летнего сада, сохранялся первый домик Петра Великого и что по приказу ее бабушки императрицы Екатерины он был заключен в особый футляр, предохранявший его от непогоды. С домом, где жил Петр в Заандаме, она решила поступить так же и возвела над ним кирпичный футляр.

23 июля 1818 года она родила второго сына, Вильгельма-Александра-Фредерика-Константина-Николая-Михаила – в его имени соединились имена уже всех четырех его русских дядей, братьев Анны Павловны: императора Александра, цесаревича Константина, великих князей Николая и Михаила. Кстати, Анна Павловна из всех своих братьев больше выделяла и любила Николая. С ним она была особенно откровенна. В 1828 году, получив известие о смерти матери – вдовствующей императрицы Марии Федоровны, – Анна пишет Николаю: «Какая потеря, какая бездна открывается перед нами всеми; дорогой брат и друг, совершенно правильно говоришь, что для нас начинается новая жизнь и для меня – в особенности. Мама всегда была моим убежищем, моей поддержкой. Теперь все кончено, поэтому я чувствую себя одинокой в целой вселенной».

Анна Павловна поддерживала тесную связь с Россией, два раза в неделю писала матери и братьям, сообщая мельчайшие подробности своей жизни: ее письма скорее напоминали дневник. Переписывалась она и со своим учителем русской литературы поэтом Василием Андреевичем Жуковским, который посылал ей наиболее интересные с его точки зрения литературные новинки. Переписка эта длилась долго. В 1839 году, после визита ее второго сына Вильгельма-Александра в Россию и встречи его с Жуковским, Анна пишет поэту: «Василий Андреевич! С искренним удовольствием получивши Ваше письмо из рук моего Александра, почитаю приятною обязанностью благодарить Вас за содержание оного и за доставление стихов, Вами сочиненных в полях Бородинских, за стихи, внушенные с любовью к отечественной славе. Они глубоко отзываются в душе моей, коей чувствования к родине неизменны. Благодарю Вас за счастье быть русской и помнить дни незабвенной и неизгладимой славы!»

Анне Павловне удалось и сыновей своих воспитать в любви и уважении к России. «Русомания сыновей принца Оранского», согласно словам их современника полковника Фрица Гагерна, в 1839 году сопровождавшего принца Вильгельма-Александра в Россию, была известна всей Европе и не вызывала восхищения. Могущественная Россия и без таких верных сторонников среди европейских владык казалась опасным соседом, а уж при наличии таковых…

Но, несмотря на «русоманию», в Голландии, Бельгии и Люксембурге принцессу Анну любили. Что неудивительно: по примеру матери и сестер, Анна Павловна активно занималась благотворительностью, в частности создала более 50 приютов для детей из бедных семей. Детей она действительно любила – так же как и ее мать. Да, эта женщина была бы идеальной женой Бонапарту и воплотила бы все его мечты! Вслед за Вильгельмом и Вильгельмом-Александром на свет в 1820 году появился Вильгельм-Фредерик-Генрих, затем, в 1822 году, Вильгельм-Александр-Эрнст-Фредерик-Казимир и в 1824 году – единственная дочка Вильгельмина-Мария-София-Луиза. Потеряла Анна Павловна только одного ребенка, младшего сына: он родился в мае, а умер в октябре 1822 года. Остальные ее дети отличались завидным здоровьем и почти не доставляли матери беспокойств. Впрочем, Анне Павловне пришлось пережить еще одного своего сына, второго, самого любимого, – Вильгельма-Александра, которого она называла «мой Александр» и который погиб в результате несчастного случая на охоте в самом расцвете сил, в тридцатилетнем возрасте, в 1848 году.

* * *

Тяжелым испытанием стал для всех 1830 год: 25 августа 1830 года под влиянием Июльской революции во Франции началась бельгийская революция. Удивительно, что искрой, из которой возгорелось пламя этой революции, стала… премьера оперы.

25 августа в брюссельском «Театре де ла Монне» впервые давали оперу французского композитора Даниэля Обера «Немая из Портичи». До этого городские власти не разрешали пьесу к постановке. И, как оказалось, не напрасно.

Сюжет пьесы, премьера которого прошла в Парижской опере в феврале 1828 года, основывался на историческом событии: народном восстании, поднятом в Неаполе в середине XVII века. «Немую из Портичи» уже успели поставить во многих театрах Европы. Ее премьера в Брюсселе была приурочена к торжествам по случаю дня рождения короля Вильгельма I.

Когда по ходу оперы ее герой Мазаньелло призвал товарищей к борьбе против испанского засилья, вскричав «К оружию!», по залу «Театра де ла Монне» пронесся взволнованный гул. После спектакля зрители не разошлись, как обычно, – напротив, перед театром собралась огромная толпа…

Начавшиеся в Брюсселе волнения быстро охватили другие бельгийские города. Участники восстания созвали Генеральную

ассамблею, которая потребовала отделения Бельгии от Голландии.

Вильгельм I пытался справиться с ситуацией собственными силами, но не удалось. Он обратился к четырем великим державам Европы – России, Великобритании, Австрии и Пруссии, – но их правители не сочли нужным вмешаться. Супруг Анны кронпринц Вильгельм 5 октября срочно прибыл в Брюссель из Антверпена, но… не стал участвовать в подавлении восстания и признал независимость Бельгии. В сущности, он не имел на это права, он же не был правителем, так что с позиций закона его поступок никак не помог бунтовщикам, зато отец-король оскорбился до глубины души. В апреле 1831 года кронпринц попытался исправить свою ошибку, принял командование над нидерландскими войсками и в течение десяти дней сражался с восставшими. Но на помощь мятежным провинциям пришли французские войска. А на помощь королевской семье не пришел никто… Даже Россия, на которую семейство Оранских особенно уповало. Она была слишком занята усмирением Польского восстания и не смогла помочь военной силой, а может, и не захотела: возможно, император Николай I счел невыгодным с политической точки зрения защищать своих «бедных родственников», тогда как против них выступают и народ, и главы большинства европейских держав. Бельгийский Национальный конгресс проголосовал за независимость своей страны, за конституционную монархию. Одним из условий стало то, что бельгийский престол никогда не сможет занимать ни один из представителей династии Оранских. В январе 1831 года на Лондонской конференции послы России, Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии от имени своих государей признали независимость Бельгии, где на трон взошел Леопольд Саксен-Кобургский. Весь мир понимал, что англичанам перемена власти очень выгодна: сам принц Леопольд был женат на английской принцессе Шарлотте, а его сестра была замужем за принцем Кентским, так что теперь Бельгия оказывалась практически под властью Великобритании.

Вскоре семья кронпринца навсегда покинула Брюссель и переехала в Гаагу. При этом Анне Павловне пришлось оставить во дворце многие ценные вещи, привезенные ею из России, что, конечно же, ее опечалило… Но, в сущности, Анна Павловна пережила революцию достаточно спокойно: в высокую политику она не вмешивалась и в конфликте между свекром и мужем держала нейтралитет. Она делала то, что должна делать женщина и государыня: взяла на себя заботу о пострадавших, не делая различий между сражавшимися на стороне короля и на стороне

восставших. Она участвовала в организации госпиталей, жертвовала на лечение и на помощь семьям, потерявшим кормильца.

После переезда Анна Павловна обосновалась в усадьбе Сустдейк, причем позаботилась о том, чтобы придать дворцу и парку сходство с архитектурным ансамблем ее любимого и родного Павловска. Она постаралась воссоздать атмосферу российской императорской резиденции: с портретами русских государей на стенах, с посудой Петербургского фарфорового завода, с малахитовым столом, созданным уральскими мастерами. В Сустдейке прошли ее самые счастливые годы. Анна Павловна жила так же, как ее мать, в каждодневных заботах о детях. Переписывалась с родными, скорбела об утратах, когда один за другим уходили из жизни братья, мать, сестра… Особенно тяжело Анна Павловна пережила кончину матери. Они были очень близки перед ее отъездом из России, и со смертью Марии Федоровны для ее младшей дочери по-настоящему закончилось детство: исчезло то чувство защищенности, которое дарила ей мать, пусть находившаяся далеко, но все же в любой момент готовая предложить помощь и моральную поддержку.

Анна Павловна была счастливой матерью, но отношения с мужем у нее с годами становились все прохладнее: слишком разные характеры, слишком разные цели. Она мечтала быть «королевой для народа», веря в то, что ей внушили еще в России: для государя всегда на первом месте должен стоять его долг, забота о благе подданных. Тогда как Вильгельм пользовался своим высоким положением сугубо в эгоистических целях, не считался с расходами на собственные удовольствия, построил несколько роскошных замков, собрал дорогую коллекцию живописи, устраивал балы и праздники, а одержимость жены благотворительностью считал то ли нелепой блажью, то ли позой, но никак не искренним велением души. Супруги друг друга не понимали, и Анна Павловна чувствовала себя все более одинокой – и все больше замыкалась в себе. Придворные считали, что у принцессы Оранской просто тяжелый характер. Но сохранился драгоценный документ, благодаря которому мы можем видеть, что одиночество и непонимание причиняли Анне Павловне душевные страдания. Это – принадлежавшее ей русское Евангелие, на полях которого она делала записи карандашом, всегда по-русски, чтобы никто из любопытствующих не смог прочесть и понять. Принцесса Оранская писала о своих размышлениях и сомнениях, о том, как она тоскует по родине, хотя прошло уже так много лет. Но никого, даже любимого сына Александра, даже сестру Марию и брата Николая, последних

оставшихся в живых родных ей людей, Анна Павловна не посвящала в свои переживания…

Со свекром, королем Вильгельмом I, Анна Павловна сохранила добрые отношения. Хотя король так и не простил сыну его поведения во время революции, на невестку его гнев не распространялся. Король был достаточно умен, чтобы понимать, какое сокровище они приобрели в лице этой русской царевны: и Нидерланды как государство, и его сын как мужчина… Анна Павловна была идеальной женой и со временем могла стать прекрасной королевой. Не из тех, кто своей волей правит и принимает судьбоносные решения, но из тех, кто мягко направляет супруга, усмиряет страсти и вызывает всеобщее обожание. А это так важно, чтобы правителя искренне любили! Если не его самого, то хотя бы его семью.

Впрочем, Анна Павловна пробыла кронпринцессой рекордно долгий срок: титул наследной принцессы Оранской она носила целых двадцать четыре года! Король Вильгельм I отличался завидным здоровьем. Так что его сын мог оставаться кронпринцем и еще столько же лет, до самой своей старости, если бы не скандал, приключившийся в королевском семействе как раз по причине хорошего здоровья государя. Как говорится, седина в бороду, а бес в ребро: у Вильгельма I было немало любовниц, но особенно бурную страсть он питал к одной из придворных дам – к графине Генриетте д'Ультремон. Что самое возмутительное, она дружила с королевой Вильгельминой, его супругой. Правда, при жизни королевы Генриетта щадила чувства подруги и скрывала свои отношения с королем. Зато после смерти королевы в 1837 году Генриетта и Вильгельм зажили практически как супруги. Всех это безумно возмущало, все ненавидели графиню д'Ультремон – бельгийку, католичку, надменную гордячку. В кальвинистской Голландии католиков вообще не любили, а уж то, что именно с католичкой король обманывал их добрую королеву, придворным казалось особенно возмутительным. А уж когда король заявил, что хочет узаконить отношения со своей сорокасемилетней возлюбленной и жениться на ней, всеобщее несогласие практически вылилось в бунт. Правда, маленький и бескровный, потому что это был бунт придворных, но он мог перерасти в революцию, если бы Вильгельм I все-таки решился возвести католичку на трон. В газетах уже появились оскорбительные статьи в адрес графини д'Ультремон, а в Амстердаме по улицам разбрасывали листовки, в которых угрожали королевской любовнице смертью, если она посмеет появиться в городе. Письма с угрозами приходили и лично Генриетте д'Ультремон.

У Вильгельма I в сложившейся ситуации были только два пути: или расстаться с любовницей, или отказаться от трона. Он предпочел любовь власти. 25 сентября 1840 года король торжественно отрекся в пользу своего старшего сына, принца Оранского, который принял корону и взошел на трон под именем Вильгельма II. Ему было сорок девять лет, его супруге Анне Павловне – сорок пять. Сразу после окончания коронационных торжеств бывший король Вильгельм I отбыл в сопровождении Генриетты д'Ультремон, обвенчался с ней и жил в довольстве и счастье.

Вильгельм II правил Нидерландами недолго: с 1840 по 1849 год. Это был не лучший период в жизни страны, сотрясаемой политической и экономической лихорадкой. Анна Павловна действительно оказалась достойной помощницей своему мужу: некоторые наиболее мудрые решения – например, смягчение налогового законодательства и некоторые изменения в конституции, – подсказала ему именно она. В годы неурожая королева Анна на личные средства закупала зерно за границей, чтобы спасти страну от голода. Но все равно финансовое положение Дома Оранских становилось все хуже, и к моменту кончины ее супруга было просто бедственным. И Анне Павловне не оставалось ничего, кроме как обратиться за поддержкой к богатой, могущественной России.

В письме от 1 октября 1849 года вдовствующая королева Нидерландов писала своему брату, русскому императору Николаю I: «Милый брат, дорогой и любезный друг, ты, конечно, понимаешь, что только обстоятельства крайней необходимости вынуждают меня нарушить наше общее горе и говорить с тобой о вещах материального свойства. Я подумала, милый друг, что, поскольку речь идет о чести семьи и памяти нашего дорогого Вильгельма, которого ты так любил, я должна обратиться к твоему сердцу и воззвать к твоей доброте. Тебе известно о наследстве Вильгельма. В задачу комиссии, созданной для изучения и рассмотрения этого вопроса, входило собрать необходимые данные и оценить имущество и наличные активы, равно как и сосчитать долги. Последние, как оказалось, составляют 4,5 млн гульденов. Для их уплаты нам нужно будет продать всю землю и недвижимость в этой стране, поэтому я обращаюсь к тебе, любимый брат и друг, с просьбой, чтобы ты в этот роковой час согласился купить собранные Вильгельмом картины, к которым ты так привязан и которые уже отданы тебе в залог. Если ты выполнишь мою просьбу, мои дети будут спасены. Ты также спасешь честь семьи».

Император Николай исполнил просьбу сестры и купил

коллекцию картин за 137 823 гульдена. Спасая честь семьи, Анна Павловна на свои личные средства приобрела дворец в Сустдейке – «чтобы этот знак национальной благодарности, подаренный нашему Вильгельму по случаю битвы при Ватерлоо, не попал в руки Бог знает кого».

На престол вступил старший сын Анны Павловны, король Вильгельм III.

* * *

В 1853 году Анна Павловна женила младшего из своих сыновей, принца Генриха, на принцессе Амалии Веймарской и решила, что, поскольку семейные дела устроены, она может позволить себе давно желанную поездку в Россию. На родине она не была целых тридцать семь лет!

Николай I с радостью принял свою самую любимую сестру. А вот племянникам и племянницам их незнакомая тетушка, вдовствующая королева, не понравилась: она показалась им слишком замкнутой, надменной и вообще странноватой. По-русски Анна Павловна говорила с удовольствием. Но «чисто карамзинским слогом начала столетия», как отмечала фрейлина Анна Тютчева, дочь поэта, состоявшая при дворе в царствование Николая I и Александра II. (Впоследствии дневник А. Ф. Тютчевой был издан под названием «При дворе двух императоров».)

Анна Павловна всегда была религиозна, но за время, проведенное на чужбине, она словно бы утвердилась в православной своей вере, и во время визита в Россию главной ее целью было посетить святыни и побеседовать с представителями духовенства. Пробыв в Санкт-Петербурге и Москве ровно столько, сколько этого требовал этикет, вдовствующая королева поехала в Троице-Сергиеву лавру. Она ходила по монастырям и церквям, поклонилась могиле Годуновых, дала обед в честь духовенства, во время которого беседовала с митрополитом Филаретом (Дроздовым), и часть этой беседы была зафиксирована. Анна Павловна сказала, что душой она не покидала России, но не могла вернуться, потому что несчастное семейство ее супруга преследовали различные бедствия: «Вы знаете мои обстоятельства: наша страна была разорвана надвое, и я не могла оставить в несчастии тех, с кем жила прежде в счастии; это было бы недостойно русской великой княжны. Потом я лишилась сына, мужа; при новом короле, моем старшем сыне, я и хотела бы уехать в Россию, но надо было руководить детьми, помогать им, долг матери меня удерживал. Когда я женила второго сына, то

почувствовала себя как бы развязанной и поспешила в Россию, где мне был оказан братом самый любезный, самый родственный прием. Я познакомилась со всем большим семейством. Если бы не этот случай, я бы осталась незнакомой всему молодому поколению Романовых…»

Стремясь избежать обсуждения политических вопросов, митрополит Филарет отвечал королеве Анне Павловне: «Мы не смеем входить в причины удерживания Вас от путешествия в Россию, но теперь должны быть благодарны Вам за то, что вспомнили Россию».

Анна Павловна кротко поблагодарила митрополита за сочувствие: «Я обязана вашему духовенству, что оно молится за меня и напоминает обо мне народу, которому без этого я была бы вовсе чужда, он совсем не знал меня».

Прикосновение к православным святыням принесло покой мятущейся душе Анны Павловне. В Нидерланды она вернулась с легким сердцем. Но, прощаясь с любимым братом, она и заподозрить не могла, что прощается с ним навеки… Николай был моложе ее, он отличался прекрасным здоровьем, и Анна Павловна надеялась снова посетить Россию и еще не раз повидаться с ним. Однако император скончался в феврале 1855 года. Как раз в разгар неудачной для России Крымской войны. Говорили даже, что он отравился, не вынеся позора бесконечных военных поражений.

На трон взошел его сын, племянник Анны Павловны, император Александр II. По торжественному случаю король Нидерландов Вильгельм III наградил его почетным орденом Святого Вильгельма. И точно такой же орден он послал французскому королю Наполеону III в честь взятия союзническими войсками Севастополя! Поступок глупый и в высшей степени бестактный, но если Александр II воспринял его с юмором, как нелепость, то Анна Павловна пришла в ярость. Она, так трепетно хранившая любовь к России, так старательно воспитывавшая эту любовь в своих детях, была оскорблена до глубины души, разочарована, взбешена… Она решила наказать своего великовозрастного сына-короля, навсегда покинуть Нидерланды и вернуться в Россию.

Анна Павловна даже не догадывалась, что там ее вовсе не ждут и не хотят. Фрейлина Анна Тютчева вспоминала: «Вошел государь с телеграммой в руках и, смеясь, сказал императрице: „Вот, милая моя, черепица нам сваливается на голову: королева Анна телеграфирует мне, что ввиду того, что ее сын, король Нидерландский, имел гнусность послать орден Св. Вильгельма одновременно мне, по случаю моего восшествия на престол, и

Людовику Наполеону, по случаю взятия Севастополя, она сочла для себя долгом чести навсегда покинуть Нидерланды и вернуться в Россию“. Императрице, по-видимому, не особенно по вкусу это проявление русского патриотизма со стороны ее августейшей тетушки. Ее нидерландское Величество имеет репутацию особы столь же неуживчивой и трудной в общежитии, сколь хорошей патриотки, и мысль иметь ее навсегда при себе, кажется, не очень улыбается Их Величествам». Позже фрейлина зафиксировала в дневнике: «Десятого (ноября) прибыла королева Анна. Государь и вся царская семья, кроме вдовствующей императрицы, поехали ей навстречу в Гатчино, где состоялся обед… Не знаю, вследствие какого недоразумения, но королева, приезд которой был назначен на пять часов, уже несколько минут как была во дворце, когда в четыре часа государь прибыл туда. Княгиня Салтыкова и я пошли быстро посетить кабинет покойного императора, как вдруг навстречу оттуда выплыли королева, государь, государыня и остальные члены семьи, все в слезах. Мы чувствовали себя очень неловко среди этой умилительной сцены. Сделав почтительный реверанс, мы поцеловали руку Ее нидерландского Величества…»

Анна Павловна хотела пожить в Гатчине, которую так любил ее давно покойный отец, но Александр II предпочитал светлое, роскошное и удобное Царское Село, куда и переехала вся семья и гостья в сопровождении придворных. Анна Тютчева писала: «Началась церемония представления. Королева была чрезвычайно милостива, говорила массу любезностей и делала бесконечные реверансы; из одного ее реверанса можно было выкроить десять наших. Королева Анна очень почтенная женщина, полная старых придворных традиций и приверженности этикету, и еще не послала к чертям все приличия, как это принято в наше время. Наши молодые великие князья и княгини, которые покатываются от смеха и гримасничают за спиной тетки, лучше бы сделали, если бы последовали ее примеру…»

В России Анна Павловна прожила несколько месяцев. Затем – то ли поняла, что здесь она не ко двору, то ли стосковалась по почестям, оказываемым ей в Нидерландах как вдовствующей королеве, а скорее всего – просто простила сына и соскучилась по своей собственной семье. Она вернулась в Гаагу, где прожила еще почти десять лет, и умерла 20 февраля 1865 года в возрасте семидесяти лет. Среди детей Павла I его младшая дочь оказалась настоящей долгожительницей.

По ее просьбе, высказанной заблаговременно (королева не надеялась прожить так долго), ее погребли не в фамильном склепе Оранской династии в Дельфте, а в православной церкви

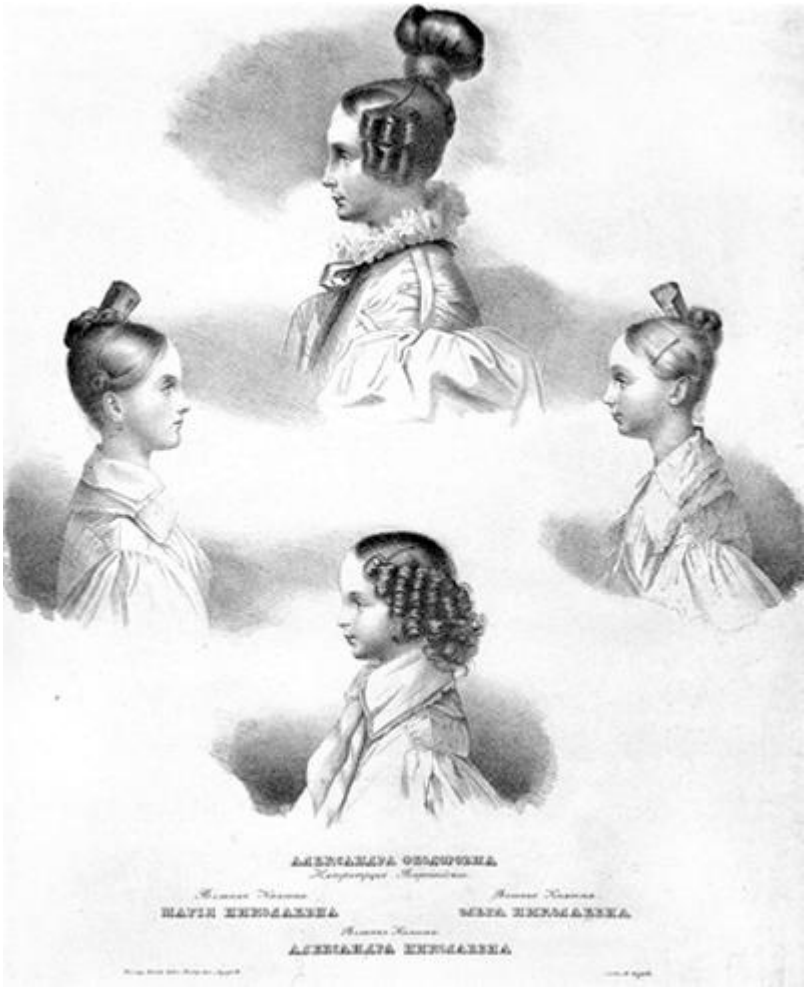
Святой Екатерины в Амстердаме, сооруженной императором Николаем I. Подданные искренне скорбели о кончине доброй и сострадательной королевы Анны. В Голландии ее помнят до сих пор. Имя Анны Павловны получила площадь и одна из улиц в Гааге. В 1999 году на площади был установлен памятник Анне Павловне.

Именем королевы – Anna Paulowna – был назван город на севере Нидерландов, который раньше носил название Зейпе. В этом городе выращиваются луковицы знаменитых голландских тюльпанов, отсюда их поставляют во все страны мира – и в нынешнюю Россию тоже. 2 марта 2005 года на центральной площади был открыт конный памятник королеве Анне. В путеводителях по городу Анну Павловну поэтично называют «русским тюльпаном, который пересадили в нидерландскую почву, и он расцвел во всей своей красе…»

Глава 3. Три жемчужины Николая I: Мария, Ольга, Александра

Все три дочери императора Николая I были красивы – это могут подтвердить сохранившиеся портреты и воспоминания. Но только одна из них – старшая, Мария, упрямая бунтарка – смогла стать счастливой. Она же единственная из всех великих княжон за всю трехсотлетнюю историю правления Дома Романовых решилась на тайный брак со своим русским возлюбленным… К младшим судьба была менее благосклонна: Ольге не досталось любви, Александре – долгой жизни.

Их родители нежно и страстно любили друг друга, что было редкостью как в семье Романовых, так и вообще в великокняжеских и королевских семьях во все времена. Многие современники вспоминали, что великий князь Николай Павлович был отчаянно влюблен в свою невесту, принцессу Шарлотту Фредерику Луизу Вильгельмину Прусскую. Это было, в общем-то, редкостью даже большей, чем супружеская любовь среди членов царской фамилии. Влюбиться в невесту до сих пор удалось только сентиментальному Павлу Петровичу. А в Николае Павловиче никто не замечал никакой сентиментальности, и вот – поди ж ты! Великий князь, о котором одна из современниц говорила: «Он дьявольски красив. Это самый красивый мужчина в Европе», – глаз отвести не мог от своей невесты, норовил проводить с ней каждую минуту, старался украдкой прикоснуться к ней, то есть, по светским понятиям, вел себя почти неприлично. Но, поскольку именно от него этого никто не ждал, эти небольшие нарушения приличий со стороны влюбленного были восприняты в свете с умилением. Казалось, нельзя было найти людей, менее подходящих друг другу, чем эта легкомысленная кокетка и мрачный, суровый Николай! Однако Шарлотте Фредерике – крещенной в православие под именем Александры Федоровны – даже нравилось, что ее молодой муж такой «бука». Она вспоминала: «…у моего Николая лицо было слишком серьезно для двадцати одного года, особенно когда он посещал общество или балы. Он чувствовал себя вполне счастливым, впрочем, как и я, когда мы оставались наедине в своих комнатах; он бывал тогда со мною необычайно ласков и нежен».



Императрица Александра Федоровна и ее дочери Мария, Ольга и Александра. Литография, 1834 год

Ласковый и нежный в интимной обстановке, Николай Павлович проявил себя любящим мужем и искусным любовником. Правда, если любящим мужем он был только для одной Александры Федоровны, то искусным любовником – для многих и многих… Барышни и дамы повально влюблялись в царя, который, помимо того что был монархом, что само по себе очень привлекательно, еще и родился на свет рослым, красивым и умел быть галантным. В общем, был неотразим. Случалось, что он сам увлекался и преследовал предмет своих чувств с тем большей страстью, чем дольше предмет упорствовал. Любвеобильность государя Николая I описывали многие русские классики – вспомнить только повести «Отец Сергий» Льва Толстого и «Неупиваемая чаша» Ивана Шмелева. Но Александра Федоровна

записала в своих мемуарах: «Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды».

После выхода мемуаров в России многие посмеялись над «наивностью бедной женщины» и упрекнули уже покойного Николая I за то, что он имел жестокость обманывать это «святое и любящее существо». Хотя на самом деле она не знала только того, чего не желала знать: того, что помешало бы ей быть счастливой. Все эти истории с совращенными фрейлинами, институтками и дебютантками, приехавшими в Петербург искать мужа и угодившими в объятия царя, – все эти истории прошли мимо ее глаз и ушей, ничем не нарушив радостной безмятежности ее жизни.

Принцесса Шарлотта Фредерика была очень мала ростом, тонка в кости и казалась субтильной, несмотря на крепкое, в общем-то, здоровье. Если бы не необходимость породниться с Пруссией, вряд ли Шарлотту выбрали бы в жены великому князю Николаю Павловичу: при ее миниатюрности у нее могли быть проблемы с деторождением, тем более что ее нареченный был высокого роста, очень крупный мужчина. Впрочем, в то время, когда ее выбирали, еще и речи не шло о том, чтобы Николай Павлович наследовал трон. Император Александр I еще не потерял надежды получить сына, но даже если бы у него не было сына – все равно: между троном и Николаем стоял брат Константин, который в то время еще не заговаривал об отречении.

Но уже в первые три года супружеской жизни она родила троих детей. Несмотря на изящество сложения и физическую слабость, которую будущая императрица любила подчеркивать, падая в обмороки во время долгих и скучных церковных служб. Правда, слабость ничуть не мешала ей танцевать на балу ночь напролет или полдня скакать верхом.

Александра Федоровна умела превращать в романтический спектакль каждую веху своей жизни, чем, наверное, немало развлекала сурового Николая, которого она называла Никс.

«Вскоре я должна была прекратить верховые поездки, так как однажды за обедней, когда я старалась выстоять всю службу не присаживаясь, я упала тут же на месте без чувств. Николай унес меня на руках. Я этого и не почувствовала вовсе и вскрикнула, только когда мне дали понюхать летучей соли и я пришла в чувство. Этот случай, в первую минуту напугавший присутствующих, был как бы предвестником моей беременности, которой я сама едва верила; это известие обрадовало всех!

Говорят, будто на том месте, где я упала, нашли обсыпавшиеся лепестки роз, вероятно из моего букета, и это нашим дамам показалось очень поэтичным. Талия у меня тогда оставалась еще довольно тонкая, хотя я пополнела и особенно похорошела в начале своей беременности».

Ее первым ребенком был сын – будущий император Александр II Освободитель – и он был на редкость здоровым и красивым младенцем, так что даже рождение дочери Марии не слишком огорчило великого князя Николая Павловича, хотя и несколько разочаровало. Врачи тревожились за здоровье хрупкой женщины, но носила и рожала она очень легко, и между родами и очередной беременностью промежуток составлял от силы три-четыре месяца. Два года спустя, в 1819 году, она записала в дневнике: «Эта зима была довольно весела, но не особенно блестяща. Признаки новой беременности испортили мне все…» Да, беременности были для бедняжки серьезным испытанием. Родить троих детей за три года – само по себе стресс для организма, но когда ради этого приходится еще и жертвовать развлечениями… Это уж поистине жестоко!

Александра Федоровна остепенилась, только когда случилась беда: ее третий ребенок появился на свет прежде времени мертвым. Врачи не стали скрывать, что это произошло по вине самой легкомысленной принцессы: она утягивала живот и танцевала на балах, покуда это было возможно, веселилась буквально до упаду, переутомлялась – и вконец истощила свое здоровье… Они посоветовали сделать перерыв и не беременеть пару лет. А во время следующей беременности Александру Федоровну буквально заточили в ее покоях, позволяя только неспешные прогулки. Всякий раз врачи внимательно наблюдали беременную, а муж становился суров и не позволял ей никаких капризов, которые могли бы навредить младенцу.

* * *

Великая княжна Мария Николаевна – в семье ее звали Мэри – родилась 6 августа 1819 года. Она была вторым ребенком в семье великого князя Николая Павловича и великой княжны Александры Федоровны и первой их дочерью. Всего год разделял ее со старшим братом Александром. Через три года после Марии, 30 августа 1822-го, родилась ее сестра Ольга, которую домашние звали Олли. Еще через три года, 12 июня 1825-го, – Александра, Адини. Родители уже начали волноваться: три девочки – и только один мальчик! Но следующим ребенком был желанный сын,

Константин, потом появился Николай, потом – Михаил, так что престолонаследие было обеспечено.

Тогда еще не было наверняка известно, что Николаю Павловичу и Александре Федоровне придется править Россией: у его старшего брата, императора Александра I, в принципе еще могли родиться дети, а потом существовал еще следующий по старшинству брат Константин, который должен был наследовать Александру.

Однако подозрения, что Александр I умрет бездетным, уже появились. А Константин Павлович, тоже не имевший сыновей, был настолько неуравновешен, что общество ужасалось даже мысли о том, чтобы он взошел на трон: он был не менее безумен, чем его отец Павел I. Так что Александра, старшего сына Николая Павловича, с самого детства воспитывали как будущего наследника престола. И его братья также считались возможными престолонаследниками.

Но воспитание царского наследника – это вовсе не излишнее баловство и нега, а напротив: приучение к ответственности с самого раннего возраста. Обязанностей у будущего государя было куда больше, чем развлечений. Впрочем, детям великого князя Николая Павловича повезло: им дали воспитание куда более свободное, нежели многим их сверстникам из аристократических семей России. «Предоставьте детям забавы их возраста: достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных», – заявил будущий Николай I воспитателям своих детей. И юные великие князья с княжнами – мальчиков в царской семье не отделяли от девочек! – проводили много времени на свежем воздухе, причем девочкам позволялось гулять без шляпок и перчаток, играть в подвижные игры. Царские дети катались на лодках, причем сами гребли, скакали верхом, а Мария даже научилась ездить на коньках, что в те времена для женщин было редкостью. У всех были собственные огородики, где они с упоением что-то сажали и пололи, была собственная корова в хлеву, за которой они ухаживали: так царским детям прививалось уважение к труду, что удивительно, но факт. Русские великие княжны не могли бы сказать, подобно королеве Марии-Антуанетте: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные». Их с раннего возраста учили понимать и уважать нужды народа, прививали сочувствие к обделенным и выдавали каждому на благотворительность 5000 рублей серебром в год… При том что никаких карманных денег у них, конечно, не было, равно как и возможности их тратить. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Для нашего гардероба было ассигновано 300 рублей до нашего пятнадцатилетия, что нам никогда бы не хватило, если

бы Мама не помогала нам подарками на Рождество и в Дни Рождений. На милостыню были предназначены 5000 рублей серебром в год. Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капитал. Каждый год Папа проверял наши расходы. После его смерти, наш капитал стал употребляться для уделов…»

Императрица Александра Федоровна с великим князем Александром Николаевичем и великой княжной Марией Николаевной. Графюра И. Куликова с портрета, написанного Джорджем Доу (после 1825 г.)

Детство у детей Николая и Александры было очень счастливое. «Не стесненное», – как утверждала Ольга Николаевна, в преклонных годах написавшая мемуары о своих родителях, братьях и сестрах, о жизни в России. Ее книга «Сон юности: записки дочери Императора Николая I великой княгини Ольги

Николаевны, королевы Вюртембергской» является драгоценнейшим документом, из которого мы можем узнать уникальные подробности семейного быта императорской семьи.

«По вечерам ходили во французский театр, ансамбль которого привлекал знатоков, а также и тех, кто любил бывать в блестящем кругу. Папа, который, после шестнадцатилетнего брака, все еще был влюблен в Мама, любил видеть ее нарядно одетой и заботился о самых мелочах ее туалета. Бывали случаи, что, несмотря на все ее протесты, ей приходилось сменить наряд, потому что он ему не нравился. Это, правда, вызывало слезы, но никогда не переходило в „сцену“, так как Мама сейчас же соглашалась с ним и Папа, немного смущенный и сконфуженный, усиливал свою нежность к ней. В определенные дни недели нам читали в Сашиной библиотеке французских классиков, особенно Мольера. Это делалось актерами Французского театра. Я вспоминаю при этом уже сильно пожилую мадам Бра, неподражаемую в характерных ролях, которая приводила в восторг и потешала Папа и дядю Михаила. Вся эта французская театральная публика занимала дом на Крестовском на берегу Невы. Часто, когда мы ехали кататься, мы останавливались под балконом и Папа звал: „Мадам Бра, вы дома?“ Старая дама пышных размеров сейчас же появлялась и начинался шуточный диалог. Папа смеялся до слез, в то время как Мама не очень одобряла скабрезные шутки в нашем присутствии. Наше религиозное воспитание было скорее трезвым. Нас окружали воспитатели протестанты, которым едва были знакомы наш язык и наша церковь. Мы читали в их присутствии перед образами Отче Наш и Верую, нас водили в церковь, где мы должны были прямо и неподвижно стоять, без того чтобы уметь вникать в богослужения. Чтобы не соскучиться, я повторяла про себя выученные стихотворения. Наш первый преподаватель Закона Божия и духовник, о. Павский, читал нам Евангелие, не давая ничего нашему детскому представлению и только позднее, о. Бажанов, стал объяснять нам Богослужение, чтобы мы могли следить за ним. Вероятно, из оппозиции к безразличному религиозному отношению нашего окружения, в нас, детях, развилось сильное влечение к нашей православной вере. Благодаря нам, наши Родители выучились понимать чудесные обряды нашей церкви, молитвы праздников и псалмы, которые в большинстве случаев читаются быстро и непонятно псаломщиками, и которые так необычайно хороши на церковнославянском языке. Для Папа было делом привычки и воспитания никогда не пропускать воскресного Богослужения и, с открытым молитвенником в руках, он стоял позади певчих. Но

Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству. При этом, он был убежденным христианином и глубоко верующим человеком, что так часто встречается у людей сильной воли. Для Мама религиозным направлением были впечатления ее протестантского воспитания. В нашей религии для нее радостью и утешением были только молитвы об умерших, оттого что они теснее соединяли ее с покойной матерью. Ни Богослужения, ни молитвы не могли умилить ее до слез. И все же, кому случалось быть свидетелем того, как Мама с Папа готовились к Причастию, должен был неминуемо прийти к заключению, до какой степени верующими они были. В эти дни Папа был преисполнен детски-трогательным рвением, Мама же скорее сдержанная, но без налета всякой грусти…»

Государь был склонен к строгости и аскетизму в быту и так же воспитывал своих детей. Пока они оставались маленькими, у них были весьма скромный гардероб, простая обстановка комнат, и даже на стол в царской семье подавали пищу скромную, простую и здоровую. Зато образование детям дали самое лучшее: чего только стоят фамилии учителей – Жуковский, Плетнев!

И не зря старались. У Александра I детей так и не появилось. Константин отказался от претензий на престолонаследие ради того, чтобы развестись с нелюбимой Анной Саксен-Кобургской и жениться на обожаемой им графине Жанетте Лович. Александру действительно пришлось править страной. Он вошел в историю под именем Александра II Освободителя.

Но прежде на престол взошел его отец Николай I, прозванный Палкиным.

* * *

Возвращаясь к детским годам трех великих княжон, необходимо снова обратиться к воспоминаниям Ольги Николаевны:

«В память моего посещения монастыря в Новгороде, игуменья Шишкина подарила мне крестьянскую избу, внутренность которой была из стекла, а мебель расшита цветным бисером. Кукла с десятью платьями, изготовленными монахинями, находилась в ней. Почти одновременно с этим подарком, Папа подарил нам двухэтажный домик, который поставили в нашем детском зале. В нем не было крыши, для того, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство,

в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна, в то время как Мэри упражнялась на рояле, а Адини играла в какую-нибудь мною же придуманную игру. По возрасту я была между ними обеими: на три года моложе Мэри, на три старше Адини и часто чувствовала себя немного одинокой. Я начала уже отдаляться от мирка игр Адини, в то время как не могла еще подойти к миру взрослых, к которому, в свои четырнадцать лет, уже принадлежала Мэри. Мои сестры были жизнерадостными и веселыми, я же серьезной и замкнутой. От природы уступчивая и стараясь угодить каждому, я часто подвергалась нападкам Мэри и высмеивалась ею, не умея защитить себя. Я казалась себе глупой и простоватой, плакала по ночам в мою подушку и стала представлять себе, что я совсем не настоящая дочь своих родителей, а подменена кормилицей моей молочной сестрой…

В детском зале, где стоял наш игрушечный домик, нас учила танцам Роз Колинетт, дебютировавшая в Малом Гатчинском театре. Мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками. После этого бывал совместный ужин и, вместо неизменного рыбного блюда с картофелем, нам давали суп, мясное блюдо и шоколадное сладкое. Зимой 1833 года эти веселые уроки прекратились оттого, что Мэри исполнилось пятнадцать лет и она переселилась от нас в другие комнаты.

По обычаю, в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трэна. На некоторых приемах, а также на большом балу, в день Ангела Папа, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем в Белом Зале. Когда мы в него входили, все приглашенные уже стояли полукругом. Их Величества кланялись и подходили к Дипломатическому корпусу. Папа открывал бал полонезом, ведя старшую чином даму Дипломатического Корпуса. В то время это была прелестная графиня Долли Фикельмон, жена австрийского посланника. За ними шли Мама с дядей Михаилом, затем я, под руку с графом Литта. Он был Оберкамергером, рыцарем Мальтийского Ордена и бежал в царствование Павла I из Италии в Россию. Человек этот был громадного роста и говорил низким басом, с сильным итальянским акцентом. Ввиду того, что он был Председателем Комиссии по постройке церквей, мне было велено навести разговор на эту тему, что я, с грехом пополам, и выполнила. В девять часов, когда начинался настоящий бал, я должна была уходить спать. Мне надлежало попрощаться с Мама, которая стояла в кругу стариков у ломберных столов. В то время как я повернулась, чтобы уйти в сопровождении своего пажа (его звали Жерве и он был немногим старше меня), до меня донеслись

слова Геккерна, нидерландского посла, обратившегося к Мама: „Как они прелестны оба! Держу пари, что перед сном они еще поиграют в куклы!“ Я с моим пажом! Эта мысль показалась мне невероятной, стоявшей вне моих представлений. Этот Геккерн был приемным отцом Дантеса, убившего на дуэли нашего великого поэта Пушкина.

Петр Соколов. Великие княжны Александра Николаевна и Ольга Николаевна в маскарадных костюмах

Во время Масленицы при Дворе был устроен большой костюмированный бал на тему сказки „Аладдин и волшебная лампа“. В Концертном зале был поставлен трон в восточном вкусе и галерея для тех, кто не танцевал. Зал был декорирован тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами, волшебство этого убранства, буквально, захватывало дух. В то время, глазу еще непривычны были такие декорации, которые мы теперь видим на каждой сцене. Мэри и я появились в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых туфлях и с тюрбанами на головах; нам было разрешено идти за Мама в полонезе. Какой блеск, какая роскошь азиатских материй, камней, драгоценностей. Я могла смотреть и искренне предаться созерцанию всего этого волшебства, без того, чтобы надо было думать об обязанностях

или правилах вежливости. Карлик с лампой, горбатый, с громадным носом был гвоздем вечера. Это был Григорий Волконский, сын министра Двора, будущий муж прелестной Марии Бенкендорф. Этот бал остался в моем воспоминании кульминационным пунктом зимы 1833 года.

Теперь как-то трудно себе представить, как часто наш Двор менял свое местопребывание между маем и октябрем месяцем. Весной мы проводили несколько дней на Елагином, чтобы избежать уличной пыли, затем Царское Село, переезд на июль в Петергофский Летний Дворец и, наконец, из-за маневров, Гатчина или Ропша с ураганом светских обязанностей: приемы, балы, даже Французский театр в маленьком деревянном доме. Мы видели эту блестящую жизнь, конечно, в своем детском понимании, или когда мы сопровождали Родителей, или же, в свободные часы, на подоконниках и слушая доносившуюся к нам музыку…

Саша и Мэри уже в течение целого года выезжали и много танцевали. Мама, выглядевшая старшей сестрой своих детей, радовалась тому, что может веселиться с ними вместе. Папа терпеть не мог балов и уходил с них, уже в двенадцать часов, спать, в Аничкове чаще всего в комнату рядом с бальной залой, где ему не мешала ни музыка, ни шум. В этой нелюбви Папа к балам и танцевальным вечерам много был виноват дядя Михаил, который не желал, чтобы офицеры приглашались на них по своим способностям к танцам, а чтобы, напротив, этими приглашениями поощрялись бы их усердие и успехи в военной службе. Но когда на балах не было хороших танцоров – не бывало и дам. В тех случаях, когда удавалось сломить упорство дяди Михаила, он появлялся в плохом настроении, ссорился с Папа и для Мама всякое удовольствие бывало испорчено…»

* * *

Еще в раннем детстве великие княжны радовали взоры окружающих своей совершенно ангельской наружностью. Но прелестные дети попадаются куда чаще, чем привлекательные взрослые. Однако когда девочки начали подрастать, стало понятно, что все три станут красавицами.

Красивая принцесса – это большая редкость. В католической Европе такие рождались раз в сто лет: из-за близкородственных браков. И вообще считались скорее сказочными персонажами. Однако в России хорошенькие и даже красивые великие княжны попадались практически в каждом поколении. Красивы были

великие княжны Александра Павловна и Елена Павловна, сестры императора Николая I. И дочери Николая тоже были по-настоящему красивы, причем все три. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на их портреты, созданные разными художниками, но все до единого запечатлевшие тонкие лица, точеные черты, большие глаза – классическую красоту, которая была как раз в моде в ту эпоху. Когда строился Исаакиевский собор, бронзовым ангелам на крыше придали узнаваемые черты великих княжон. И на постаменте памятника Николаю I тоже сидят три дочери императора и их царственная матушка, изображая Правосудие (с весами), Силу (с мечом), Мудрость (с зеркалом) и Веру (с крестом и Библией).

Александру Николаевну и Ольгу Николаевну «тиражировали» чаще, чем Марию: она считалась менее привлекательной. Слишком высокий лоб, да и подбородок тяжеловат – на всех портретах она выглядит волевой и энергичной. Особенно интересны в этом отношении парные скульптурные портреты Марии Николаевны и Николая I, созданные Христианом Даниэлем Раухом и хранящиеся в Эрмитаже. Они наиболее точны анатомически – и достаточно на них взглянуть, чтобы стало ясно: Мария Николаевна была просто копией своего отца и ничего не взяла от утонченной, хрупкой матери. Правда, она все равно считалась красавицей, ибо действительно выделялась на фоне других барышень из лучших семей России.

По характеру император и его старшая дочь тоже были очень схожи. Оба – решительные, упрямые, сильные и несгибаемые. Николай I был человеком мрачным, несколько тяжеловесным, и не умел менять принятых решений. Его дочь отличалась от него тем, что совершенно не терпела несправедливости и готова была до конца отстаивать то, что считала правильным. Придворная фальшь вызывала у нее отвращение. Среди близких ей людей великая княжна Мария Николаевна старалась быть предельно искренней… Даже тогда, когда это могло принести боль и близким, и ей самой.

Христиан Даниэль Раух. Портрет великой княгини Марии Николаевны

Христиан Даниэль Раух. Портрет великого князя Николая Павловича

Кажется, Ольга Николаевна в глубине души сохранила обиду на старшую сестру и, хотя всячески восхваляла Марию Николаевну в своих мемуарах, все же не сумела удержаться от критики: «Очень скорая в своих решениях и очень целеустремленная, она добивалась своего какой угодно ценой и рассыпала при этом такой фейерверк взглядов, улыбок и слов, что я просто терялась и даже утомлялась, только глядя на нее. Я чувствовала себя часто несвободной в ее обществе, ее непринужденность сковывала меня, ее поведение пугало, оттого что я не могла объяснить себе того, что за ним таилось. Если она бывала хороша со мной, я сейчас же подпадала под ее очарование, но единогласия между нами почти не было. И тем не менее, она была хорошим товарищем и верной подругой и ее вера в дружбу никогда не ослабевала, несмотря на некоторые разочарования. Ни один из просителей никогда не уходил от нее без ответа, но те, кто знал ее, больше просил услуги, чем совета. Никто не ожидал от этого возбужденного сердца терпения, благоразумия или глубокого понимания. Так и политические соображения не вызывали в ней ничего кроме спешных импульсов, часто даже противоречащих один другому. Гораздо позднее, когда благодаря урокам жизни ее натура укрепилась и стала выносливей, я же приобрела больше уверенности в себе, наше взаимное чувство друг к другу стало много крепче. Конечно, она была в сотни раз ценнее меня, она была способнее, чем все мы семеро вместе, но одного не хватало ей: чувства долга. Она не умела находить поставленные перед ней задачи и завидовала тому, с каким жаром я могла им отдаваться…»

Но именно Ольга Николаевна оставила самые живые воспоминания о юной Мэри: «Она наслаждалась тем, что вызывала восхищение как у молодых, так и у старых. Ее красота была совершенно особого рода, она соединяла в себе две вещи: строгость классического лица и необычайную мимику, лоб, нос и рот были симметричными, плечи и грудь прекрасно развиты, талия так тонка, что ее мог обвить обруч ее греческой прически. Понятие о красоте было для нее врожденным, она сейчас же понимала все Прекрасное. Она ярко переживала все ею виденное и была чужда всякому предубеждению…»

Тимофей Нефф. Портрет великих княжон Марии Николаевны и Ольги Николаевны (1838 г.)

* * *

При всех выдающихся качествах своего характера и темперамента, в детстве Мария была наименее любимой из трех дочерей.

Мать обожала Александру, самую красивую, самую кроткую, лучше всех учившуюся. На диво совершенное создание, к тому же совсем не доставляла хлопот воспитателям и родителям. Императрица гордилась и восхищалась своей младшей дочерью, ей было приятно, что это живое чудо произвела на свет именно она.

Отец выделял Ольгу: она тяжело болела в детстве, ее едва не потеряли, и, бывало, император бодрствовал ночами у постели дочери и, стоя на коленях, с чашкой и ложечкой в руках, умолял

свою малютку выпить хоть немного бульона… В отличие от ангелоподобной Александры, Ольга была сильной и волевой натурой, но менее пылкой и упрямой, чем Мария. О ней говорили, что обладает она «рассудком холодным, умом здравым и вместе с тем большим самолюбием». Ольга всегда во всем покорялась воле отца. Ему это льстило. Мария была способна с ним спорить, она была непослушна. А Ольга смирялась, как бы ей это ни было тяжело.

Мария была особенно дружна со своим старшим братом Александром, будущим царем-Освободителем. И обожала, боготворила отца. Государь же в шутку называл ее «мое ужасное дитя». Он и возмущался ее характером – и вместе с тем восхищался.

Чем старше становилась Мария, тем больше отец с ней считался – и тем сильнее ее любил. Она не раз подавала ему повод для гордости. Ольга Николаевна вспоминала, как во время поездки императорской семьи в Москву Мария высказала «блестящую мысль»: «…чтобы мы, сестры, из собственных сбережений, по примеру наших предков, учредили какой-либо общественный фонд; начальные училища для девочек оказались необходимыми. Был учрежден Дамский Комитет, пожертвования со стороны предпринимателей и купцов не заставили себя ждать, так что в течение только одного года были учреждены 12 школ в разных частях города, которые назывались „Отечественные Школы“ и прекрасно работали!»

В общем, можно сказать, что Мария Николаевна обладала государственным умом. Она могла бы стать достойной женой любому европейскому правителю… Но выбрала другую судьбу.

В пятнадцать лет Мария Николаевна с матерью ездила в Берлин, где ее принимали уже как взрослую даму. После возвращения она получила отдельные апартаменты – в России ее тоже признали взрослой и позволили покинуть детскую. Ольга Николаевна вспоминает: «Она похорошела, бабочка выпорхнула из кокона. Ее сходство с Папа сказывалось теперь особенно, профиль к профилю она казалась его миниатюрой. И она стала его любимицей, веселая, жизнерадостная, обаятельная в своей любезности. Очень естественная, она не выносила никакой позы и никакого насилия. Ее ярко выраженная своеобразность позволяла ей всюду пренебрегать этикетом, но делала она это с такой женской обаятельностью, что ей все прощалось. Переменчивая в своих чувствах, жесткая, но сейчас же могущая стать необыкновенно мягкой, без рассудочно следуя порыву, она могла флиртовать до потери сознания и доставляла своим поведением часто страх и заботы Мама. Сама еще молодая, она радовалась

успеху Дочери, испытывая в то же время страх перед будущностью Мэри…»

Страх Александры Федоровны был вполне объясним. В императорской семье не представляли, за кого же сможет выйти замуж их взбалмошная Мэри!

Когда праздновали шестнадцатилетие великой княжны Марии Николаевны, ее отец, император Николай I, пообещал исполнить любое ее желание. И Мария Николаевна сказала, что желает никогда не покидать Россию и не расставаться со своими родными. Совершенно невероятное желание: со времен Петра Великого русских великих княжон выдавали замуж за иноземных правителей, скрепляя тем самым политические связи между государствами. Но император никогда не изменял данному слову. Раз пообещал исполнить любое желание – значит, придется исполнить даже такое. Царь сказал дочери, что позволяет ей остаться. Он надеялся, что со временем Мария поймет, сколь безумна и даже неприлична ее затея, захочет выйти замуж, и тогда ей волей-неволей придется покинуть родину… Но Мария не отступила от своего решения.

В 1837 году, во время торжественного празднования двадцатипятилетия Бородинской битвы, Россию посетили многие знатные особы, иные и из числа бывших врагов. Среди них был и двадцатилетний герцог Максимилиан Лейхтенбергский, сын Евгения Богарне, пасынка Наполеона и вице-короля Италии, от его брака с Амалией Августой Баварской. Несколько сомнительное происхождение, да и к тому же – герцог без герцогства. Не лучшая пара для дочери государя Российского. Однако он был талантлив. Удивительно талантлив для аристократа. И страстно увлечен своей работой.

Вот что пишут о Максимилиане Лейхтенбергском в энциклопедии Российской академии художеств: «Он привез с собой в Россию крупную коллекцию произведений искусства, которая в 1880-х гг. в течение нескольких лет размещалась в Академии художеств. Обладал обширными познаниями в области естественных наук. С 1839 г. – почетный член Академии наук. Изучал гальванопластику, электро-химическую металлургию, минералогию, горное дело. Развивая идеи о гравировании с гальвано-пластических досок, ставил опыты. В 1844 назначен главноуправляющим Института корпуса горных инженеров. Способствовал развитию железных дорог в России. С 1843 по 1852 г. – президент Академии художеств. В 1851 г. организовал в залах Академии первую в истории России выставку произведений из частных собраний. В бытность герцога Лейхтенбергского президентом было открыто Мозаичное отделение при Академии

художеств, Московская художественная школа, частные школы в Саранске, Киеве, Варшаве – Академия им покровительствовала и помогала учебными пособиями».

Вел себя Максимилиан скромно, но достойно. Не претендовал на особенное отношение, но невольно вызывал его. Прежде всего, у Николая I, который уже через несколько дней после знакомства поделился с приближенными, что был бы рад назвать Максимилиана сыном. А затем и у великой княжны Марии Николаевны, которую все считали особой вздорной, со скверным характером. Мария и Максимилиан быстро подружились. Марии с ним было интересно, а он… Он – влюбился.

Ольга Николаевна вспоминала: «Принцев из заграницы уже прибыло туда; между ними также и Принц Карл Баварский и с ним его племянник, Принц Лейхтенбергский. С первого же взгляда Мэри его поразила. И он понравился ей, так как был очень красивый мальчик. Но главным образом, ей льстило то впечатление, которое она произвела на него и мысль о том, что он может стать ей мужем, сейчас же пришла ей в голову. Согласится ли он остаться с ней в России? Я повторяю, что ей только пришла эта мысль… ни о каком серьезном чувстве еще не могло быть и речи».

Впрочем, многие считали, что и Мария так же влюбилась с первого взгляда. И что Максимилиан Лейхтенбергский для нее – идеальная пара. «Через четыре дня стало ясно, что Макс и Мэри созданы друг для друга», – писала Ольга Николаевна.

После торжеств Максимилиан покинул Россию, испросив разрешения писать Марии Николаевне. Год длилась переписка. Потом Максимилиан вернулся с намерением просить ее руки. Он надеялся на то, что могущественный царь, выказывавший ему столько симпатии, не сочтет наглостью его претензии на брак со своей дочерью. Он понимал, что вряд ли может считаться достойной парой для русской великой княжны… Однако ему уже нашептали, что княжна не намерена покидать Россию. И Максимилиан горячо уповал, что это решит дело: он был готов остаться в России и даже принять православие.

Мать юного герцога пришла в восторг от перспективы столь блестящего брака и согласилась на условия, выдвинутые Николаем I: Максимилиан будет служить России, а его дети, которые станут князьями и княжнами Романовскими с титулом императорских высочеств, – крещены и воспитаны в православной вере.

Осенью 1838 года герцог Максимилиан Лейхтенбергский приехал в Россию. Вскоре состоялась и помолвка. Императрица

лично придумала для дочери наряд: русское парадное платье и белая тюлевая накидка, затканная серебром.

То, что жених и невеста нравятся друг другу, было видно невооруженным взглядом. Но предстоящее родство с сыном Богарне огорчало некоторых членов императорской семьи, в том числе брата Марии цесаревича Александра и ее тетушку герцогиню Марию Павловну Саксен-Веймарскую.

При прусском дворе союзом великой княжны с Максимилианом Лейхтенбергским также были недовольны, что было наглядно продемонстрировано в дни свадебных торжеств, когда прусская семья прислала поздравления через персону явно недостаточно высокого для такого поручения ранга – майора Браухича.

* * *

Василий Андреевич Жуковский среди всех своих воспитанников выделял великую княжну Марию. Она была самой способной и больше всех интересовалась учебой. Правда, успехи ее были далеко не так значительны, как могли бы стать, приложи она больше усердия. Но для Марии было главным искренне увлечься изучаемым предметом. Она не могла просто зубрить. Она должна была понять и полюбить то, что изучает.

Мария питала особенную страсть к изобразительному искусству, хорошо рисовала, старательно училась. Несколько уроков дал ей Брюллов. И хотя сама Мария художницей не стала, она на всю жизнь сохранила восторженное отношение к искусству.

С Жуковским они оставались друзьями многие годы. Переписывались.

«Где Вы теперь? Бог знает… Но где бы Вы ни были, в каком краю или в городе, верно, вам не так хорошо, как мне: я ведь в Русской земле, Святой земле для нас обоих», – писала Мария Николаевна своему бывшему учителю во время его длительного путешествия.

«Да, Василий Андреевич, мой старший друг, друг с колыбели, не кажется ли Вам странно, что маленькая Мэри, упрямая, ленивая Мэри, так часто Вас сердившая, скоро пойдет под венец? О, поздравляйте меня от души! Вы не поверите, как я счастлива! Неужели идеал моего воображения вечно оставаться в матушке-России, в бесценной Родине сделался явным?..» – написала она несколько лет спустя, когда вопрос о ее помолвке с Максимилианом Лейхтенбергским решился положительно.

* * *

Максимилиан и Мария обвенчались 2 июля 1839 года.

Царь щедро одарил молодых: помимо многочисленных драгоценностей, великолепного фарфора, серебряной и золотой утвари он презентовал им поместье Сергиевка на берегу Финского залива и приказал построить дворец на главной площади столицы, напротив Исаакиевского собора. Дворец этот еще в самом начале строительства был назван Мариинским. Так он называется и по сей день.

Во время подготовки к торжествам приданое Марии Николаевны выставили в Зимнем дворце. Ольга Николаевна описала его роскошь в своих мемуарах: в одном из залов «целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом все, что нужно для стола; в другом – серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья; в третьем – русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними – подвенечное платье, воскресный туалет, также и парадные платья со всеми драгоценностями к ним, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов».

Максимилиан перед свадьбой подарил Марии ожерелье из шести рядов отборного жемчуга.

Высший свет Петербурга тоже тщательно готовился к свадьбе. Еще загодя Николай I наполовину в шутку, наполовину всерьез попросил дам быть в праздничные дни и вечера еще более нарядными, чем обычно. И, конечно, модницы с радостью выполнили императорскую просьбу.

Невеста же была наряжена для венчания согласно традиции: в русский сарафан из серебряной парчи и отделанную горностаем пурпурную мантию. Костюм дополняла бриллиантовая великокняжеская корона.

Даже маркиз де Кюстин, французский путешественник, оставивший воспоминания, полные самых злобных измышлений (за что Жуковский, человек кротчайшего нрава, назвал его «собакой»), не смог сдержать восхищения: «Царская роскошь, казалось, соперничала с величием Бога. В тот момент, когда духовенство и хор запели „Тебя Бога славим“, выстрелы из пушек возвестили городу о свершившемся бракосочетании. Музыка, пушечные выстрелы, звон колоколов и отдаленные крики народа не поддаются описанию… Юная невеста полна грации и чистоты. Она белокура, с голубыми глазами, цвет лица нежный, сияющий всеми красками первой молодости. Она и ее сестра, великая княжна Ольга, казались мне самыми красивыми из всех,

находившихся в церкви».

Венчание происходило в Зимнем дворце: сначала по православному, затем по католическому обряду. После него гостей позвали на обед, а вечером – на бал, длившийся недолго: всего полтора часа. Зато 4 июля, после того как молодые приняли официальные поздравления, в Белом зале Зимнего дали большой бал.

Это была первая свадьба в семье императора. И отмечалась она с поистине грандиозным размахом, став одним из колоссальнейших праздников за всю николаевскую эпоху.

«Здесь было столько сокровищ, что они могли бы поразить самое непоэтическое воображение. Это зрелище подобно самым фантастическим описаниям из „Тысячи и одной ночи“, это поэтично, как „Лалла Рук“, как „Чудесная лампа“; это что-то вроде восточной поэзии, где ощущение служит источником чувства и мысли. Я мало что видел подобное по великолепию и торжественности», – признавался язвительный де Кюстин. Балы и гулянья длились две недели.

Радость молодоженов и императорской четы, правда, омрачало то, что на свадьбу не приехали ни родственники герцога Лейхтенбергского, ни члены связанных с Романовыми родством венценосных фамилий. Генерал граф Павел Петрович Сухтелен отмечал: «Государю очень неприятно, что к этому торжеству не явился ни один из принцев родственных домов; он это поставил бы очень высоко также и потому, что этот брак находил оппозицию в самой России и не нравился иностранным дворам».

* * *

Мария оказалась самой счастливой из трех дочерей Николая I. Судьба обеих ее младших сестер сложилась менее удачно.

Обе они – и Олли, и Адини – были болезненны с малолетства. Но Ольгу Николаевну считали совсем уж слабеньким созданием, одно время даже обсуждалось, что ей нельзя выходить замуж, что первая же беременность убьет ее. Тогда как Александра Николаевна на ее фоне казалась практически здоровой девочкой. По крайней мере, она выдерживала многочасовые богослужения без дурноты и признаков усталости. Адини обожала долгие прогулки верхом. Она могла подхватить на руки одного из своих младших братьев и кружить его в воздухе – Николай и Михаил обожали эту забаву. Впрочем, она часто простужалась и у нее еще в подростковом возрасте случались боли в суставах. Ольга

Николаевна вспоминала, что во время поездки в Москву «…Адини не могла сопровождать нас, у нее болела нога и ей пришлось пролежать все время нашего пребывания в Москве на шэз-лонге. Днем ее носили по нашей потайной лестнице наверх к Мама и она принимала участие в разучивании духовных песен, которое выдумал Папа, с тех пор, как узнал от Филарета, что Петр Великий пел в хоре. Наша часовня была сейчас же под комнатами родителей, туалетная Мама даже сообщалась с хорами. Папа, Саша, Мэри и Адини, у которой было прекрасное сопрано, а также Анна Алексеевна и еще некоторые, пели всю обедню. Алексей Львов сочинил для них песнопения, между ними „Отче Наш“ и чудесную „Херувимскую“, специально для Адини».

Музыку Александра Николаевна любила страстно. Современник писал: «…десяти лет она уже любила слушать Бетховенские сонаты и симфонии, а тринадцати лет исполняла классические пьесы с редким пониманием. С двенадцати лет во всех ее движениях, и особенно в танцах, начала сказываться пленительная грация, которой неизменно любовались Император и Императрица. У Великой Княжны обнаружился замечательный голос, диапазон которого достигал трех полных октав. По совету графини Росси Императрица решила развивать выдающееся вокальное дарование дочери. Император Николай Павлович не только охотно слушал пение Великой Княжны, но и сам пел вместе с ней и фрейлиной Бартеневой церковные трио…»

Увлекалась она и историей. Путешествуя в 1839 году за границей с императрицей Александрой Федоровной, Адини в письмах к сестрам подробно описывала все посещаемые страны, дополняя описания историческими экскурсами.

«Я нахожусь в сердце Германии, Нюрнберге, – писала она в одном письме, – и начинаю понимать величие средних веков».

Владимир Гау. Великая княжна Александра Николаевна

«Я не нахожу достаточно слов, чтобы выразить наслаждение и счастье видеть Альпы, – писала она в другом письме. – Они оказались еще величественнее и красивее, чем я представляла».

В качестве учителя пения к великой княжне был приглашен итальянец Солива, который после года занятий обратил внимание на постоянный кашель своей ученицы. Он обратился к лейб-медикам – но они не нашли у великой княжны какой-либо болезни, а императору не понравилось, как настойчиво Солива рекомендовал Александре Николаевне уехать для длительного лечения в Италию. Учитель был уволен. Но сменившая его итальянка госпожа Чекка также отмечала болезненную хрипотцу, иногда пробивавшуюся в восхитительном голосе ее ученицы. Почему на мнение учителей не обратили никакого внимания –

непонятно. Возможно, причина в несовершенстве медицины того времени: на ранних стадиях чахотку не могли диагностировать… А ведь великая княжна была больна именно чахоткой, которая, по всей видимости, давно уже угнездилась в ее легких. Этот бич девятнадцатого столетия, не щадивший ни хижин, ни дворцов, не пощадил и великую княжну, в которой все знакомые примечали «большой талант души и сердца».

Несмотря на болезнь, в семнадцать лет Адини смотрелась цветущей красавицей, и доктора находили, что она вполне готова для супружества. Вопрос этот был весьма актуальным: дело в том, что великая княжна влюбилась и мечтала о замужестве. Избранником ее сердца стал принц Фридрих Гессен-Кассельский. Двадцатидвухлетний наследник датского престола приехал в Петербург, чтобы посвататься к Ольге Николаевне, но с первого взгляда влюбился в ее младшую сестру. Александра Николаевна была в ту пору не просто красива – она была ослепительна. «Кто тогда видел великую княжну, тот должен был сказать, что небо наделило свое лучшее создание всеми талантами духа и всем блеском земли», – вспоминал современник. Фридрих просил ее руки. Адини ничего определенного не ответила – она и не могла сама решать такие серьезные вопросы! – но ночью пришла в кабинет к отцу и на коленях просила его дать согласие на ее брак с принцем Гессен-Кассельским. С политической точки зрения этот брак был приемлем. И, поскольку основывался на взаимных искренних чувствах молодых людей, – был более чем желанным для русского императора, обожавшего своих дочерей.

Принц получил согласие и уехал в Копенгаген, готовиться к официальной помолвке. Александра Николаевна осталась ждать. В то лето императорская семья снова посетила Москву. И там впервые обратили внимание на то, что Адини покашливает и быстро утомляется. Она даже несколько раз просила освободить ее от вечерних приемов. Но к зиме она окрепла, держала наравне со всеми пост, радостно ждала жениха, который прибыл в конце декабря. Состоялась официальная помолвка и большой прием по этому торжественному случаю. И именно на этом приеме лейб-медик Виллем, коснувшись руки Александры Николаевны, обратил внимание на то, что ладонь ее влажна и холодна. «Она явно нездорова», – сказал Виллем своему коллеге.

Несмотря на опасения лейб-медика, Александра Николаевна оставалась бодрой и веселой, она наслаждалась обществом жениха, радостно предвкушала то время, когда они с Фридрихом будут полностью принадлежать друг другу… Пока же им во имя соблюдения приличий приходилось находиться в обществе нескольких фрейлин и великой княжны Ольги Николаевны,

которая – возможно, искренне, а возможно, из-за обиды и зависти, ведь она была старше, а принц выбрал не ее! – заявляла, что считает жениха сестры «незначительным и без особых манер».

В Петербург приехал отец жениха, старый ландграф Вильгельм Гессен-Кассельский. Он был от всего сердца восхищен прелестью своей будущей невестки и полюбил Александру Николаевну как родную дочь. Император Николай I, в свою очередь, проникался все большей симпатией к своему будущему зятю. Все обещало молодым абсолютное счастье. Придворные умиленно говорили, что младшую из великих княжон ожидает будущее, подобное «заре прекрасного дня», ибо жених не мог на нее насмотреться, а искренняя любовь между женихом и невестой благородной крови – это такая редкость! Было решено, что молодые проживут в России до весны. В Копенгагене тем временем подготовят для них дворец, а еще дом у моря для летнего отдыха…

Владимир Гау. Великая княжна Александра Николаевна (1840 г.)

В январе 1844 года состоялась свадьба. В Петербурге по этому случаю было дано более десятка балов только в Зимнем дворце, а еще все знатные вельможи устраивали праздники в честь новобрачных. Александра Николаевна веселилась от души. Но однажды, возвращаясь с бала у графа Нессельроде, она почувствовала удушье и открыла окно кареты. Морозный воздух принес ей облегчение – и простуду. У Александры Николаевны – теперь уже великой княгини и принцессы Гессен-Кассельской – поднялась температура. Новобрачная не желала обращать внимание на недомогания, продолжала посещать балы, но ей становилось все хуже и вскоре она слегла. Тогда же открылось, что Александра Николаевна беременна: взаимная любовь супругов принесла свои естественные плоды. Доктора окружили великую княгиню самой пристальной заботой, ей запретили выезжать, настаивали, чтобы она больше времени проводила в покое, лежа на диване. Молодой супруг оставался с ней, читал ей вслух Платона, труды которого Александра Николаевна считала весьма полезными и облагораживающими, а принц Фридрих с ними прежде не был знаком и открывал их для себя. Однако, несмотря на покой и лечение, ей не становилось лучше. Александру Николаевну лихорадило, она задыхалась, худела вместо того, чтобы набирать вес, как положено будущей матери, и на щеках у нее появился специфический румянец… Все указывало на признаки чахотки. Но врачи еще надеялись, что рождение ребенка может оздоровить слабую и чахнущую девушку. В те времена чахоточных барышень иногда специально выдавали замуж: отчего-то считалось, что беременность может укрепить организм. Хотя на самом деле беременность только усугубляла течение болезни.

Николай I в то время был с визитом в Великобритании, но спешно вернулся, узнав, что у его младшей дочери подозревают чахотку. К его приезду ситуация была уже безнадежной: лейб-медик Мандт сообщил государю, что одно легкое Александры Николаевны не дышит вовсе, другое поражено, так что надежды нет…

Молодые супруги переехали в Царское Село. Там, на свежем воздухе, Александре Николаевне стало легче. Но все равно она задыхалась даже во время прогулок в открытой коляске. Спальню ей устроили в большом открытом кабинете, с семью окнами, где постоянно циркулировал воздух. Но юной великой княгине становилось все хуже. Ее супруг обезумел от горя: обожаемая жена угасала с каждым днем!

Из-за слабости Александра Николаевна не смогла выносить ребенка и 29 июля родила шестимесячного мальчика, который

прожил полтора часа, что позволило окрестить его: по лютеранскому обряду, согласно брачному договору. В том, что малютка Вильгельм умрет, не сомневался никто. Сама Александра Николаевна пережила сына на пять часов. Ей не сказали, что сын ее умер, и Александра Николаевна надеялась, что, возможно, малютку смогут выходить. Наивная надежда: в те времена столь недоношенные дети не выживали. Она успела исповедоваться, причаститься и даже сказать несколько утешительных слов своему мужу, который все равно оставался безутешным, прежде чем лишиться чувств от слабости и удушья. Скончалась Александра Николаевна уже не приходя в сознание.

«Видеть Папу было поистине душераздирающе, – писала в своих мемуарах Ольга Николаевна. – Совершенно внезапно он превратился в старика. Мама много плакала».

Младший брат, Константин Николаевич, особенно друживший с покойной, записал в дневнике о дне погребения сестры: «4 августа. Настал, наконец, тяжелый последний день. Не забуду я никогда, как гроб понесли, как Папа в полголоса сказал: „С Богом“, как гроб медленно стал спускаться в тихую могилу, как мы все бросили на него землю, как, наконец, я в последний раз взглянул на него в глубине могилы – и все исчезло с лица земли, что было Адини».

Погребена Александра Николаевна в Петропавловском соборе, у северной стены, недалеко от западных дверей.

Петербург оделся в траур, как говорили – «в городе не было ни одного сухого глаза». Императрица Александра Федоровна заболела от переживаний. В Царском Селе, в той комнате, где умерла Александра Николаевна, ее родители устроили молельню, в центре которой на иконостасе поместили икону, написанную Брюлловым: «Святая царица Александра, вознесенная на небо». Брюллов лично знал царских дочерей, был потрясен ранней смертью этой доброй и кроткой девочки и придал святой Александре черты покойной великой княжны. В память преждевременно умершей великой княгини в Петербурге открыли женскую Александринскую больницу (на Надеждинской улице) и устроили образцовый приют с сиротским отделением для девочек.

Фридрих Гессен-Кассельский носил траур по Александре Николаевне девять лет. Он хотел бы и вовсе не жениться, но был принужден родными. 14 мая 1853 года он сочетался браком, предварительно испросив на то благословение своего бывшего тестя императора Николая I, с принцессой Марией Анной-Фредерикой Прусской, которая приходилась внучкой великой княгине Марии Павловне и правнучкой русскому императору

Павлу I. Очередное причудливое переплетение династических судеб…

5 сентября 1866 года он взошел на трон под именем ландграфа Фридриха Вильгельма II. Вторая жена родила ему шестерых детей. Но Фридрих никогда не забывал свою возлюбленную Адини и первого ребенка, несчастного маленького Вильгельма. Каждый год – до самой смерти! – 29 июля ландграф надевал траурные одежды и уединялся для молитв за своих дорогих усопших, для того чтобы оплакать супружеское счастье, которое длилось так недолго, а могло бы украсить всю его жизнь.

* * *

Мария Фредерикс, дочь фрейлины и лучшей подруги императрицы, оставила подробные записки об этом ужасном несчастье:

«Лето это вся царская фамилия проводила в Царском Селе; надеялись, что воздух этой местности будет здоровее для возлюбленной больной; но ей становилось все хуже, сухой кашель и жгучая лихорадка ее одолевали; она, видимо, гасла. Помню, как в день смерти великой княгини матушке, возвратившейся домой только для того, чтобы с нами пообедать, во время стола пришли сказать, что Ее Высочество скончалась. Мать моя бросила и нас, и обед и поспешно отправилась к убитой горем императрице. Вечером меня повезли приложиться к телу усопшей. Это была первая покойница, которую мне приходилось видеть. Она была чудо как хороша; лежала на своем смертном одре, как изваянная из белого мрамора статуя; около нее покоился ее новорожденный ребенок, которого, кажется, она даже не доносила, и он жил только несколько часов. Комната была в полумраке, все было тихо, уныло; слышался только голос дьякона, читавшего нараспев грустным, тихим голосом Св. Евангелие. Первое семейное горе, постигшее нашу дорогую императорскую фамилию!

Орас Верне. Царскосельская карусель. Николай I с семьей (1843 г.)

Вся Россия приняла жгучее участие в несчастии, поразившем ее возлюбленных царя и царицу… Государь и императрица были в отчаянии и много лет не могли оправиться от этого горя. Александра Николаевна скончалась в Царскосельском Александровском дворце, в большом угловом кабинете императрицы. Место, на котором стояла кровать страждущей дочери, впоследствии было отделено от кабинета, и на нем устроена Молельня в ее память. Наш известный художник Брюллов написал поясной образ, натуральной величины, где чудное лицо Александры Николаевны изображено в лике Св. мученицы царицы Александры, Восходящей на небо. Образ этот поставлен по средней стене, а по боковым стенам висят киоты со всеми принадлежавшими покойнице иконами.

Императрица не занимала больше этот кабинет. Она не в

силах была жить в комнате, напоминавшей понесенную ею утрату. Поэтому распределение покоев Ее Величества было совсем переиначено, и в Александровском дворце больше никогда не давалось при жизни Николая Павловича и Александры Федоровны ни балов и никаких празднеств. Их Величества не хотели, чтобы веселились в залах, через которые проносились останки их возлюбленной дочери, отошедшей преждевременно в вечность. В одной из зал был поставлен походный иконостас, и там стояло несколько дней тело покойной Великой княгини, до перенесения его в Петропавловскую крепость.

Во время своей болезни Александра Николаевна задумала устроить сюрприз своим родителям и приказала построить на одном из островков в Царскосельском парке, на котором она часто проводила время со своей матерью, небольшой сельский деревянный домик. Но сюрприз этот был готов уже после ее кончины. Там поставлен монумент в ее память. Ее статуя во весь рост, держащая на руках младенца, стоит на облаках и собирается улететь. Статуя эта исполнена из белого мрамора художником Витали, сходство поразительно, особенно профиль совершенно ее. В домике висит небольшой акварельный портрет Великой княгини, с подписью слов, сказанных ею: „Je sais gue le plus grand plaisir de papa c'est d'en faire a mamman!“ („Я знаю, что самое большое удовольствие Папа состоит в том, чтобы делать удовольствие Мама!“) Она все это устраивала в память себя для матери, в мысли, что она оставит родительский дом и отечество, чтобы следовать за мужем! На пруду, окружающем этот островок, плавают черные лебеди. Грустное место!..»

* * *

Ольга Николаевна, всегда считавшаяся более слабой, намного пережила свою младшую сестру. Ей не суждено было познать счастье взаимной любви – зато жизнь ее сложилась спокойно и относительно благополучно.

Олли, как называли ее в семье, отличалась вдумчивостью и завидной наблюдательностью, да еще и прекрасной памятью, которую она продемонстрировала, на склоне лет описав свои детство и юность. Уже в тринадцать лет Ольгу отличал критический и реалистичный взгляд на мир, что видно из ее воспоминаний о путешествии с родителями по германским княжествам в 1825 году: «Для меня это были незабываемые, но не всегда приятные впечатления. В этой массе принцев и принцесс я, которая всегда была несколько позади, видела и слышала вещи,

которые меня обижали и открыли глаза на истинные чувства по отношению к России. Вокруг Папа – только восхищение на самых высоких тонах. А в последних рядах – насмешки, критика, зависть…»

Великая княжна Ольга Николаевна. Литография Шертеля (1830-е гг.)

Красота Ольги Николаевны производила неизгладимое впечатление на всех, кто ее видел, – особенно если ее не имели возможности сравнивать с ослепительной Адини. «Невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность, – вспоминал ее современник. – Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты называют небесным».

В 1838 году Николай I отвез свою супругу и трех дочерей в баварские Альпы: Александра Федоровна должна была лечиться в местечке Крейт молочной сывороткой, якобы чудесно помогавшей от болей в желудке. Потом вся семья гостила в Мюнхене. Император хотел просватать свою старшую дочь Марию за принца Макса Баварского. Но Макс неожиданно влюбился в Ольгу Николаевну и буквально преследовал ее своими чувствами. Впрочем, ей он не понравился решительно. Равно как и Марии Николаевне. Неволить же своих дочерей Николай I не хотел.

Зато вернувшись в Россию, шестнадцатилетняя Ольга Николаевна влюбилась в князя Александра Барятинского. Несмотря на безупречное воспитание, юная девушка не смогла скрыть своих чувств, тем более что взоры всего высшего света были прикованы к ней – и к ее избраннику. Богатые и очень знатные Барятинские вели род едва ли не от Рюрика, и Романовым, в сущности, были почти ровней, разве что не коронованной. Кто-то пустил сплетню, будто князь Александр намерен открыто просить руки Ольги, а то и похитить ее себе в жены, ибо ничем он не хуже иноземных принцев из мелких европейских государств, за которых обычно и отдавали русских великих княжон. Все замерли в предвкушении скандала, но… Ничего не произошло. Видимо, Ольга сумела обуздать свои чувства. А Барятинский оказался недостаточно решительным.

Через год Ольга Николаевна влюбилась снова: в эрцгерцога Стефана. Он был сыном палатина Венгерского Иосифа, того самого, который первым браком был женат на ее тетке, несчастной Александре Павловне. Стефан был блестящим молодым человеком, образованным и утонченным. Старший брат Ольги Николаевны цесаревич Александр познакомился с ним в Вене, и Стефан произвел на наследника русского трона самое благоприятное впечатление. Поскольку в будущем Стефан должен был стать наместником австрийского императора, он был подходящей партией для русской великой княжны. Печальный опыт супружества покойной Александры Павловны в расчет не брался: времена изменились, совместная победа над Наполеоном улучшила отношения между Австрией и Россией. Эрцгерцогу Стефану этот брак тоже казался привлекательным, тем более что необыкновенная красота Ольги Николаевны была известна всей Европе. Стефан посватался, прислал свой портрет, и ему было разрешено переписываться с Ольгой Николаевной, поскольку ее отец-император считал молодого эрцгерцога достойным руки своей средней дочери. Препятствием было только ее слабое здоровье. Доктора пока не рекомендовали Ольге Николаевне выходить замуж. Но Стефан готов был ждать.

Ольга Николаевна никогда не видела Стефана: она влюбилась по портрету, по письмам. И, хотя обручение еще не состоялось, считала его своим женихом. Она много мечтала о нем и в своем воображении создала себе идеальный образ, не имевший ничего общего с реальным человеком. Время шло – в выдуманного принца великая княжна влюблялась все сильнее, все ее мысли были заняты им одним. О своем будущем браке со Стефаном она говорила как о деле решенном.

Николай I пригласил Стефана в Петербург на свадьбу Марии Николаевны, чтобы эрцгерцог мог познакомиться с той, которую все уже считали его нареченной. Однако из Австрии приехал другой эрцгерцог – кузен Стефана Альбрехт. Приезду Стефана воспрепятствовала его мачеха, третья жена палатина Венгерского, урожденная принцесса Вюртембергская: она считала, что брак католика с православной ничем хорошим кончиться не может. Возможно даже, нынешняя палатина оберегала не столько Стефана, сколько Ольгу Николаевну, опасаясь, что она будет так же несчастна в Вене, как несчастна была ее тетка, и суровый Николай I не простит обид, нанесенных его дочери.

Ольга Николаевна была очень огорчена тем, что ей не удалось познакомиться со Стефаном. Она продолжала о нем мечтать, уверенная, что их связывает любовь, что эта любовь преодолеет все преграды… Наверное, она читала слишком много романов! Между тем в Ольгу Николаевну влюбился эрцгерцог Альбрехт. Он принялся откровенно ухаживать за великой княжной, но наивная девушка ждала того, кому мысленно дала клятву верности. Сватались к Ольге Николаевне и Фридрих Вюртембергский, и герцог Генрих Бордоский (упрямо называвший себя наследником французского престола), да и давний поклонник Макс Баварский все еще надеялся, что великая княжна сменит гнев на милость. А Ольга Николаевна ждала Стефана…

Ожидания ее были обмануты. Австрийское правительство сочло «русский брак» опасным для будущего палатина Венгерского. Новая православная палатина могла вызвать очередные волнения среди православного населения Венгрии, как это случилось при Александре Павловне. Из Вены пришло письмо с уведомлением о том, что эрцгерцог Стефан отказывается от своих притязаний… Сам Стефан объяснял свое решение не столько политическими мотивами, сколько братской любовью: он увидел, что его кузен Альбрехт без ума от Ольги Николаевны, и решил отойти в сторону.

Для Ольги Николаевны это было тяжелым ударом. Она даже захворала от горя. Эрцгерцог Альбрехт посватался к ней – она ответила возмущенным отказом. И заявила родителям, что вовсе

не выйдет замуж, что останется в России по примеру Мэри.

Но время лечит.

У Ольги Николаевны случился роман с Александром Гессенским, родным братом ее невестки Марии Александровны, супруги цесаревича Александра. Александр Гессенский служил в русской армии, все его надежды и жизненные планы были связаны только с Россией. Конечно, для него было бы очень выгодно жениться на великой княжне… Впрочем, не обязательно юношей двигал только расчет. Ольга Николаевна все-таки была действительно красива, к тому же романтична, что в те времена почиталось за великое достоинство. Однако надежд заполучить ее у Александра Гессенского не было: он не нравился императору Николаю I. Как только государь заметил, что Александр Гессенский и Ольга Николаевна питают друг к другу излишне нежную привязанность, юноша был отослан на Кавказ. Там он сражался весьма храбро и даже участвовал в Даргинском походе на Шамиля, получил Георгиевский крест и в 1851 году по большой любви вступил в морганатический брак с дочерью русского генерала графиней Юлией фон Гауке.

А к Ольге Николаевне посватался принц Морис Нассауский. Он даже прибыл в Петербург – вместе со старшим братом, который сватался к великой княжне Елизавете Михайловне, дочери великого князя Михаила Павловича. Морис Нассауский понравился Ольге Николаевне. Она потом вспоминала: «Это был красивый мальчик, хорошо сложенный, очень приятный в разговоре, с легким налетом сарказма. Он быстро завоевал наши симпатии, мне же он нравился своим великодушием, а также своей откровенностью. Восемь дней он оставался у нас, затем уехал. Мое сердце билось, как птица в клетке. Каждый раз, когда оно пыталось взлететь вверх, оно сейчас же тяжело падало обратно». Восемь дней Морис Нассауский провел подле Ольги Николаевны, восемь дней она мечтала о том, как счастливо могла бы сложиться ее жизнь с таким очаровательным супругом… Но когда старшая сестра Мария Николаевна предложила ей поговорить с отцом о своих чувствах и о возможном браке с принцем Морисом, Ольга Николаевна ответила решительным отказом. Она мечтала стать правительницей какого-нибудь государства, а принц Морис – всего лишь младший сын! – наверняка повторил бы судьбу Максимилиана Лейхтенбергского и остался в России. Ольга Николаевна мечтала превзойти старшую сестру хоть в чем-то… Хотя бы выйти замуж за человека более значимого, имеющего собственное, пусть даже маленькое, королевство!

Ей исполнилось девятнадцать, потом двадцать лет. Слабое

здоровье хоть и было оправданием того, что Ольгу Николаевну никак не выдадут замуж, но все же недостаточным. Теперь она вошла в возраст старых дев и остро ощущала свою ущербность. Позже она вспоминала: «В 1842 году мне исполнилось двадцать лет. Во мне происходила большая перемена. В то время как за мной укрепилась репутация холодной натуры, мое сердце тосковало по любви, своему дому, детям. Когда я видела перед собой молодые семьи, главным образом Сашу, в его счастливом браке, построенном на взаимной любви и уважении друг к другу, я говорила себе, что для меня все кончено и я никогда не выйду замуж. Мари и Саша постоянно говорили мне, как они счастливы иметь меня при себе и, несмотря на это, я постоянно впадала в отчаяние. Пустая жизнь, новые развлечения и нынешнее веселие давно уже не удовлетворяли меня больше. Чтение, музыка, рисование были, в конце концов, тоже только времяпрепровождением. Я же чувствовала в себе совсем иную силу. Вскоре Господь услышал меня…»

В 1846 году ей нашли, наконец, подходящего жениха: принца Карла Вюртембергского. Он должен был наследовать престол. Ольге предстояло стать королевой, как она и задумала.

Ольга Николаевна познакомилась с Карлом Вюртембергским – уже зная, что им предстоит пожениться, – во время очередного путешествия по Европе, в Италии, в Ливорно. Но прежде, проезжая Прагу, она встретилась с тем, кто так долго был предметом ее грез: с эрцгерцогом Стефаном. Встреча разочаровала Ольгу Николаевну, тогда как Стефан был очарован и поражен ее красотой. Он даже пытался как-то неловко ухаживать за своей несостоявшейся невестой, пытался объяснить ей причины, по которым два года назад отказался просить ее руки. Но все это получилось неловко и неприятно для Ольги Николаевны. Она писала: «Мне удалось наконец увидеть человека, которого когда-то искало мое сердце, а он еще должен был продолжать поиски. Хотел ли он вызвать во мне сочувствие к своей неудачной судьбе? Если да, то он сделал это очень неумело…»

Понравился ли великой княжне Карл Вюртембергский – неизвестно. Главное – он представлялся достойной парой, он обещал престол. Этого для повзрослевшей Ольги Николаевны было достаточно.

1 июля того же 1846-го Ольга и Карл обвенчались. Дата была выбрана неслучайно: 1 июля родилась мать невесты Александра Федоровна, и поженились родители Ольги Николаевны тоже 1 июля. Казалось, это число должно стать для новобрачных счастливым.

«Излишне говорить, – пишет историк Альбина Данилова, – что торжества, проходившие в Петергофе, были обставлены роскошью и блеском. Целый день звонили колокола, иллюминацией были украшены не только петергофские дворцы, фонтаны и парк, но и многие дома в Петербурге».

Вечером накануне свадьбы император пришел к дочери, чтобы помолиться с ней перед сном. Он напутствовал Ольгу: «Будь Карлу тем же, чем все эти годы была для меня твоя мама».

Осенью молодожены уехали в Штутгарт. Перед отъездом Ольга Николаевна писала Жуковскому: «Утешительно в минуту разлуки думать, что незабвенная бабушка [Мария Федоровна] родилась в этой земле, где мне суждено жить и где Екатерина Павловна [сестра Николая I, королева Вюртембергская] оставила так много воспоминаний. Там любят русское имя, и Вюртемберг соединен с нами многими узами».

Князь Барятинский, все это время, видимо, еще на что-то надеявшийся, немедленно попросился на Кавказ, в действующую армию.

Но выполнить завет отца, стать для Карла Вюртембергского тем же, чем Александра Федоровна была для Николая I, то есть любимой и любящей женой, Ольга Николаевна не смогла. Не по своей вине…

Карл Вюртембергский не питал склонности к женскому полу и женился только из чувства долга. Ходили упорные слухи, что он был гомосексуалистом, и при нем неспроста всегда состоял какой-нибудь красивый адъютант.

В 1864 году он стал королем под именем Карла I, и Ольга Николаевна, наконец, примерила столь желанную для нее корону. Возможно, корона и стала достойным утешением за все пережитые обиды и разочарования, простым смертным этого не понять. Супруги Вюртембергские много путешествовали и выглядели вполне счастливыми. В каждом путешествии их сопровождал очередной адъютант, так что счастье Карла можно понять, а Ольга Николаевна, должно быть, просто умела делать хорошую мину при плохой игре. Не исключено, впрочем, что между супругами возникло нечто вроде дружеских отношений. Ведь сумели же позднее они стать достойными и любящими родителями своей приемной дочери, а для этого требовалось как минимум умение понимать друг друга и действовать сообща.

* * *

Мария Николаевна не ждала милостей от судьбы: свое

счастье она взяла сама, вызвав при этом всеобщее осуждение.

Полковник Фридрих фон Гагерн, сопровождавший нидерландского принца Вильгельма-Александра, племянника императора Николая, в поездке в Россию, оставил в своем дневнике описание членов императорской фамилии, в том числе и Марии Николаевны: «Супруга герцога Лейхтенбергского невысока ростом, но чертами лица и характером вылитый отец. Профиль ее имеет также большое сходство с профилем императрицы Екатерины в годы ее юности. Великая княгиня Мария любимица отца, и полагают, что в случае кончины императрицы она могла бы приобрести большое влияние… Великая княгиня Мария Николаевна обладает многими дарованиями, равно как и желанием повелевать; уже в первые дни замужества она взяла бразды правления в свои руки».

Сначала Мария была вполне счастлива в браке. Максимилиан ее обожал, никогда не спорил и был «послушным» мужем. В свете его за это слегка презирали, но что значило мнение света по сравнению с семейным счастьем? Главное – между ними двоими царили покой, взаимопонимание и взаимоуважение. Максимилиан занимался наукой, Мария Николаевна – детьми. Она родила семерых: трех дочерей и четверых сыновей. Старшая дочь, Александра, умерла совсем маленькой. Мария Николаевна была тогда беременна третьим ребенком, сыном Николаем. Она считала, что именно ее горе и душевные страдания во время беременности стали причиной того, что Николай родился слабеньким и полупарализованным: одна нога у него плохо двигалась. Бедному малышу грозила участь инвалида, но Мария Николаевна решительно взялась за лечение. У кроватки мальчика побывали все светила медицинской науки, ему сделали четыре операции, для него построили специальную ортопедическую машину…

Кристина Робертсон. Портрет великой княгини Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, с детьми

Ничего не помогало. И тогда военный хирург Пирогов сказал: «Если бы это был мой сын, я бросил бы все машины и стал развивать его гимнастикой». Мария Николаевна последовала этому совету. Мальчика принялись изнурять гимнастикой, а он, намучившись от неподвижности и постельного режима, радостно выполнял все упражнения и в результате стал, согласно воспоминаниям современников, «первым в Питере верховым ездоком и конькобежцем, отличным стрелком».

Император Николай I с большим вниманием относился к своим внукам. Шестеро оставшихся в живых детей получили титул князей и княжон Романовских, права членов императорской фамилии и почитались в России высочайшими особами. Царственный дедушка следил за их воспитанием и радовался, видя, что Мария Николаевна придерживается той же системы, по которой воспитывали и ее: в Мариинском дворце царил тот же бытовой аскетизм, что и в императорском Зимнем.

«Нас далеко не нежили, – вспоминал Николай Максимилианович. – Во всякую погоду мы выезжали в открытом экипаже, карета разрешалась лишь в случае сильной простуды. Комнаты, в особенности спальня, были холодные (10–12°). Спали мы всегда на походных кроватях, летом на тюфяках, набитых сеном, и покрывались лишь одним пикейным одеялом».

Мария Николаевна сама выбирала учителей для своих детей

и внимательно следила за их успехами. Себя же она окружила теми людьми, чьего общества ей хотелось всегда: выдающимися, талантливыми, творческими натурами. В. А. Соллогуб вспоминал: «В ее роскошном дворце строгий этикет соблюдался только во время балов и официальных приемов; в остальное время Великая княгиня являлась скорее радушной хозяйкой, остроумной и благосклонной в среде лиц, наиболее ей приближенных и находивших в ней просвещенную покровительницу». Истинно светские люди осуждали Марию Николаевну за ту свободную жизнь, которую она вела, и за дружбу с людьми, которых при дворе почитали недостойными. Но люди творческие, люди науки и вообще выдающиеся люди своего времени все как один восхищались великой княгиней. И даже князь П. В. Долгоруков, оставивший весьма ехидные мемуары, писал о Марии Николаевне: «Она всегда отличалась добрейшей душой… она многим оказала и продолжает оказывать услуги, делать добро, а зла никому в своей жизни не причинила».

Впрочем, здесь Долгоруков не совсем прав. Одному человеку Мария Николаевна причинила зло… Своему мужу, Максимилиану Лейхтенбергскому. Она ему изменила.

Максимилиан Лейхтенбергский был выдающимся человеком – если учесть его происхождение и положение. «Под его руководством осуществлены работы по картографии России и научное исследование ее минеральных богатств, – пишет историк З. Белякова. – Занимаясь минералогией, герцог опубликовал интереснейшие научные труды. На его личные средства была учреждена Николае-Максимилиановская медаль и стипендия, ежегодно присуждавшаяся авторам лучших работ по минералогии, геологии и палеонтологии, причем не только в России. Учрежденная дедом стипендия помогла его внуку герцогу Константину Георгиевичу получить образование в Германии в смутные 1920-е годы».

Великая княжна Ольга Николаевна, часто бывавшая в доме сестры и близко знакомая с ее супругом, оставила о нем теплые и исполненные искреннего сожаления воспоминания: «Бедный Макс! Он отдал сердце и душу совершенно чистосердечно, безо всякой мысли о том, какие сложности может вызвать этот его шаг. Он был красивым юношей, хорошим танцором и любезным кавалером, живой, веселый. Вначале военная служба представляла для него трудности, так же как и более строгие правила жизни в Петербурге: у него на родине дома было больше свободы в общении между людьми разных классов. Ввиду того что он интересовался искусством, Папа назначил его президентом Академии художеств. Кроме того, он интересовался ботаникой,

имел значительные познания в минералогии. Это позволяло ему общаться с знатоками и профессорами и сделало его популярным. Он хотел учредить научное общество, чтобы предоставлять новейшие открытия в области естествознания в помощь промышленности. Гальванопластическая фабрика Шопена была основана на средства, предоставленные Максом. Но когда в обществе узнали, что он был учредителем и акционером этого предприятия, это вызвало немало удивления. Его прекрасные начинания были превратно истолкованы людьми, совершенно недостойными. Это было его первым разочарованием еще до того, когда из-за своего плохого здоровья он должен был надолго уехать от нас…»

Тимофей Нефф. Портрет великой княгини Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской

Даже странно, что Мария Николаевна, будучи сама по себе натурой выдающейся, ценила его столь мало… Но, видимо, Максимилиан был для нее недостаточно сильным и энергичным.

Ей нужен был другой мужчина – и она его себе нашла.

Известный историк П. И. Бартенев, основатель и редактор «Русского архива», считал, что только трое детей Марии Николаевны были рождены от мужа. Отцом остальных, рожденных ею во время супружества с Максимилианом Лейхтенбергским, был, по мнению Бартенева, граф Григорий Александрович Строганов.

Об этом гусаре, весельчаке и кутиле, моложе герцогини на пять лет, писал в своих мемуарах граф Сергей Дмитриевич Шереметев: «Он представлял из себя любопытное явление и пользовался в обществе и при дворе исключительным положением… Это был человек очень способный, умный, энергичный, обладавший необыкновенным даром и уменьем себя держать и необычайным искусством обернуться в сложном своем положении: поправить дело было невозможно, и ему оставалось только примириться с тягостным для него положением и установиться среди многочисленной семьи великой княгини, что и достиг он в совершенстве. Это была широкая русская натура, толковая голова и здравомыслящая, лицом он напоминал портреты Петра I, и тип у него был запорожский. Мать его была Кочубей, и он очень дорожил этим малороссийским происхождением. В нем мало было строгановского, сухого, холодного, на вид претящего. Смуглый, с большими черными усами, у него был орлиный взгляд, густой и звучный голос, он был в зрелых годах ловок и статен, и когда он танцевал мазурку, то это было загляденье… Добрый товарищ и надежный друг, он, я думаю, не имел врагов, кроме самого себя. Всех и каждого подкупал он умом, добродушием и простотою. Он был делец и мог бы быть весьма полезным государственным деятелем, но ото всего отказывался. Его богатая натура требовала широкой, кипучей деятельности, а ему всю жизнь представлялась одна придворная служба, которая не могла его удовлетворить, которую он знал насквозь, со всеми ее темными и неприглядными сторонами. Сам же он неизменно оставался вне всяких дрязг и интриг. Он быстро схватывал и верно определял людей…»

Великая княгиня влюбилась. Раз и навсегда. И в обществе это видели. Поползли слухи, будто Мария, во всем ценившая искренность, «отлучила» Максимилиана от супружеского ложа. По поводу рождения у нее в 1852 году сына Георгия князь Меншиков сострил, что Максимилиан хотя «в деле не был, но Георгия получил».

Говорили, что именно этого оскорбления, полученного от обожаемой жены, герцог не перенес, захворал от страданий и потому-то сошел раньше срока в могилу: Максимилиан

Лейхтенбергский прожил всего тридцать пять лет. Он умер в том же 1852-м от чахотки.

Овдовев и выдержав год траура, Мария Николаевна пожелала сочетаться браком со своим возлюбленным. Попросить у отца разрешения она не осмелилась: понимала, что Николай I не только не позволит, но и сурово накажет их обоих. Фрейлина Анна Тютчева писала, что такой проступок подвергал Марию Николаевну «настоящей опасности, если бы стал известен ее отцу». Царь наверняка расторг бы тайный союз, после чего отправил бы Строганова в Сибирь, а дочь – в монастырь. Из всей семьи она доверилась только брату Александру, однако он ее решения не одобрил. Не удавалось ей найти поддержки и ни у кого из друзей: никто не желал быть свидетелем ее вступления в брак, все боялись гнева императора. И даже священник из домовой церкви Мариинского дворца отказался венчать, узнав, что нет на то благословения родителей… В конце концов, венчание совершил 13 ноября 1853 года в домовой церкви Мариинского дворца священник Иоанн Стефанов, которого привезла из собственной Гостилицкой усадьбы подруга Марии Николаевны Татьяна Борисовна Потемкина. Свидетелями по чину бракосочетания выступили князь Василий Андреевич Долгоруков, рисковавший при этом военной карьерой, и граф Михаил Юрьевич Вильегорский, слывший чудаком и вообще «не от мира сего». Император так ни о чем и не узнал.

* * *

После смерти Максимилиана Лейхтенбергского у Марии Николаевны начался весьма деятельный период жизни, благодаря которому она стала одной из немногих женщин царской семьи, занявших достойное и почитаемое место в русской истории.

Дело в том, что в 1852 году Николай I назначил свою старшую дочь президентом Академии художеств, одновременно она стала председателем Общества поощрения художеств. Это был первый и единственный случай, когда Академию возглавила женщина. Но никто не пожалел об этом назначении: Мария Николаевна справилась с задачей получше многих мужчин. Из истории Академии наук: «При ней в 1859 г. был принят новый устав Императорской Академии художеств, восстановивший преподавание общеобразовательных предметов. По пятницам в Академии устраивались рисовальные вечера, привлекавшие не только художников, но и широкий круг представителей артистического мира. В 1861 г. при поддержке президента была

устроена выставка редких художественных произведений из императорских дворцов, целью которой был сбор средств на постройку приюта для неимущих художников. С 1862 г. Академия стала с успехом принимать участие в международных и всемирных выставках. С 1861 по 1865 гг. шла перестройка помещений главного здания, перестановка и систематизация художественных коллекций, к которым в 1862 г. прибавился дар графа Н. А. Кушелева-Безбородко. Завещанное им великолепное собрание экспонировалось отдельно в помещениях за Голубым залом музея (где сейчас находится Научная библиотека Академии художеств). По инициативе вице-президента Академии князя Г. Г. Гагарина, чье увлечение раннехристианским и византийским искусством разделяла и Вел. кн. Мария Николаевна, был открыт класс православного иконописания (просуществовавший недолго) и музей древнехристианского искусства (в 1880-х гг. целиком передан в организовывавшийся Русский музей императора Александра III). В 1869 г. президент назначила из своих средств ежегодную выдачу премий молодым художникам за лучшие работы на академических выставках. По ее ходатайству в 1871 г. из казны стали отпускать средства на поощрение художественной деятельности Академии. Согласно ее завещанию, Академия получила значительную сумму для приобретения произведений, а также античный мраморный бюст, картины Я. Бассано „Св. семейство“ и К. П. Брюллова „Итальянка, снимающая виноград“. Помимо доставшегося ей после смерти супруга ценнейшего собрания, Великая княгиня и сама интересовалась коллекционированием, закупая живописные произведения в основном в Италии и Франции. После ее смерти, коллекция была разделена между наследниками от первого и второго браков».

Помимо забот о художниках и русском искусстве Мария Николаевна активно занималась общественной и благотворительной деятельностью. Под ее личным контролем находились Патриотическое общество и Патриотический институт благородных девиц, Свято-Троицкая община сестер милосердия, а также Магдалинское убежище для падших женщин. Последнее стало причиной язвительных шуток со стороны недоброжелателей: немудрено-де, что великая княгиня покровительствует падшим женщинам, ведь в них она видит родственные души…

Общество не могло простить ей бунта. Не пришло еще время женщинам любить по собственному выбору. Особенно женщинам столь высокого происхождения.

Мария Николаевна никогда не жалела о том, что решила обвенчаться со Строгановым. Шли годы, а они продолжали

любить друг друга, несмотря на разницу характеров и интересов. У них был идеальный брак. Возможно, огонь страсти подогревался тем, что этот брак надо было держать в тайне… Но в любом случае – они были счастьем друг для друга.

Жизнь в Петербурге становилась для Марии Николаевны все более тягостной, и все больше времени великая княгиня и ее супруг проводили за границей, в Италии, где они могли жить вместе, где росли их общие дети. Но и там Мария Николаевна не оставляла хлопот о любимом Академическом музее: в Италии в ту пору активно велись раскопки античных городов, и великая княгиня на собственные средства покупала поднятые из земли произведения искусства, оплачивала работу реставраторов – и отправляла в Россию.

* * *

18 февраля 1855 года скончался император Николай I. Мария горевала об отце, ведь они были так близки. Но вместе с тем, для нее забрезжила надежда на официальное признание ее брака со Строгановым. Она обратилась с просьбой к брату, теперь ставшему императором Александром I. Он созвал семейный совет, списался даже с родственниками, пребывающими за границей, в том числе со своей теткой, старшей сестрой отца Анной Павловной, королевой Нидерландов. И все они решительно стояли на том, что открыто этот брак признать невозможно.

Александр II все же признал брак сестры со Строгановым законным особым Актом – и на особых условиях. Документ был подписан им самим и императрицей Александрой Федоровной 12 сентября 1856 года в Москве. Супругам предписывалось хранить свой союз в тайне.

«1. Как второй брачный союз Великой Княгини Марии Николаевны, хотя и получающий ныне по воле Нашей, силу законного, должен однако же оставаться без гласности, то Ее Императорское Высочество обязывается каждый раз, в случае беременности, удаляться на время родов, от столиц и других мест пребывания Императорской Фамилии.

2. Граф Григорий Строганов может иметь помещение в Санкт-Петербургском и загородных дворцах Великой Княгини Марии Николаевны, но не иначе, как по званию причисленного ко Двору Ее. Он не должен являться с Нею, как супруг Ее, ни в фамильных, ни в иных собраниях Дома или Двора Нашего, а равно и ни в каком публичном месте, и вообще пред свидетелями. Прогулки с

Великою Княгинею запросто он может дозволять себе только в собственных садах Ее Высочества: Санкт-Петербургском и Сергиевском, но отнюдь не в Петергофском, и других Императорских, где они могли бы встречаться с гуляющими, или проезжающими и проходящими».

Марию Николаевну это решение оскорбило. И если сына Григория она родила в провинции, то дочь Елену, словно нарочно, в нарушение предписания, она произвела на свет в самом сердце Санкт-Петербурга – 21 января 1861 года.

Оскорбленной чувствовала себя и ее мать, вдовствующая императрица Александра Федоровна, которую сын почти что принудил подписать документ. Она написала в мемуарах: «Я думала, что со смертью императора я испытала горе в его самой горькой форме, теперь я знаю, что может быть горе еще более жестокое – это быть обманутой своими детьми».

Александра Федоровна, всю жизнь прожившая в любви, неге и благодати, являвшаяся, наверное, самой счастливой из всех российских императриц, так и не простила дочь за ее супружескую измену и последующий мезальянс. Она отказывалась отвечать на ее письма, а когда получила известие о том, что сын Марии и Строганова, трехлетний Григорий, скончался в Риме, не стала отменять назначенный на тот вечер французский спектакль… И вообще сочла, что это заслуженное наказание для двоих преступников, каковыми ей виделись дочь и зять.

Забавно, но император Александр II впоследствии так же влюбился в свою подданную и так же женился на ней морганатическим браком – после смерти супруги.

И сын Марии Николаевны от Максимилиана Лейхтенбергского, тот самый Николай, который едва не остался калекой, так же сочетался тайным браком со знаменитой авантюристкой Надин Акинфиевой и вынужден был ради нее покинуть Россию, где Надин находилась под полицейским надзором.

* * *

Между сестрами сохранялись дружеские отношения, но инициатором общения и встреч всегда была Мария Николаевна. Ольга Николаевна относилась к старшей сестре холоднее: то ли не могла простить детских обид, то ли сердилась на то, что Мэри по-прежнему затмевает ее в глазах всех европейских владык… И это при том, что Ольга Николаевна стала королевой

Вюртембергской, а Мария Николаевна жила изгнанницей в Италии со своим тайным супругом! Мария Николаевна и в зрелом возрасте сохранила упрямство и принципиальность, отличавшие ее в юности. Ольга Николаевна вспоминала: «Когда в 1866 вспыхнула грустная братоубийственная война между Северной и Южной Германией, нам было предназначено держаться Австрии. Тут я получаю от Мэри письмо, полное упреков, в котором она обвиняла меня в том, что я отрекаюсь от родины Мама, что я вероломна, словом, задела меня и обидела, как только было можно. Я ответила ей, что наши мнения и взгляды очевидно разные и что лучше всего было бы это не затрагивать, пока длится война. Это было в июне. В августе был заключен Никольбургский мир и подтверждены наши тайные договоры с Россией. В это время я должна была, из соображений здоровья, поехать в Остендэ. В один прекрасный вечер во время чая, когда мы с Верой (дочерью моего брата Константина) и ее гувернанткой, с Цезарем Берольдинген[ом], Владимиром Фредерикс и другими, сидели за столом, мы услышали оживленные голоса за дверью, которая распахнулась и – Мэри ворвалась в комнату и в слезах бросилась мне на шею: „Прости меня, Олли! Я прямо из Петербурга, чтобы обнять тебя“. Как можно было ее не любить?»

Ольга Николаевна осуждала сестру за связь со Строгановым – и вместе с тем завидовала их любви. И особенно тому, что у Марии Николаевны снова и снова рождались малыши.

У Ольги Николаевны своих детей не было. Да и неудивительно – вряд ли их брак с Карлом Вюртембергским осуществился физически. По вине супруга, который, как упоминалось выше, обвинялся современниками в гомосексуальных пристрастиях.

История не сохранила свидетельств о каких-либо сердечных увлечениях королевы Вюртембергской. То ли их вовсе не было, то ли Ольга Николаевна хорошо умела скрывать свои грехи, да к тому же они не имели последствий в виде беременностей. Если бы таковые имели место, Карлу Вюртембергскому пришлось бы, конечно, признать детей супруги своими… Но – не случилось.

В 1863 году Ольга Николаевна удочерила свою племянницу Веру Константиновну Романову. По официальной версии, сами родители отдали болезненную девочку бездетной тетке для поправки ее здоровья за границей. Но, вполне вероятно, это было проделано с расчетом на то, что Ольга Николаевна сможет посадить приемную дочь на вюртембергский трон. Так и вышло: Ольга Николаевна выдала Веру Константиновну за племянника своего мужа, герцога Вильгельма Евгения Августа Георга. К родившимся у них детям она относилась как к любимым внукам,

баловала их безмерно и во всем потакала. Это им она посвятила свои мемуары «Сон юности, или Записки дочери Императора Николая I Великой Княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской», которые писала только для родных и не собиралась публиковать. Ее мемуары были изданы в Париже только в 1936 году.

Никез де Кейзер. Портрет великой княгини Ольги Николаевны, герцогини Вюртембергской (1848 г.)

Еще одно утешение Ольга Николаевна находила в занятиях благотворительностью. Госпиталь Ольги (Olgahospital) был первой педиатрической клиникой в Штутгарте, основанной в 1842 году. Имя герцогини он получил в 1849-м. Попечительское общество имени Николая (Nikolauspflege), основанное ею в 1856 году и названное в честь отца, было создано для оказания помощи слепым. Там их готовили к повседневной жизни: учили грамоте и ремеслу. Во время Франко-прусской войны (1870–1871) королева Ольга возглавила организацию в помощь раненым (Wurttembergischer Sanitatsverein). В 1921 году эта организация

вошла в состав Красного Креста. В то время Ольга Николаевна прослыла в печати «великим мастером, виртуозом благотворительности». В 1871 году в честь своей супруги Карл I учредил орден Ольги как награду за подвиги благотворительности и помощь больным и раненым. В 1872-м королева объединила добровольных сестер милосердия в общество «Сестры Ольги» (Olgaschwester). Их задача заключалась в уходе за больными, помощи престарелым людям или же раненым солдатам. Это общество сотрудничало с больницей Хайльброна, которая предоставляла возможность пройти медицинские курсы. В сфере образования королева тоже оставила свой след. В 1873 году она основала в столице королевства женскую гимназию (Konigin-Olga-Stift Gymnasium). Многие из учреждений, основанных королевой Ольгой, сохранились по сей день.

* * *

Мария Николаевна хотела умереть непременно на родине и вернулась в Петербург, как только поняла, что серьезно больна. За несколько часов до кончины она просила близких, чтобы погребение было скромным и чтобы траура не объявляли: шла Масленица, и Мария Николаевна не хотела лишать петербуржцев веселья перед приближающимся постом.

Она скончалась во сне 9 февраля 1876 года, и 13 февраля была погребена в Петропавловском соборе. 14 июня 1912 года ее перезахоронили в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора, где Мария Николаевна и покоится по сей день.

Граф Строганов пережил супругу всего на два года, скончавшись на пятьдесят четвертом году. О своей смерти он начал говорить еще со времени последней болезни жены. Он ждал и благословлял смерть. Он верил, что в мире ином они с Марией навсегда будут вместе. И там их уже никто не осудит, ибо там иные законы, и Господь смотрит в души, а души у них были чистые, верные и безгранично любящие.

* * *

Карл Вюртембергский не был популярным правителем: известность он обрел только благодаря жене-благотворительнице. И – скандалам, которые были связаны с его именем.

Около 1880-х годов король подпал под влияние молодого красивого американца Чарльза Вудкока. Они много путешествовали вместе, уже без сопровождения Ольги Николаевны, и Карл I тратил огромные средства на развлечения своего любовника. Влияние порочного красавца на короля стало беспокоить влиятельные лица королевства и родственников короля, но настоящий скандал разразился, когда Карл Вюртембергский предоставил Вудкоку титул барона фон Саваж. Ольга Николаевна беспомощно взирала на происходящее. По утверждениям близких, она очень страдала из-за публичных унижений, коим супруг подвергал ее постоянно.

В 1889 году члены семьи и кабинет министров, объединившись в своих усилиях, убедили короля расстаться с Вудкоком. Карл Вюртембергский грозил, что отречется, лишь бы оставаться со своим возлюбленным. Но Чарльз Вудкок, как выяснилось, не нуждался в таких жертвах ради любви. Он, как оказалось, нуждался только в деньгах. И начал шантажировать короля, угрожая опубликовать в парижских газетах их интимную переписку.

Карл Вюртембергский вынужден был снова сильно потратиться на любовника – теперь уже чтобы откупиться. От переживаний подобного рода его здоровье стремительно ухудшалось. 6 октября 1891 года он скончался: как все считали, от разбитого сердца.

Пережив своего супруга всего на год, Ольга Николаевна умерла 20 октября 1892-го в возрасте семидесяти лет в королевском замке Фридрихсхафен.

Глава 4. Сокровище Александра II: великая княжна Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская и герцогиня Саксен-Кобург-Готская

Спросите кого-нибудь, кто интересуется русской историей, о Марии Александровне Романовой. В лучшем случае вам ответят: «Вы об императрице Марии Александровне? Супруге Александра II?» Нет. Эти имя и отчество носила не только вышеупомянутая дама, но и ее дочь. Но уж если сама супруга Александра Освободителя, первая дама Российской империи, скромно стоит в тени российской же истории, то что говорить о другой Марии? В двадцать один ее выдадут замуж, и младшая Мария Александровна станет частичкой истории другой страны… Но начало ее истории было положено здесь, у нас.

* * *

В 1841 году цесаревич Александр, тогда еще только наследник престола, обвенчался с семнадцатилетней Максимилианой Вильгельминой Марией Гессенской, ставшей после крещения Марией Александровной. Цесаревич, женившись на немецкой принцессе, поддержал многолетнюю традицию российских императоров и… вместе с тем нарушил ее. Невеста наследника престола обязана быть безупречного происхождения, а между тем, хотя официально она считалась дочерью великого герцога Людвига II Гессенского, молва приписывала отцовство камергеру ее матери. Но совсем еще юная четырнадцатилетняя принцесса очаровала путешествующего по Европе двадцатилетнего Александра, и, несмотря на протесты матери-императрицы, ему удастся настоять на этом браке; три года спустя состоится свадьба. Сын изящной, изысканной женщины императрицы Александры; брат трех изумительно красивых сестер великих княжон Марии, Ольги и Александры; муж очаровательной юной супруги Марии Александровны… Что ж, Александр вполне мог ожидать, что и в его семье появятся на свет девочки, достойные остальных дам в семье. И девочка родилась, немногим более года после свадьбы. Но… это не наша героиня!

Однако не упомянуть ее нельзя.

Великая княжна Александра, первенец Александра и Марии, – желанный, чудесный ребенок. Красивая золотоволосая девочка. «Лина, Сашенька» – так ее ласково называли родные. Увы, Сашеньке не было и семи лет, когда она скончалась от менингита. До конца дней слезы будут наворачиваться на глаза Марии Александровны при упоминании старшей дочери. Идут годы. В семье один за другим рождаются мальчики – великие князья Николай Александрович, Александр Александрович (будущий император Александр III), Владимир Александрович, Алексей Александрович… И вот 18 октября 1853 года, спустя одиннадцать лет после рождения Александры, на свет появляется вторая дочь Мария. Мария Александровна. После нее родятся еще двое детей – великие князья Сергей и Павел Александровичи, но Мария так и останется единственной девочкой в семье. Для родителей ее рождение стало и радостью, и потрясением. После стольких лет, после смерти Сашеньки – и снова дочь!

Александр, через два года после рождения Марии ставший императором Александром II, писал: «Мы потеряли нашу старшую девочку, и так хотели еще одну – ее рождение стало нашей радостью и счастьем… Когда она занимается в классной комнате, наши расписания не совпадают, и мы можем гулять только изредка, но по воскресеньям она вся моя и мы непременно гуляем вместе… вчера, когда пришло время, я не мог не отправить ей телеграмму о том, как думаю о ней и о наших прогулках». Всю жизнь император в дочери, что называется, «души не чаял».

Правда, образ Сашеньки и ее печальная судьба навсегда останутся мрачной тенью царской семьи. В сентябре 1860 года маленькая Мария тяжело заболела. Баронесса фон Гранси писала приятельнице: «Бедная маленькая Великая княжна болеет тяжелейшей ангиной; вчера ее жизнь была в опасности, но сегодня ей уже лучше. Ночь прошла хорошо… Признаюсь, что я очень волновалась за нее – ведь ее сестре было почти столько же, когда она умерла, и я не могу перестать думать об этом».

Александра умерла, не дожив всего двух месяцев до своего седьмого дня рождения, и Мария едва не повторила ее судьбу – до ее седьмого дня рождения оставалось две недели.

Императрица Мария Александровна сходила бы с ума от горя у постели дочери, если бы… Если бы как раз в это время не производила на свет своего шестого сына, Павла. Что ж, опасность миновала – младшей Марии Александровне была суждена не такая уж короткая жизнь, особенно по меркам той буйной эпохи.

Так и протекало детство великой княжны – любимица отца,

любимица матери, любимица двух младших братьев, Сергея и Павла (именно с ними, а не со старшими, Мария была особенно близка, да это и неудивительно, принимая во внимание разницу в возрасте).

Маленькая Мария смотрит на нас с фотографии. Светлое платье с нарядной полосатой отделкой странно контрастирует с коротко стриженой головкой – здесь великая княжна больше похожа на мальчика, чем на девочку. Упрямый взгляд – взгляд человека, который пусть и не всегда может настоять на своем, но будет хотя бы пытаться… Да, может, она не так красива, как ангелочек Александра, ее покойная старшая сестра. Но она умна, серьезна, настойчива и, безусловно, по-своему очаровательна. Да разве юные принцессы бывают другими? Только не в XIX веке! Как писала подруга ее детских лет принцесса Мария Гессенская, «Марии… теперь почти одиннадцать, у нее милое круглое лицо и светлые волосы, которые она носит заплетенными в косички. Она не такая тощая жердь, как я сама, и ниже ростом. Я всегда очень завидовала ее прелести».

* * *

Марии было всего двенадцать, когда в семье случилась очередная трагедия – смерть старшего сына Николая. Он родился через год после Александры, а теперь, в свои двадцать два, скончался от туберкулеза. Скончался в ужасных мучениях… Марии пришлось как взрослой утешать и мать, и невесту очень любимого ею брата. Датская принцесса Дагмар, в крещении Мария Федоровна (в семье ее называли «Минни»), останется в семье, выйдя замуж за следующего по старшинству брата, Александра, будущего Александра III. Юной Марии всегда нравилась очаровательная, умная Минни – никто еще тогда не знал, что Марии предстоит войти в ту же семью, в которую уже вошла старшая сестра Минни Александра, выйдя замуж за будущего короля Англии Эдуарда VII.

Великая княжна получила прекрасное образование. Няню Екатерину Ивановну (так стали звать англичанку Китти в России) сменили аристократки-воспитательницы. Сперва Анна Федоровна Тютчева, старшая дочь поэта, – она занималась с Марией, пока той не исполнилось тринадцать, а затем удалилась от двора. Потом – графиня Александра Толстая, приходившаяся двоюродной теткой писателю Льву Толстому.

Великая княжна блестяще играла на рояле…

Шли годы, Мария росла – и вот на фотографиях мы видим

уже не стриженную под мальчишку маленькую девочку, а взрослеющую с каждым годом барышню. Очаровательную барышню. Те, кто годы спустя будет говорить о том, что Мария Александровна некрасива, просто не видел ее в юности! Летом 1867 года императорская семья отдыхала в Крыму, куда в августе на огромном пароходе «Quaker City» («Город квакеров») прибыла делегация из США. На борту был и начинающий журналист Сэмюэл Клеменс, тот самый, который войдет в историю мировой литературы под именем Марка Твена. Именно благодаря ему мы и можем «увидеть» Марию-подростка. «Ей четырнадцать лет, она светловолоса, голубоглаза, скромна и очаровательна… Императрица и маленькая Великая княжна одеты в простые фуляровые костюмы в мелкую синюю крапинку; костюмы отделаны синим; вокруг талий обеих дам повязаны синие пояса; льняные воротники и „пасторские“ галстучки из муслина; соломенные шляпы с низкими тульями отделаны синим бархатом; зонтики и перчатки телесного цвета. На Великой княжне туфли без каблуков. Сам я, конечно, этого не знал, но так сказала одна из присутствовавших дам. Я не смотрел на ее туфли. Волосы у нее – и я был рад это отметить – ее собственные, заплетенные в толстые косы, которые спускаются по спине… Принимая во внимание доброжелательное выражение на лице императора и кротость его дочери, я задался вопросом – не поколеблет ли она решимость царя отправить какого-нибудь несчастного в Сибирь, если станет просить за него? Каждый раз, когда их глаза встречались, я все больше осознавал, какую потрясающую власть эта хрупкая робкая школьница могла бы иметь, если бы захотела. Она могла бы управлять самодержцем России, чье слово – закон для семидесяти миллионов человек! Она всего лишь девочка… но никогда ранее девочка не пробуждала во мне такого необычного интереса. Новые непривычные ощущения такая редкость в нашей однообразной жизни, и сегодня я их испытал».

Через несколько лет Марк Твен выпустит книгу «Простаки за границей, или Путь новых паломников», куда, немного переработанным, вошел и этот эпизод. А ведь это одно из самых известных произведений писателя, разошедшееся огромным тиражом! Сколько же американцев, англичан и других носителей английского языка увидели великую княжну Марию Александровну глазами автора? И не было ли среди них ее будущего супруга?..

* * *

Великие княжны самой судьбой предназначены для того, чтобы, рано или поздно, все-таки покинуть родину. И если ты умна и хороша собой – тем лучше, тем легче будет найти жениха. Но, как ни странно, найти достойную пару единственной дочери русского императора оказалось не так-то легко.

Сперва императрица Мария Александровна обратила внимание на молодого короля Баварии Людвига II. Но оказалось, что короля-романтика интересует не столько великая княжна, сколько еще весьма привлекательная сама императрица… Говорят, его личный секретарь однажды, не выдержав, воскликнул, что та достаточно стара и годится Людвигу в матери. И что же он услышал в ответ? «Ах, если б она ею действительно была!» Да, король был эксцентричен…

Итак, нужны другие кандидатуры. Время идет, Марии уже почти двадцать лет – а ведь у ее матери в этом возрасте было уже двое детей!

Кто знает, как бы сложились обстоятельства и чьей супругой довелось бы Марии в конце концов стать, но в 1872 году она едет в герцогство Гессен навестить родственников матери – герцог Людвиг III был братом императрицы Марии и, соответственно, кузеном великой княжны. И там, в городе Дармштадте, русская принцесса знакомится с английским принцем…

Кто же он, будущий избранник Марии? Человек, с которым она так надеялась стать счастливой, но не стала?

Альфред Эрнст Альберт, четвертый из девятерых детей королевы Виктории и принца Альберта и второй по счету сын, появился на свет 6 августа 1844 года. Хотя родился он рядом с английским троном, до последнего ему было далеко. После старшего брата Альфред был вторым в линии наследования, но по мере того, как у Эдуарда и его супруги Александры (родной сестры Минни, супруги наследника российского престола) один за другим рождались дети, Альфред отодвигался от трона все дальше и дальше. Ну что ж, ему не стать королем – тем более нужно строить свою жизнь. Будучи еще совсем юным, Альфред вступает в королевский флот, где и служит последующие годы. Обычная карьера для молодого человека из королевской семьи, однако флот станет его настоящим призванием. Истинной страстью на всю жизнь. Да, еще в 1861 году Альфред побывает в России с коротким визитом и встретится с императором Александром II. Марии было тогда всего восемь лет, и вряд ли ее стали бы знакомить с иностранным гостем, но… Кто знает?

С 1866 года Альфред, отныне герцог Эдинбургский, граф Кентский и Ольстерский, кавалер ордена Подвязки, командует фрегатом «Галатея» – и чья вина, что в супружестве, которое ему

предстоит, прекрасная история Галатеи, статуи, ожившей под страстными взглядами своего творца – этой истории не суждено повториться?..

Именно неутомимый Альфред станет первым английским принцем, ступившим на берега Австралии и Новой Зеландии, Индии и Гонконга. Его принимали везде с восторгом. Правда, к радости примешивалась горечь – во время посещения Сиднея на принца было совершено покушение. К счастью, ранение оказалось легким, а вот несостоявшегося убийцу быстро судили и вздернули. Но обычно принцы не обращают внимания на такие мелочи.

Альфред возвращается в Англию – все его мысли по-прежнему о море. А вот королева Виктория начинает задумываться о подходящей для него супруге, ведь Альфреду уже под тридцать. Она активно переписывается со своей старшей дочерью, когда-то английской принцессой, а теперь – супругой наследника прусского престола, будущего императора Германии Фридриха III. О, мать и дочь, две Виктории, были более чем придирчивы в своем выборе. У той принцессы им не нравилась кожа, у этой – зубы… Да-да, кандидатуру принцессы Анны Гессен-Дармштадтской августейшие свахи отвергли потому, что у нее были плохие зубы. Ах, Ваше Величество, королева Виктория, ведь именно благодаря Вам гемофилия стала страшной гостьей при европейских дворах! Что по сравнению с этим следы от какой-нибудь пары оспин на лице или не слишком ровные зубы?..

Но будущая невеста должна была понравиться не только матери и сестре – ведь есть, в конце концов, и сам жених. А угодить ему тоже было нелегко.

Каким он был, молодой герцог Эдинбургский? Истинным моряком – это не подлежит сомнению. А еще? Вкусы его были, в общем, незамысловаты, что и неудивительно для человека, который много времени проводит в море. Любил выпить – как же без этого, коллекционировал морские инструменты и марки… А вот главные развлечения джентльменов викторианской эпохи – охота и женщины – его не очень интересовали. Мы добавим – и слава Богу, особенно если учесть, как любил женщин его старший брат, наследник английского престола веселый принц Берти. Море, море было его истинной любовью. Там ему было хорошо.

И что же привлекло его в нашей Марии Александровне? Ее очарование? Положение единственной дочери русского императора? Богатейшее приданое? А может, все вместе? Так или иначе, в конце августа – начале сентября 1868 года император Александр II вместе с семьей гостил в Гейдельберге. Альфред же решил навестить старшую сестру, Алису, которая к тому времени

была замужем за Людвигом IV, герцогом Гессенским (соответственно, родным племянником императрицы Марии Александровны и двоюродным братом великой княжны Марии Александровны). Альфред вместе с сестрой и ее супругом нанесли короткий визит в Гейдельберг. Действительно короткий – всего на один день. Но и этого хватило, чтобы молодой, загорелый до черноты моряк и белокожая светловолосая барышня обратили внимание друг на друга…

Нет, они не стали обмениваться романтическими посланиями, как можно было бы ожидать. Но, видимо, позабыть друг друга не смогли. Во всяком случае, в скором времени Альфред объявил, что уже выбрал себе невесту. Сестра, герцогиня Алиса, была только рада – говорят, что именно она не дала погаснуть вспыхнувшему во время визита в Гейдельберг огоньку в сердце брата. В 1871 году, то есть три года спустя, Альфред снова встретился с императором Александром. Тот не возражал против брака, но настаивал, чтобы прошел минимум год – пусть молодые люди проверят свои чувства. Да и право окончательного решения он оставлял за дочерью. Он хотел быть уверенным, что уж если Марии Александровне Младшей случится выйти замуж и покинуть родину, то пусть это будут настоящие, глубокие чувства, а не «Schwärmerei», внезапная привязанность.

В начале 1873 года королева Виктория, желая прояснить ситуацию, обратилась к императрице Марии Александровне, но та ответила лишь, что выбор по-прежнему за самой великой княжной. Мало того, письмо, которая императрица написала самому Альфреду, заканчивалось словами: «Хотя будущее может и не объединить нас так тесно, как мы когда-то надеялись, я умоляю Вас не сомневаться, что желаю Вам всяческих благ». Да, это явно не те слова, которые хотел бы услышать потенциальный жених от будущей тещи. Да и будущая свекровь была хороша: отказалась ехать в Кельн на встречу с императрицей Марией Александровной для обсуждения возможного брака между их детьми, мотивируя это тем, что она – правящая королева, а Мария Александровна – всего лишь супруга императора, который, к тому же, сидит на троне далеко не так давно, как сама Виктория. Но вопрос все еще оставался открытым.

Весной того же года великая княжна и ее мать отправились отдыхать в Италию, в Сорренто. Там Мария заболела, так что вопрос о браке снова был отложен.

* * *

Летом 1873 года в замке Югендейм, неподалеку от Дармштадта, Мария и Альфред встречаются снова. Как писала герцогиня Алиса, сестра Альфреда, «бедная Мария очень счастлива… и очень тиха».

Там, в Югендейме, молодая пара получила разрешение встречаться наедине. Вот она, кульминация. Утром 11 июля Альфред отправил матери телеграмму, что благополучно прибыл на место, а после обеда… Как писала затем королева Виктория в своем дневнике, она получила вторую телеграмму от сына: «Мария и я обручились нынче утром. Не могу передать, как я счастлив. Надеюсь, ты благословляешь нас».

Император и императрица отправили королеве телеграмму (по-немецки), в которой говорилось: «Мы вместе с Вами молим Бога благословить наших дорогих детей и представляем Вам свою дочь, которая целует Вам руку».

Позже королева писала, что «удивлена скорости, с которой дело уладилось и о нем было объявлено. Переговоры о браке между Эффи и Великой княжной Марией велись долго… но было множество сложностей, и я только вчера слыхала от Алисы, что родители уступили желанию Великой княжны, и все теперь, наверное, пойдет гладко».

Старшей дочери королева писала: «Свершилось! Я ничего не говорю, а просто молю Господа благословить обоих и ниспослать мир и спокойствие нашей семье. Это не то, чего я хотела, ты же знаешь – религия, политика, взгляды двора – и сама нация… Все это так отличается от нашего, и я предвижу множество сложностей. Но я приму Марию со всей любовью и расположением, и если она сможет изменить его тяжелый, эгоистичный, изменчивый характер, то станет истинным благословением для нашей семьи, и я первой признаю это – но пока что я не могу радоваться; ты, наверное, понимаешь меня (хотя для тебя различия в религии не столь существенны)… Мои мысли и чувства смешались – ведь я не знаю Марию и понимаю, что впереди нас может ожидать еще много трудностей, но от всего сердца я говорю „Бог да благословит их“ и надеюсь и молюсь за то, чтобы все это обернулось счастьем для Эффи».

Недаром Виктория предвидела сложности – их действительно будет немало, но пока что она получает письма – и от сына, и, главное, от будущей невестки.

«Дорогая мама!

Прошу простить меня за то, что я сразу обращаюсь к Вам так, но я надеюсь, что близок тот час, когда я буду иметь право назвать Вас матерью. Я надеюсь своим доверием и привязанностью к Вам заслужить право называться настоящей

дочерью, и быть любимой и ценимой Вами.

После вчерашних событий, наполнивших меня таким счастьем, я почувствовала желание написать Вам и поделиться той радостью, которую испытываю при мысли, что вскоре мне предстоит стать членом Вашей семьи, в которой – и доброта, которую Вы мне выказывали ранее, не позволяет в том сомневаться – меня примут с радостью. Моя любовь в нему [Альфреду] – залог нашего будущего счастья, и именно она поможет мне предпринять серьезный шаг, покинуть родителей и Родину, и обосноваться в новом месте. Жду с нетерпением дня, когда смогу поцеловать Вам руки.

Искренне Ваша почтительная дочь Мария».

Письмо, написанное по-английски, прямо-таки очаровало королеву. Но это ненадолго. Потом, когда брак состоится и начнутся все те сложности, которых боялась и которые так… предвкушала Виктория, в Англии с ее руки будут много говорить о надменности русской принцессы и ее тяжелейшем характере, который не позволяет ей ни в чем уступить своим новым родственникам.

Да, Мария была горда – несомненно, да иначе и быть не могло. Но она искренне хотела полюбить будущую свекровь. А будущего мужа… Ей казалось, что она уже полюбила, и, как признавалась великая княжна в одном из своих писем, она была бы счастлива совершенно, если бы ей после замужества не предстояло покинуть Россию и родителей.

Родители обеих сторон тем временем обсуждали условия брачного договора – то, что Мария вольна остаться православной, между тем как будущие дети этой пары должны быть воспитаны в протестантской вере, то, что «благожелательный» английский парламент предложил сперва выделить Марии «на булавки» в десять раз меньше, чем Александре, супруге старшего брата Альфреда, и т. д. и т. п.

* * *

Бракосочетание состоялось в январе 1874 года. И оно было пышнейшим – ведь Александр II выдавал замуж единственную любимую дочь!

Обратимся к журналу «Гражданин».

«Приготовлений к торжеству было много. Следуя обычаю русской семейной жизни, Царская Невеста несколько недель назад говела и удостоилась причащения Святых Таин; за два дня до 11 числа Ее видели, вместе с Августейшим Ее Родителем,

отправляющеюся в Петропавловскую крепость, молиться над дорогими Их сердцу могилам. Как слышно, все без исключения служившие Ей были лично поблагодарены за службу и награждены знаком памяти накануне дня, когда Ей предстояло сделаться английскою принцессою. За несколько дней пред сим, прибывшая из Англии, по назначению королевы, состоят[ь] при Августейшей, молодая госпожа Осборн вступила в отправление своих обязанностей и на всех окружающих произвела весьма симпатическое впечатление. За три дня до свадьбы выставлено было в залах Дворца приданое Великой Княгини. Трудно описать его в подробностях; говорят, что при составлении его руководствовались строго прежними придаными наших Великих Княжон. Особенное великолепие составляют шубы и, как слышно, то, что не было выставлено – бриллианты и серебро. Приданое выставленное заключалось в платьях, в готовых и не сделанных числом до семидесяти, в белье и шубах. Шуб было четыре; одна из них поразительно великолепна – из черного как смоль соболя. К числу замечательнейших драгоценностей приданого принадлежит одно ожерелье из сапфиров и одно из бриллиантов. Императорская Фамилия, по обычаю, делает подарок совокупно; на этот раз, как известно, подарок Ее заключается в великолепном серебряном столовом сервизе на сорок персон в русском стиле, заказанном в Москве у Овчинникова, описание которого было помещено уже нами. Ящики, заключающие в себе приданое – из красной кожи, с бронзовою оправою; если не ошибаемся, их около 40. Ходят нелепые толки о каких-то громадных размерах денежного приданого».

«Митрополит Санкт-Петербургский и члены Святейшего Синода, участвовавшие в совершении брачной церемонии, были облачены в великолепные золотые ризы (про которые говорят, что каждый аршин этой ткани стоит 40 р.). Августейшая Невеста произвела на всех глубокое впечатление своим чудным выражением благоговейного сосредоточения. На голове Ее был венок из цветов и бриллиантовая Великокняжеская корона; платье-сарафан было из серебряного глазета, на котором вытканы были серебряные букеты, шлейфом и сверх сего Великокняжеская мантия из пунцового бархата, подбитая горностаем, которую держали три камергера и шталмейстер».

Из дневника статс-секретаря П. А. Валуева: «Я никогда еще не видел Зимнего Дворца так полным и переполненным. Из известнейших лиц присутствовали, кроме Государя и Императрицы, Цесаревича и Цесаревны, десять Великих Князей, четыре Великих Княгини, кронпринцы Прусский и Датский, принц Валлийский, принцесса Валлийская, кронпринцесса

Прусская, принцесса М. М. Баденская, принцесса Ольденбургская, принц Артур Великобританский, герцог Кобургский, три принца Ольденбургских и принц Александр Гессенский. Иностранцев разных свит до 50. Многочисленность наших придворных чинов со дня на день становится неудобнее. От них нигде нет места. Я должен был выйти из церкви и потому не присутствовал при бракосочетании по нашему обряду, но хорошо видел и слышал английский обряд… Великая Княжна, несмотря на бремя бриллиантового венца, бархатной мантии и пр., выдержала оба обряда без изнеможения. В пять часов был обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случалось, чтобы обедавших за один раз бывало более 500. Во время обеда г-жа Патти превзошла самую себя и покрыла своим голосом не только оркестр, но и шум 600 тарелок с вилками и ножами и движение 400 официантов».

Да, великая оперная певица Патти пела арию из «Риголетто» Верди, оперы о любви – любви отцовской и любви мужчины к женщине…

Первые недели после свадьбы молодожены провели в Царском Селе, а 16 февраля они отправились в Лондон. Позади была жизнь великой княжны Марии, начиналась жизнь герцогини Эдинбургской.

В Англии новобрачных ожидала пышная встреча в Виндзорском дворце, а народ на улицах ликовал – принц нашел себе супругу, и это был его собственный выбор, а не выбор коронованных родственников. Значит, брак по любви? Значит, они будут счастливы?

В честь новоявленной герцогини слагались стихи, и даже знаменитый Альфред Теннисон написал положенную в таких случаях «оду в честь Марии Александровны» – увы, особыми литературными достоинствами это стихотворение, как почти всякое написанное на заказ, не отличалось.

Зато другой подарок, можно сказать, остался в веках – кондитер из Карлайля мистер Карр выпустил новый бисквит, назвав его именем герцогини. Бисквит «Мария» можно найти в продаже и сейчас – вот только никто не помнит, в чью же именно честь он был так назван…

Королева Виктория приняла сына и невестку очень приветливо. Правда, в письмах дочери Викки она признавалась, что, увидев Марию в белом капоре, она сперва нашла ее много привлекательнее, чем ожидала, но затем, когда та капор сняла, красота куда-то испарилась. М-да, неужели столь многое зависит от хорошенькой шляпки?..

О, придирчивая свекровь оценила Марию целиком, с ног до

головы, не пропустив ничего, и сочла, что та недостаточно грациозна, недостаточно хороша собой, но в целом мила, мила. И, главное, свободно обращается с Альфредом, да и с самой королевой. Быть может, именно эта прямота и отсутствие подобострастия в новой невестке и подкупили королеву поначалу.

Великая княгиня Мария Александровна с супругом, принцем Альфредом Саксен-Кобург-Готским

Правда, это для Виктории Мария оказалась недостаточно хороша собой – остальные же находили ее весьма и весьма

привлекательной. Тем временем сама Мария находила недостаточно привлекательной жизнь в Англии…

Ее единственная русская фрейлина, княгиня Вяземская писала: «Между нами, Мария считает, что Лондон ужасен, английская кухня отвратительна, то, что мы засиживаемся допоздна – крайне утомительно, визиты в Виндзор и Осборн донельзя скучны, но сами англичане не так нудны, как она ожидала».

Не будем судить Марию строго, ведь для нее все было новым, непривычным, и оттого – не очень приятным. Ведь тот же Осборн впоследствии она очень полюбит и будет проводить в нем много времени со своими детьми.

В мае 1873-го Марию поджидал подарок – редкий подарок для принцессы, только что выданной замуж в чужую страну: Александр II посетил Англию. В газете «Таймс» писали о Марии, встречавшей отца на пристани: «…Одета в розово-лиловое и белое… и выглядела довольной и счастливой… приятно было наблюдать за счастливым лицом герцогини Эдинбургской, которая неотрывно следила за судном, что несло к ней тех, кого она так любит». Император прибыл с официальным визитом, но для Марии это был личный, неофициальный, праздник.

Праздники заканчиваются – начинаются будни. И для Марии – не самые веселые. Трудности, которые ожидала королева Виктория, не замедлили себя ждать.

* * *

Дочь императора, Мария имела право на титул «Ее Императорское Высочество», а в качестве члена английской королевской семьи – «Ее Королевское Высочество». Александр II настаивал, чтобы его дочь именовали именно первым титулом, королева же была уверена, что, раз Мария стала супругой английского принца, то «Королевское» высочество должно заменить «Императорское». Интересно, что Викки, старшая дочь королевы, выйдя замуж за наследника престола Германии, императорский статус в браке обретала, поднимаясь на ступень выше, в то время как Мария, дочь императора, наоборот, спускалась на ступень ниже. В конце концов, после долгой и утомительной переписки, стороны пошли на компромисс и стали именовать герцогиню Эдинбургскую «Ее Королевское и Императорское Высочество».

Кроме того, бывшая великая княжна, фактически вторая – после своей матери-императрицы – дама русского двора, вдруг

ощутила, что при английском дворе ее место не просто за королевой и Александрой, принцессой Уэльской, супругой наследника, но и за всеми многочисленными дочерьми Виктории. И это при том, что та же Александра – всего лишь дочь короля Дании, в то время как сама Мария – дочь императора всероссийского! Она была возмущена и пыталась отстаивать свои права, и точно так же негодовала королева Виктория. Супруга старшего брата, наследника престола, предшествует супруге младшего – что бы там ни воображали о себе эти русские! Хорошо, с принцессой Александрой Мария еще была готова мириться, но с остальными принцессами? Никогда.

Между прочим, Александра, принцесса Уэльская, оказывается, считала так же и вот что писала своей сестре Минни (как мы помним – супруге брата Марии, Александра): «Мы были в большом кабинете, где Мария стояла за Беатрисой, там, где ей положено по рангу, после всех этих сестер, замужних и даже незамужних! Я нахожу, что это charmant, необыкновенно грубо по отношению к ней, entre nous? Единственная дочь русского императора! Даже если в Англии такие законы, для нее должны были бы сделать исключение…»

Впоследствии, когда Мария станет еще и герцогиней Саксен-Кобургской-Готской, это, наконец, произойдет – она займет место сразу за Александрой.

Ну а пока… Осенью 1874 года, девять месяцев спустя после свадьбы, появляется на свет первый ребенок Марии и Альфреда, сын, которого тоже назовут Альфредом – Эффи Младший. Летом следующего года супруги навестят Россию, а осенью у них появится дочь Мария – в семье ее обычно называли «Мисси». Еще год спустя – опять дочь, Виктория.

Теперь, когда у герцога Альфреда появились супруга и дети, можно было ожидать, что он больше времени станет проводить на суше. Но любовь к морю с годами не уменьшалась… И когда Эффи получил командование над судном «Султан», он был счастлив, а Мария в панике. Неужели он снова и снова будет ее покидать, да еще надолго?

Казалось бы, Мария знала, на что шла, выходя замуж за моряка, но, наверное, как и все молодые девушки, она надеялась, что его нежные чувства к ней и дети, которые у них родятся, пересилят тягу к морю и кораблям.

Мария писала своей свекрови: «Должна ли я описать то, что почувствовала, когда Альфред уехал? Если подумать, это ужасно… быть разлученными на шесть долгих месяцев… а наша совместная жизнь была такой короткой… даже Вы поймете, как это мучительно… Нелегко мне будет прийти в себя… Я не буду

ничего больше писать на эту ужасную болезненную тему, из-за которой я, обычно такая спокойная, становлюсь раздражительной и больной».

* * *

Тем временем близились 1877 год и, увы, Русско-турецкая война. Европа наблюдала, Европа вмешивалась… Англия постоянно реагировала на малейшие изменения в балансе сил, а герцог Эдинбургский, офицер военно-морского флота Англии, женатый на дочери русского императора, оказался между молотом и наковальней. Как писал он матери, «думаю, что император, человек чувствительный, глубоко задет всеми теми неприятными (мягко говоря) вещами, которые пишет о нем английская пресса». Что ж, зато в родной стране герцог заработает репутацию русофила.

Королева Виктория разрешила Марии отправиться на родину – побыть рядом с тяжело больной матерью. На обратном пути из России герцогиня заехала на Мальту, где служил супруг. Как она писала, «Эффи был счастлив». И в следующем году, после этого счастливого воссоединения в разгар Русско-турецкой войны, родится четвертый ребенок – Александра. Между молотом и наковальней Альфред окажется еще не раз, да иначе в условиях войны и быть не могло. В январе 1878 года было заключено перемирие между Россией и Турцией, а Англия, обеспокоенная условиями будущего мира, ввела свой флот в Дарданеллы, едва не спровоцировав новый виток войны, на этот раз со своим участием – ведь русские не могли не ответить на подобный ход. И, конечно же, на одном из кораблей эскадры находился Альфред…

Наконец, война была закончена и подписан Сан-Стефанский мирный договор. Теперь герцог и герцогиня Эдинбургские могли вернуться домой – все это время Мария с детьми оставалась на Мальте. Но в Англии она надолго не задержалась – Мария любила своих родных и отчаянно скучала по ним. Более того, императрица Мария Александровна слабела с каждым годом, так что Мария рвалась ухаживать за матерью. Альфред тоже был занят – он как раз получил чин адмирала, а Мария то ехала в Германию, а потом в Россию, то возвращалась в Англию, то спешила обратно…

Во время одного из таких визитов на родину, в феврале 1880 года, герцогиня Эдинбургская, как и остальные обитатели Зимнего дворца, едва не стала жертвой взрыва, подготовленного

членами террористической организации «Народная воля». Герцог был в ужасе – ведь он мог ее потерять! Вместе с тем ему едва удалось отговорить премьер-министра отправить в Россию английских агентов сыскной полиции, «раз уж русские оказались беспомощными», – как верно счел Альфред, это бы только оскорбило отца его супруги.

А Марию тем временем поджидало настоящее горе – в ночь на 21 мая скончалась императрица Мария Александровна… И поступок отца, который Мария – да и все ее братья – восприняла, как страшное предательство, как пощечину общественному мнению, как удар по каждому из них… Вскоре после смерти супруги Александр II вступил в морганатический брак со своей давней возлюбленной, Екатериной Долгорукой. Дети Марии Александровны обожали мать и всегда выступали резко против этой привязанности отца. Они не протестовали против этого брака – не в их власти было противостоять воле отца и государя. Сестра и братья с их женами отреагировали на этот шаг с большой холодностью и старались вести себя со сдержанным достоинством. Единственное, чего желала Мария, – никогда не сталкиваться с Долгорукой и ее потомством…

Не прошло и года – новая страшная потеря. 1 марта 1881 года Александр II был смертельно ранен взрывом бомбы в результате очередного покушения народовольцев. Мария встретила этот удар мужественно, что не могла не признать даже королева Виктория, женщина, которую смерть близких повергало в такое горе, что она едва могла прийти в себя по прошествии многих дней. Но Мария была другой. Оставить детей и супруга, запереться у себя и целыми днями рыдать? О, нет, на это она не способна. И вскоре жизнь герцогов Эдинбургских входит в свою обычную колею. Ведь жизнь продолжается…

Только вот – какая она, эта жизнь?

Томас Эскотт, редактор одной из консервативных английских газет, коротко и четко описал отношения Марии и Англии:

«Герцог Эдинбургский не похож на обоих своих братьев, и популярен куда меньше, чем заслуживает. Его жене не удалось завоевать сердца англичан так, как это сделала ее невестка… [Эффи] трезвомыслящий, проницательный, благоразумный человек дела… Он не скуп, он просто умен… Его манеры не столь очаровательны и изысканны, как у старших братьев… В своих высказываниях он порой резок, и даже высокомерен и пренебрежителен… Когда Мария только прибыла в Англию, то стала жертвой стечения обстоятельств. У англичан был приступ нелюбви к России. Она чувствовала, что атмосфера вокруг неблагожелательна. Ее принимали с уважением, но без

энтузиазма. Она в ответ платила отношением едва-едва теплым… Английская публика вскоре обнаружила, что ее реверанс не так изящен, как у принцессы Уэльской, и что ее лицо редко озаряет улыбка. Те же, кто хорошо с ней знаком, давно научились ценить ее… Она не была и никогда не будет популярной. Но она достойная принцесса…»

Сама же Мария однажды грустно написала: «Я бы отдала все… чтобы быть красавицей… разбивать сердца и заставлять людей обожествлять себя. Чтобы обо мне говорили, на меня смотрели, обсуждали… Я – ничто, просто безвредное создание, о котором мало кто знает… а в обществе меня считают гордой. Я даже не смогла стать хорошей женой, поскольку не могу заставить себя разделить интересы и заботы герцога… Я никого не сделала счастливым, а себя сделала несчастной».

Пусть даже эти строки были написаны в минуту душевной слабости, тем не менее, совершенно очевидно, что счастливой Мария в Англии так и не стала. Что ж, у нее была отдушина – дети. И друзья.

* * *

Самым близким ее другом в королевской семье стал Леопольд, младший сын Виктории. Очень спокойный, добрый, умный, начитанный принц, разделяющий любовь Марии к музыке, ее ровесник – он мог бы стать ее верным другом на всю жизнь… если бы не страдал от гемофилии. Мария переживала за него даже больше, чем родные его братья и сестры, слишком занятые собственной жизнью. Но, увы, в 1884 году, не дожив до рождения сына, Леопольд умирает.

Эту потерю Марии скрасит рождение ее, как окажется, последнего ребенка, принцессы Беатрисы…

Последующие несколько лет семья снова провела на Мальте, где Альфред находился по делам службы, а затем вернулась в Англию.

В сущности, жить там им оставалось не так уж долго – в 1893 году скончается бездетный Эрнст II, герцог Саксен-Кобургский-Готский, брат покойного супруга королевы Виктории – принца Альберта, и герцогство наконец перейдет к ближайшему наследнику по мужской линии, как это и было оговорено много лет назад. Этим наследником мог бы стать принц Уэльский, старший брат Альфреда, но он, будущий король Англии, уже давно отказался от титула в пользу младшего брата. Так что на самом деле, всю свою жизнь в Англии, Мария знала, что рано или

поздно муж унаследует это немецкое герцогство.

Итак, отныне Альфред – не только герцог Эдинбургский, но и герцог Саксен-Кобургский-Готский, а Мария, соответственно, супруга правящего герцога, а не просто английского принца, как раньше. Теперь она могла бы занять то место при дворе, за которое билась почти двадцать лет назад… Но теперь ей это уже не нужно – они перебираются в Кобург.

Правда, Эрнст II, большой жизнелюб, вытянул из герцогства, что называется, все соки, так что финансовое положение Кобурга, когда Альфред и Мария переселяются туда, было довольно сложным. К тому же местное население не слишком обрадовалось, заполучив герцога-англичанина. Но понемногу все удается наладить (в сущности, разбираться с денежными вопросами и было главной обязанностью герцога), и даже завоевать расположение новоявленных подданных.

Альфред управлял герцогством, а Мария играла роль домашней хозяйки – только, в отличие от домохозяек в обычном понимании, в ее распоряжении была страна, пусть и маленькая. Наведя порядок на своей новой родине, она скучала там так же, как скучала в Англии.

Впрочем, надо отметить, что Мария Александровна явно была не самой типичной домашней хозяйкой – даже на фоне других коронованных домохозяек. Она была очень начитанна и не мыслила свою жизнь без музыки. Сама неплохая пианистка, Мария всю жизнь преклонялась перед гением Вагнера. Любила оперу, живопись и театр. Была равнодушна к одежде (в немалой степени потому, что приходилось экономить), но драгоценности, которые она привезла с собой из России, затмевали всех при английском дворе – в тех редких случаях, когда она их надевала. Обожала собак. Умела водить машину. И курила! Да-да, еще с молодости – ведь Александр II был заядлым курильщиком. При этом отличалась прекрасным здоровьем, позволившем выносить и родить шестерых детей (один, правда, родился мертвым). Но все это, в сущности, не так уж важно. Главное, что Мария была умной, твердой, мужественной. Была внимательна к окружающим. Умела дружить – и с мужчинами, и с женщинами. Смогла дать своим детям счастливое детство. Не склонялась перед горестями, выпавшими на долю ее самой и ее семьи. Никогда не порывала с родиной. Как написали о Марии когда-то, «она достойная принцесса».

С годами Альфред и Мария все больше отдалялись друг от друга. Романтическая привязанность в юности и общая любовь к музыке – разве на этом удержится брак? Возможно, такое и случается, но тогда с годами нужно добавлять в общую семейную

копилку что-нибудь еще, а у них почти ничего больше не получалось вместе.

Возможно, они слишком много времени проводили вдали друг от друга. То Альфред в море, то Мария путешествует. К тому же, после рождения Беатрис в 1884 году, на тридцать втором году жизни Мария решает воздержаться от близких отношений с мужем, объясняя этот шаг нежеланием больше иметь детей, что, конечно, не может укрепить брак… К счастью, Альфред не был падок на женщин, зато очень любил выпить. Несколько раз это приводило к весьма печальным последствиям – но что Мария могла поделать?

Не в силах контролировать мужа, она пыталась контролировать детей – но они уже выросли и всякий раз давали ей это понять.

Старшая дочь Марии, тезка матери, едва не стала женой Джорджа, сына принца Уэльского. Ах, какие нежные письма писал влюбленный Джордж своей Мисси… Но герцогиня Мария была против этого брака – и не потому, что речь шла о близких родственниках, двоюродных брате и сестре, а потому что не хотела, чтобы дочь вышла замуж за английского принца. Так что в 1893 году Мисси стала женой принца Фердинанда, наследника румынского престола. Многое можно сказать о будущей королеве Марии Румынской, но одно несомненно – она была яркой личностью.

Год спустя вышла замуж вторая дочь, Виктория Мелита, – за Эрнста Гессен-Дармштадтского, тоже достаточно близкого родственника (его отец был кузеном Марии, а мать – сестрой Альфреда). Старшее поколение гораздо больше хотело этого брака, чем собственно молодая чета. Результат? Спустя семь лет супруги развелись, и каждый вступил в новый брак – Виктория вышла замуж за великого князя Кирилла, своего кузена, сына брата Марии Александровны Владимира Александровича; именно их потомки и претендуют ныне на гипотетический российский престол.

В 1896 вышла замуж и Александра – за принца Эрнста Гогенлоэ-Лангенбургского.

Младшая, Беатриса, была пока еще слишком мала.

А что же Альфред Младший, единственный сын и наследник семьи? Увы, с самого детства он отличался весьма буйным характером и, став взрослым, всячески пытался избежать того бремени ответственности, которое ему предстояло, в силу рождения, нести на плечах.

Однако самым ужасным оказалось то, что Эффи Младший болен – подхваченный в юности сифилис с годами угрожал не

только его соматическому здоровью, но и душевному. Дело закончилась трагедией: в январе 1899 года, через несколько дней после серебряной свадьбы родителей, он застрелился (по иронии судьбы, теперь герцогство должен будет унаследовать сын друга молодости Марии принца Леопольда).

За несколько лет до этого Мария потеряла брата, императора Александра III. Теперь – сына. А в июле 1900-го она потеряет и супруга – Альфред, чье здоровье к тому времени окажется уже сильно подорвано, скончается в возрасте пятидесяти шести лет.

* * *

Начинается последний этап в жизни Марии, отныне вдовствующей герцогини. Рядом с ней остается только Беатрис (которая выйдет замуж в 1907 году за герцога Альфонса, кузена короля Испании Альфонса XIII – их старший сын умер относительно недавно, в 1997 году). В 1901-м Мария лишится свекрови, а мир – королевы Виктории. Закончится целая эпоха…

Но Мария проживет еще двадцать лет. Она переехала в Розенау, место, где когда-то жил принц Альберт до того, как стать супругом королевы Виктории. Много путешествовала, навещала дочерей и внуков.

Россия же тем временем переживала тяжелые времена – нет надобности перечислять, что только ни происходило там, да и в остальном мире тоже в начале XX века. А что могла Мария? Только сопереживать. Поехать на похороны любимого брата Сергея Александровича, ставшего в 1905 году очередной жертвой очередного «бомбиста».

Когда началась Первая мировая война, Мария написала подруге: «Никогда не думала, что доживу, чтобы стать свидетелем войны между Англией, Россией и Германией. Как это кончится, и когда?..» Все три страны были ей, русской княжне, английской принцессе, немецкой герцогине, по-своему родными…

В сентябре 1917 года она покинула Германию и обосновалась в Швейцарии, около Цюриха. Начались финансовые проблемы – ни из Германии, ни из России теперь, конечно, ничего не поступало, и ей только и оставалось, что надеяться на английскую пенсию. Ей пришлось обращаться к королю Георгу V, племяннику своего покойного супруга. Он помог, но Марию это уже не могло утешить. Ее одолевали мрачные мысли – ведь вести из России были поистине кошмарными. Что станется со всеми ее многочисленными родственниками? А судьба Германии, которую она так любила?.. Война закончилась, но Мария была опустошена,

здоровье ее покинуло. Тяжело переболев зимой 1918 года, она резко ослабла и постарела.

В октябре 1920 года Мария Александровна скончалась. Рядом с матерью в последние дни были младшие дочери, Александра и Беатрис. Похоронили ее в Кобурге, в герцогской усыпальнице.

Глава 5. Последние принцессы: Ксения и Ольга Александровны

Когда хаос Первой мировой войны и последовавших за ней революций утих, в мире проживало немало великих княжон – внучек, племянниц, кузин российских императоров. А вот дочерей оставалось только двое. Потому что четверых девочек Николая II уже не было в живых, дочки самопровозглашенного императора Кирилла Романова – не в счет… Оставались только две настоящие великие княжны, последние великие княжны: Ксения и Ольга Александровны, дочери государя Александра III. Девочки, когда-то называвшие правителя гигантской империи папой. Сестры последнего императора. Женщины, узнавшие, что счастье заключается вовсе не в том, чтобы стоять как можно ближе к трону…

Ксения родилась в 1875 году в семье наследника престола Александра и его супруги Марии Федоровны. История брака ее родителей сама по себе и печальна и радостна одновременно. Печальна, поскольку юная Мария София Фредерика Дагмар, принцесса Дагмар Датская, будущая Мария Федоровна, овдовела, еще даже не став женой – ее жених, старший сын и наследник Александра II великий князь Николай Александрович, умер от туберкулеза. Уже перед самым концом он просил свою Минни стать женой младшего брата, Александра. Так и случилось – несмотря на боль от потери жениха и брата, год спустя Дагмар и Александр обвенчались, к радости всей семьи Романовых, успевших полюбить обаятельную датскую принцессу.

«Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никс много молится за нас и, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы с меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она мне отвечала, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись».

И брак этот оказался очень удачным, несмотря на столь печальное начало.

Сперва родились сыновья – в 1868 году Николай (будущий император Николай II), год спустя – Александр (он, увы, умер совсем крошкой), в 1871 году – Георгий. И только на восьмой год брака рождается дочь. Далее с перерывом в три года появляется на свет еще один сын, Михаил.

В то время Александр все еще был наследником престола, но, когда Ксении было всего шесть лет, погибает от взрыва бомбы ее

дед, Александр II, так радовавшийся когда-то рождению первой, старшей, внучки. Его сын становится императором Александром III.

А спустя год уже не в семье цесаревича и цесаревны, а в семье императора и императрицы, в 1882 году, на свет появляется последний ребенок, Ольга. Багрянородный ребенок – ребенок, родившийся у царствующего монарха.

Быт семьи Александра III был весьма и весьма непритязательным. В книге воспоминаний, записанных со слов Ольги Александровны, рассказывается: «Спали они на походных кроватях с волосяными матрасами, подложив под голову тощую подушку. На полу – скромный ковер. Ни кресел, ни диванов. Венские стулья с прямыми спинками и плетеными сидениями, самые обыкновенные столы и этажерки для книг и игрушек – вот и вся обстановка. Единственное, что украшало детские – это красный угол, где иконы Божией Матери и Богомладенца были усыпаны жемчугом и другими драгоценными камнями. Пища была весьма скромной. Со времени царствования Александра II его супругой, императрицей Марией Александровной, бабушкой Ольги, были введены английские обычаи: овсяная каша на завтрак, холодные ванны и много свежего воздуха».

Иван Макаров. «Нагорная проповедь». Александр III с семьей (1889 г.)

В родительской любви эти дети недостатка не знали. И воспитывали великих князей и княжон далеко не так строго, как можно было бы предположить, – они катались на шлейфе матери-императрицы, использовали для игры в прятки огромные драгоценные китайские вазы, и даже швырялись за столом катышками из хлеба. Все это, конечно, было очень весело, но совершенно не аристократично и не могло не вызывать неодобрения некоторых высокопоставленных родственников. Но им приходилось оставлять свое мнение при себе – императорская чета воспитывала своих детей так, как считала нужным. Они получали отличное образование, с пользой тратили свободное время, а что до шалостей… Что ж, они ведь дети. И Мария Федоровна, и император Александр оказались очень внимательными родителями. Они не сдали детей на полное попечение многочисленных бонн и наставников, не

ограничивались, как многие, короткими утренними и вечерними встречами с детьми и формальным поцелуем в щеку. При всей своей занятости они всегда находили время и друг для друга, и для детей.

Вот одно из писем императора супруге, написанное, когда Ксения уже была подростком: «Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать дома, невесело родителям, да что же делать. Так оно в натуре человеческой. Да и Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для нее совершенно лишний; разговоров никаких, никогда ничего не спрашивает, ничего не попросит, а я был бы так рад сделать ей удовольствие хоть в чем-нибудь. Напротив, в прошлом году зимою, когда Ники не было, я ездил с нею раза два-три кататься в санях и сказал ей, что если и когда она захочет, чтобы сказала мне, и я с удовольствием возьму ее с собой, она ни разу не попросила меня. В эту зиму я надеялся, что она хоть раз сделает мне удовольствие и попросит покататься с ней, нет – я так и не дождался. Наконец, я сам ей предложил раз поехать со мною, но неудачно, так как она должна была поехать с тобою в этот день. Я надеялся, что она мне скажет хоть что-нибудь потом, что ей жаль, что не удалось, и что она попросит меня поехать с ней в другой раз, но не слыхал от нее ни одного слова, как будто я ей ничего не предлагал и ничего не говорил. Меня это очень, очень огорчило, но я не хотел об этом говорить, потому что мне было слишком тяжело, а главное к чему? Если этого чувства ко мне у нее нет, это значит, я виноват: не сумел внушить ей доверия и любви ко мне. Если бы я ей сказал об этом, она, может быть, и попросила бы меня в другой раз ехать с ней, но это шло бы не от нее самой, и мне было бы еще тяжелее. <… > Умоляю тебе ей ничего об этом не говорить, будет еще хуже, так как будет ненатурально и для меня еще тяжелее и окончательно это ее оттолкнет от меня. Я бы ни за что не сказал тебе об этом, да так уж с сердца сорвалось, слишком долго держал в себе, и теперь, так как я один и далеко, невесело мне все это, и вырвалось из груди!»

Мария Федоровна отвечала мужу: «Однако должна тебе сказать, что все, что ты пишешь в отношении детей, несправедливо. Как ты только можешь допустить мысль, что ты для них ничто! И что они тебя не любят! Это почти сумасшествие, мой дорогой. Я так огорчилась из-за тебя, что даже плакала и не могла заснуть вчера вечером, так меня это взволновало и перевернуло! Да, действительно Ксения не умеет показать то, что она чувствует. Я ей часто говорю об этом. Но ведь это скорее от ложной скромности, а вовсе не из-за отсутствия любви и внимания к тебе. Как только тебе такое могло прийти в голову?»

Да, Ксения росла и становилась более сдержанной – что ж, нежность можно было изливать на маленькую Ольгу, любимицу всей семьи, прозванную «Бэби». Впоследствии Ольга Александровна вспоминала: «Отец был для меня всем. Как бы ни был он занят своей работой, он ежедневно уделял мне эти полчаса. Когда я подросла, у меня появилось больше привилегий. Помню тот день, когда мне было впервые позволено поставить Императорскую печать на один из больших конвертов, лежавших стопками на столе. Печать была из золота и хрусталя и очень тяжелая, но какую гордость и восторг испытывала я в то утро. Я была потрясена тем объемом работы, которую Папа приходилось выполнять изо дня в день».

Так уж вышло: младшая, Ольга, была ближе к отцу, старшая, Ксения, – к матери. Жизни сестер протекали параллельно, соприкасаясь далеко не каждый день, в силу разницы в возрасте. Но они, тем не менее, были одной семьей.

Сохранилось множество фотографий – сестры с родителями, братьями, по отдельности, но есть одна, очень трогательная, где они, еще девочки, стоят обнявшись. Старшая и младшая, такие разные… и все-таки похожие.

* * *

Осенью 1888 года – Ксении было тринадцать, Ольге шесть – вся семья отправилась из Гатчины на Кавказ. А на обратном пути случилась трагедия – печально знаменитое крушение императорского поезда возле села Борки под Харьковом, катастрофа, стоившая жизни множеству людей и в которой семья императора не пострадала только чудом.

Кто знает, как сложилась бы история России, если бы чуда не произошло?.. Но, наверное, именно в этот момент абсолютно беззаботное детство закончилось для обеих сестер. Ольга Александровна вспоминала: «Мне было всего шесть лет, но я почувствовала, что над нами повисла непонятная угроза. Много лет спустя кто-то мне рассказывал, что когда я кинулась бежать от изувеченного вагона, то все время кричала: „Теперь они придут и убьют нас всех!“ Это вполне вероятно. Я была слишком молода, чтобы что-то знать о революционерах. „Они“ имело собирательное значение, слово это обозначало какого-то неведомого врага». В конце концов, дед, Александр II, погиб в результате теракта, и единственное место, где дети Александра III могли играть абсолютно свободно и без охраны, – в гостях у своих бабушки и дедушки с материнской стороны, в Дании…

Кстати, именно в Дании дети познакомились со своими многочисленными родственниками, английскими, греческими и датскими кузенами и кузинами. Ксения особенно подружилась с принцессой Марией Греческой, дочерью Ольги Константиновны, ставшей королевой эллинов, Ольге же, шалившей вместе с греческими кузенами-заводилами, симпатизировал герцог Йоркский (будущий король Георг V). Эти семейные, такие счастливые ежегодные каникулы и Ксения, и Ольга, и их братья будут вспоминать всю жизнь. Наверное, больше прочих ценила их именно сорванец Ольга – ей больше, чем уже подросшей и более женственной Ксении, нравились та свобода и те проказы, которыми были переполнены эти недели.

* * *

Шли годы. Ольга все еще оставалась девчонкой, а Ксения уже взрослела. Наверное, она могла бы оставаться с родителями еще несколько лет, пока те не подыскали бы ей подходящего кандидата среди иноземных принцев, но своего принца Ксения нашла себе сама.

Ксения и Сандро – Александр Михайлович Романов, сын Михаила Николаевича, внук Николая I и двоюродный брат Александра III – были знакомы, можно сказать, всегда. Ксении нравился статный родственник, а он с симпатией смотрел на девочку, которая была младше его на девять лет. В своих воспоминаниях Александр Михайлович писал: «Я вынимаю из бокового кармана маленький конверт, в котором находится карточка. Лучшие пожелания и скорое возвращение. Твой моряк Ксения. Я улыбаюсь. Она очаровательна. Когда-нибудь, может быть… Конечно, если Император не будет настаивать, чтобы его дочь вышла замуж за иностранного принца. Во всяком случае, Ксении еще нет двенадцати лет».

Моряк Ксения писала моряку Сандро – он окончил морское училище и почти постоянно находился в плавании, совершив, помимо прочего, кругосветное путешествие. Далее он побывал в Индии и Америке, стал лейтенантом, а потом и капитаном второго ранга – в общем, становился бывалым морским офицером. Их дружба с Ксенией продолжалась: «Я встречаюсь с Ксенией. Это уже не прежний сорванец, не Твой моряк Ксения. Ей уже исполнилось 14 лет, и мы очень дружны».

В первый раз Сандро попросил руки Ксении у ее родителей в 1893 году, когда ей было восемнадцать. Но император отложил окончательное решение вопроса минимум на год.

Спустя год все повторилось, однако Мария Федоровна не хотела терять дочь так быстро. Она метала громы и молнии и… в конце концов согласилась. Стараясь выглядеть не раздраженной, Императрица поцеловала меня и сказала: «Я не должна была бы тебя целовать. Ты ведь отнимаешь у меня дочь. Но что я могу поделать? Пожалуйста, передай своему отцу, чтобы он, по крайней мере, в течение года не показывался бы мне на глаза».

Что ж, влюбленные, можно сказать, дешево отделались. Но если Мария Федоровна и отдавала дочь замуж слишком рано, как она полагала, Ксения, по крайней мере, не собиралась покинуть Россию и расстаться с родителями.

Летом 1894 года состоялась свадьба. В воспоминаниях Ольги Александровны есть описание приданого сестры: «…Серебряная посуда, по крайней мере, на сто персон; туалетный набор из чистого золота из сотни с лишним предметов, дюжины бокалов, кубков с золотой каемкой и блюд с императорской монограммой, всевозможные шубы и накидки из горностая, шиншиллы, норки, бобра, каракуля и бесчисленное множество столов, гнущихся под тяжестью белья, фарфоровых изделий и предметов домашнего обихода. Ювелирные изделия превосходного качества. Жемчужные ожерелья, в некоторых до пяти ниток, свыше сотни жемчужин на каждой и, разумеется, колье – бриллиантовые, рубиновые, изумрудные, сапфировые – с тиарами и серьгами им подстать».

Свадьба старшей дочери императора проходила в соответствии со строгим протоколом, отточенным годами. Сандро писал: «За обрядом одевания невесты наблюдала сама Государыня при участи[и] наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Волосы Ксении были положены длинными локонами, и на голове укреплена очень сложным способом драгоценная корона.

Я помню, что она была одета в такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасия Михайловна и как все Великие Княжны в день их венчания. Я помню также бриллиантовую корону на ее голове, несколько рядов жемчуга вокруг шеи и несколько бриллиантовых украшений на ее груди.

Наконец, мне показали невесту, и процессия двинулась. Сам государь Император вел к венцу Ксению. Я следовал под руку с Императрицей, а за нами вся остальная Царская фамилия в порядке старшинства. Миша и Ольга, младшие брат и сестра Ксении, мне подмигивали, и я должен был прилагать все усилия, чтобы не рассмеяться. Мне рассказывали впоследствии, что хор пел божественно. Я же был слишком погружен в мои мысли о предстоящем свадебном путешествии в Ай-Тодор, чтобы обращать

внимание на церковную службу и наших придворных певчих».

Правда, свадьба закончилась происшествием. «Ропшинский дворец и соседнее село были так сильно иллюминованы, что наш кучер, ослепленный непривычным светом, не заметил маленького мостика через ручей, и мы все – три лошади, карета и новобрачные упали в ручей. К счастью, Ксения упала на дно экипажа, я на нее, а кучер и камер-лакей упали прямо в воду. К счастью, никто не ушибся, и к нам на помощь подоспела вторая карета, в которой находилась прислуга Ксении. Большая шляпа с страусовыми перьями Ксении и пальто, отделанное горностаем, – были покрыты грязью, мои лицо и руки были совершенно черны. Князь Вяземский, встречавший нас при входе в Ропшинский дворец, как опытный царедворец, не проронил ни одного слова…

Нас оставили одних… Это было впервые со дня нашего обручения, и мы едва верили своему счастью. Может ли это быть, что никто не помешает нам спокойно поужинать!

Мы подозрительно покосились на двери и затем… расхохотались. – Никого! Мы были действительно совсем одни. Тогда я взял ларец с драгоценностями моей матери и преподнес его Ксении. Хотя она и была равнодушна к драгоценным камням, она все же залюбовалась красивой бриллиантовой диадемой и сапфирами.

Мы расстались в час ночи, чтобы надеть наши брачные одежды. Проходя в спальную к жене, я увидел в зеркале отражение моей фигуры, задрапированной в серебряную парчу, и мой смешной вид заставил меня снова расхохотаться. Я был похож на оперного султана в последнем акте…»

Этот роскошный серебряный халат преподнес, по семейной традиции, будущему зятю сам император. Когда-то, в свою первую брачную ночь, он надевал точно такой же.

За первые двенадцать лет брака у супругов родилось семеро детей – Ирина (1895), Андрей (1897), Федор (1898), Никита (1900), Дмитрий (1901), Ростислав (1902), Василий (1907). «Сам я неизменно оставался при Ксении, пока все не было благополучно окончено. Чтобы облегчить ей родовые муки, придворный доктор давал ей обычно небольшую дозу хлороформа. Это заставляло ее смеяться и говорить разные забавные вещи, так что наши дети рождались в атмосфере радости. Каждый раз, при рождении ребенка, я считал своим долгом следовать старинному русскому обычаю. Он заключался в том, что при первом крике ребенка отец должен зажечь две свечи, которые он и его жена держали во время обряда венчания, а потом он должен завернуть новорожденного в ту рубашку, которую он надевал предыдущей ночью. Это, быть может, глупое суеверие, но мне казалось, что это

придавало больше уверенности Ксении».

Великая княгиня Ксения Александровна с дочерью Ириной

Но все это еще впереди, а пока вернемся в лето 1894 года. Свадьба Ксении, ее брак по любви отвлекли ненадолго всю семью от мрачных мыслей – император Александр чувствовал себя с каждым днем все хуже и хуже. Королева эллинов Ольга, двоюродная сестра императора и жена брата императрицы, предложила ему пожить на своей вилле на острове Корфу, но, увы, было поздно: когда семья перебралась в Ливадию, стало ясно, что морского путешествия Александр не переживет. Да уже и не было смысла ехать.

* * *

Двенадцатилетняя Ольга, его любимая Бэби, не отходила от отца. Однажды он попросил дочь потихоньку принести ему мороженого – врачи ведь не разрешают… Ольга побежала за советом к любимой няне Элизабет Франклин. «„Разумеется, принеси его твоему отцу, – тотчас ответила Нана. – Если он съест немного мороженого, это ничего не изменит. У него и без того радостей мало“. Я тайком принесла тарелку в комнату Папа. Какая это была радость видеть, с каким наслаждением он уплетал лакомство. Никто, кроме меня и Нана, не знал об этом, и мороженое ничуть не повредило Папа».

Конец был близок, это понимали все. 20 октября, в окружении любимой семьи, Александр III скончался. Ольга вспоминала: «Затем наступила мертвая тишина. Никто не рыдал. Мама по-прежнему держала Папа в своих объятиях. Тихо, как только возможно, все мы поднялись, подошли к Папа и поцеловали его в лоб и в руку. Потом поцеловали Мама. Казалось, словно туман, стоявший за стенами дворца, проник и в комнату, где мы находились. Все мы повернулись к Ники и впервые поцеловали ему руку».

У России теперь был новый император, Николай II. Своим новым положением был озабочен и он сам, и окружающие – хлопоты, связанные с его восшествием на престол, позволяли хотя бы ненадолго отвлечься от горьких мыслей. А вот маленькой Ольге приходилось хуже других. У всех членов семьи мужского пола были определенные обязанности, сестру Ксению поддерживал молодой муж (к тому же она обнаружила, что ожидает ребенка), и только Ольга была одна – вернее, рядом со своей верной Нана: «Мама в те дни я совсем не видела. Все время она проводила в обществе тети Аликс и, по-видимому, никто другой ей был не нужен. Аликс я знала недостаточно хорошо. В унылом Аничковом дворце я была одна-одинешенька. Не было даже парка, где я смогла бы потеряться. Все мы соблюдали строгий траур, и я не могла играть на своей скрипке. Уроков не было. Однако, несмотря на глубокий траур, не было и покоя! Вокруг была постоянная суета, иногда хотелось зареветь. И я бы заревела, если бы не дорогая моя Нана, которая успокаивала меня».

Аликс – невеста Николая, будущая императрица Александра Федоровна, а суета была связана с подготовкой к свадьбе, из-за траура более чем скромной.

Шли годы, жизнь «без отца» понемногу входила в свою колею. Ксения вместе с мужем и детьми, рождавшимися один за другим, проводила много времени в их Ай-Тодорском имении. Ольга же взрослела.

А взрослая великая княжна должна проводить время в обществе фрейлин, а не бывшей няни. Но Ольга была непреклонна и даже решилась на открытый конфликт с матерью – если ее любимую Нана отошлют, она сама сбежит вместе с ней. Вдовствующей императрице пришлось уступить. А с 1899 года – Ольге было семнадцать – ей предстояло выезжать в свет. Из маленькой девочки в детской, которая занята своими уроками, игрой на скрипке и живописью, ей предстояло превратиться в девушку на выданье.

Ольга не хотела этого, наоборот, боялась – ведь теперь ее могли выдать замуж и услать из России на родину супруга. Для Ольги это было равнозначно ссылке, ей даже снились кошмары по этому поводу. Брак Ксении с родственником был нарушением закона, предписывавшего царствующему дому вступать в браки с равными по крови членами иностранных династий. И, в случае с Ксенией, это было счастливое исключение, ей может так не повезти…

Но не было бы счастья – несчастье помогло. Выход Ольги в свет был отложен на год по причине смерти ее брата, двадцатисемилетнего великого князя Георгия, бывшего, пока у Николая II не родился сын, наследником престола. Но и эту потерю пережили, прошел год траура.

Великая княгиня Ольга Александровна

Летом 1900 года в честь юной великой княжны был устроен пышный прием. «В длинном бальном платье, в сопровождении несносной фрейлины, маячившей сзади меня, я чувствовала себя зверьком в клетке, которого впервые показывают публике. Вы знаете, это ощущение не покидало меня и впоследствии. Я всегда воображала себя зверьком, посаженным в клетку на цепь, всякий раз, как мне приходилось выходить в свет. Я видела толпу, и у толпы не было лица. Это было ужасно. Мне следовало бы помнить о своем происхождении и выполнять свой долг, не испытывая такого рода чувств. Тут кроется какая-то загадка: ведь я гордилась именем, которое я ношу, и своими предками, но где-то в душе гнездился вот этот непонятный страх…»

Она и в самом деле очутилась в клетке. Скорее, даже в ловушке. Ольга и оглянуться не успела, как оказалась помолвленной с принцем Петром Ольденбургским. Позже она вспоминала, как приехала в гости к Воронцовым, где ее отвели в

гостиную и закрыли за ней дверь: «Представьте себе мое изумление, когда я увидела в гостиной кузена Петра. Он стоял словно опущенный в воду. Не помню, что я сказала. Помню только, что он не смотрел на меня. Он, запинаясь, сделал мне предложение. Я так опешила, что смогла ответить одно: „Благодарю вас“. Тут дверь открылась, влетела графиня Воронцова, обняла меня и воскликнула: „Мои лучшие пожелания“. Что было потом, уж и не помню. Вечером в Аничковом дворце я пошла в комнаты брата Михаила, и мы оба заплакали».

Порой утверждают, что воспоминаниям Ольги доверять нельзя, что много лет спустя она могла уже смотреть на ситуацию по-другому и додумать детали, что на самом деле она хотела выйти поскорее замуж, чтобы освободиться от власти матери, но… Если не верить самому человеку, то кому же?

1901 год. Ольге уже девятнадцать, настала пора выдавать ее замуж, и Мария Федоровна устраивает этот брак, чтобы дочь продолжала оставаться рядом с ней, в России – Петр Фридрих Георг Гольштейн-Готторпский, герцог Ольденбургский, родился в Санкт-Петербурге, был по материнской линии правнуком Николая I, а по отцовской праправнуком Павла I.

Он был старше невесты на четырнадцать лет, азартный игрок, и терпеть не мог прогулки, музыку и живопись – как раз то, что интересовало Ольгу. Но ловушка захлопнулась, и в августе она стала женой герцога.

Брак стал западней в полном смысле слова. У принца были гомосексуальные наклонности, и как женщина Ольга его совершенно не интересовала. Брачную ночь она провела одна, и все последующие тоже. «Мы прожили с ним под одной крышей почти пятнадцать лет, но так и не стали мужем и женой, – вспоминала она. – Мое сердце было еще свободным, но я была связана узами брака с человеком, для которого я была всего лишь носительницей Императорской фамилии. Чтобы потрафить своей жесткой, честолюбивой матери, он стал номинальным зятем Императора. Если бы я вздумала рассказать кузену Петру о своем сердце, истосковавшемся по любви и нежности, он счел бы меня сумасшедшей».

К равнодушному мужу прилагалась острая на язык свекровь – нет, она не смела задевать невестку, сестру императора, но зато постоянно ссорилась с сыном. Свекор был тоже весьма вспыльчив, и хотя с Ольгой у него были хорошие отношения, это не очень утешало ее во время очередного семейного скандала.

В конце концов, благодаря брату Николаю, с которым у Ольги всегда были очень нежные, доверительные отношения, несмотря

на большую разницу в возрасте, она решилась жить отдельно от мужа.

Наверное, такая одинокая, несмотря на замужество, жизнь продолжалась бы еще много лет, если бы в апреле 1903 года на военном смотре в Павловске Ольга не встретила некоего офицера лейб-гвардии Кирасирского полка. Свою судьбу. Любовь с первого взгляда. «Я узнала, что мужчину зовут Николай Куликовский. Что он из известной военной семьи, хотя для меня такие подробности не имели никакого значения. Я просто сказала [брату] Михаилу, что хочу познакомиться с этим человеком. Михаил понял меня. На следующий же день он устроил обед. Как все это происходило, я уже и не помню. Мне было двадцать два года, впервые в жизни я полюбила, и я знала, что любовь мою приняли и ответили взаимностью».

Ольга Александровна не собиралась обманывать мужа, поэтому, не откладывая, отправилась к нему и попросила развод. Но с какой стати зятю императора было лишаться своего выгодного положения? Петр ответил равнодушным отказом.

Правда, герцог по-своему вошел в ситуацию своей супруги: назначил Куликовского своим адъютантом и Ольга Александровна могла видеться с ним постоянно. Она жила со своим возлюбленным под одной крышей, что было одновременно источником и радости, и мучений, но банальными любовниками они так и не стали. А годы шли… Чтобы заполнить дни чем-нибудь полезным и не имея своей собственной настоящей семьи, Ольга много времени проводила в семье брата Николая и его жены, к которой очень хорошо относилась, возилась с племянницами.

* * *

Тем временем в браке Ксении тоже не все было ладно. Будем откровенны: Сандро был большим поклонником женской красоты, и в его жизни до Ксении было множество женщин – от аристократок до японских гейш. Красивая юная жена на время притушила охотничьи инстинкты, но, рано или поздно, природа должна была взять свое. И она-таки взяла свое…

В 1906 году, когда Ксения с мужем и детьми была в Биаррице и ожидала рождения седьмого, последнего, как окажется, ребенка, у Сандро начался очередной роман.

Это оказалось концом их любви, но, как ни странно, не концом хороших отношений и дружбы. Отдельные спальни и формально совместная жизнь устраивали обоих. Ксения

занималась детьми, много времени посвящала благотворительности.

Спустя некоторое время и у нее появится сердечный друг – «Ф.», как называла она его в своих записях. По слухам, он был англичанином по фамилии Фейн. Виделись они не очень часто. Судя по письмам Ксении, Ф. был в нее влюблен. А вот она в него – неизвестно.

В 1913 году дочери Ксении и Сандро Ирине исполнилось восемнадцать лет – давно ли выходила замуж сама Ксения?.. И вот теперь состоялась помолвка, а в следующем, 1914 году, и свадьба Ирины с Феликсом Юсуповым – грандиозное торжество. Как окажется, одно из последних – начинался «не календарный – настоящий двадцатый век».

Война застала Ксению за границей, но, хотя она и имела возможность вместе с матерью, тоже гостившей в Англии, остаться там или в Дании, она все-таки возвращается в Россию. Как же иначе?

Она руководит большим госпиталем, возглавляет специальный комитет по обеспечению инвалидов войны протезами и т. д. Сандро, увлекшийся в свое время авиацией, теперь занимался новорожденным воздушным флотом.

Младшая сестра тем более не сидела сложа руки. Николай Куликовский уходит на фронт: «После его отъезда в Петербурге меня более ничто не удерживало. Город стал для меня темницей. Я пошла к мужу и сказала, что отправляюсь сестрой милосердия на фронт и что никогда не вернусь к нему. Он ничего не ответил. Думаю, что он мне не поверил». Она работает простой сестрой милосердия, чему многие не верят: сестра самого императора – и здесь, на фронте?

Но, несмотря на войну, страдания, кровь и грязь, Ольга Александровна была, наконец, счастлива. Сбылось то, о чем они с Николаем Куликовским мечтали тринадцать лет – а молодость тем временем уходила… Они поженились.

Мария Федоровна писала Николаю: «Я все понимаю и не упрекаю ее за ее стремление прежде всего к свободе, а затем к счастью, но она вынуждает тебя идти против законов семьи, – когда это касается самых близких, это еще больнее. Она – дочь и сестра Государя! Перед всей страной, в такое время, когда династия переживает такие тяжелые испытания и борется против революционных течений, – это грустно. Общество нравственно распадается, и наша семья показывает пример… Может быть, это нехорошо, но я надеюсь, что Петя не даст развода…»

Но Петр дал развод, а Николай одобрил новый брак – он видел, как все эти годы сестра мучилась, доходя порой до

нервных срывов. Марии Федоровне ничего не оставалось, как принять волю сына-императора. «Раз оно должно случиться, пусть случится теперь!» – писал тот.

И в ноябре 1916 года в киевской церкви Святителя Николая Ольга Александровна наконец обвенчалась с любимым человеком: «На церемонию пришли Мама и Сандро. Присутствовали также два или три офицера Гусарского Ахтырского полка и немногие мои подруги из числа сестер милосердия. Потом персонал лазарета устроил обед в нашу честь. Тем же вечером я вернулась на дежурство в палату. Но я была действительно счастлива. У меня сразу прибавилось сил. Тогда, стоя в церкви рядом с моим любимым „Кукушкиным“, я решила смело глядеть в лицо будущему, каким бы оно ни оказалось. Я была настолько благодарна Всевышнему за то, что Он даровал мне такое счастье».

А дальше – отречение Николая, больно поразившее всю семью, Февральская революция, отъезд, больше походивший на бегство – Ксения с детьми, Сандро, Мария Федоровна, Ольга и Куликовский собираются в крымском имении Ксении Александровны. Короткий период относительного спокойствия: «Те несколько недель, которые мы провели в Ай-Тодоре, казались чуть ли не сказкой. Была весна, сад был в цвету. У нас появилась какая-то надежда. Нас оставили в покое, никто не вмешивался в наши дела. Разумеется мы беспокоились о Ники и всех остальных. Ходило ведь столько слухов…»

В июне женился старший сын Ксении Андрей, а в августе у Ольги родился сын Тихон. Ее племянники уже начинают обзаводиться своими семьями, а она только-только дает жизнь своему первенцу.

Мария Федоровна писала Николаю: «Временами, когда кажется, что уже невозможно все это выносить, Господь посылает нам нечто вроде лучика света. Как раз в тот вечер, когда я чувствовала себя совсем потерянной, моя милая Ольга родила Baby, маленького сына, который, конечно же, принес в мое разбитое сердце такую неожиданную радость».

«Живем мы очень тихо и скромно… Мой новый внук Тихон нам всем, право, приносит огромное счастье. Он растет и толстеет с каж[дым] днем и такой прелестный… Отрадно видеть, как Ольга счастлива и наслаждается своим Baby, которого она так долго ждала… Она и Ксения каждое утро бывают у меня… Мы всегда голодны. Продукты так трудно достать, особенно белого хлеба и масла нам очень недостает, но иногда добрые люди нам помогают».

Но вскоре революция докатилась и до Крыма. Начались

обыски, у ворот имения поставили охрану. По иронии судьбы, единственными людьми, сохранившими свободу передвижения, были Ольга и ее муж-«простолюдин». Как писал Сандро, «мы состояли под домашним арестом и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения, на полутора десятинах между горами и берегом моря».

Вскоре всех, кроме Ольги и Николая, представлявших для новых властей куда меньший интерес, чем остальные Романовы, перевели в Дюльбер, где их удобнее было охранять. И от кого же?.. «Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский совет попробует захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты», – так говорил Сандро один из бывших учеников его авиационной школы, теперь сторживший Романовых.

Эта задержка в результате внутренних разногласий новых властей фактически спасла заложникам жизнь, ибо вскоре Крым взяли немцы. Мария Федоровна, ее дочери, зятья и дети снова были на свободе. С одной стороны, у крымских Романовых началась какая-то новая, не очень непонятная жизнь, с другой – все они чувствовали, что вот-вот что-то должно случиться, и терзались волнениями за судьбу остальных родных.

Ольга Александровна вспоминала: «Наша трагедия состояла в том, что, несмотря на ужасы, свидетелями которых мы были в 1917 году, никто из нас не мог предвидеть террора 1918 года. Я полагаю, именно это и явилось причиной крушения Дома Романовых: все мы еще воображали, будто армия и крестьянство придут нам на помощь. Это было слепотой и даже кое-чем похуже; многим из нас заблуждение это стоило жизни!»

* * *

В апреле 1919 года Ксения Александровна вместе с матерью и детьми – ее супруг уехал раньше – поднимается на борт английского военного корабля и покидает Крым.

Ольга же, которая снова ожидает ребенка, вместе с мужем остается в России. Они отправляются в Ростов-на-Дону – но Деникину и его армии эти осколки романовской династии не нужны, и тогда они уехали на родину своего телохранителя, камер-казака Тимофея Ящика, в станицу Новоминскую. Именно там, в деревенской хате, и родился второй сын Ольги Александровны, внук и племянник бывших российских

императоров Гурий Куликовский. Но они, семья, были вместе и были счастливы…

Тем временем «красные наступали», и Ольге с мужем пришлось снова бежать. Снова в Новороссийск, где они смогли сесть на торговое судно, отплывавшее в Турцию. «Мне не верилось, что я покидаю родину навсегда. Я была уверена, что еще вернусь. – У меня было чувство, что мое бегство было малодушным поступком, хотя я пришла к этому решению ради своих малолетних детей. И все-таки меня постоянно мучил стыд».

Вскоре они покидают лагерь для беженцев на острове Принкипо и отправляются в Белград – будущий король Сербии Александр I, в то время регент (его супругой была Мария, внучатая племянница Александра III), предложил Ольге Александровне и ее семье остаться в Сербии, но та должна была присоединиться к матери. Ксения Александровна и Мария Федоровна между тем прибыли в Англию, а потом уехали в Данию. Оттуда мать звала к себе младшую дочь.

Вдовствующая императрица и ее дочери поселились в одном из флигелей королевского дворца Амалиенборг. Но если когда-то, во времена правления отца Марии Федоровны, датской принцессы Дагмар, Дания была для ее детей вторым домом, то теперь все изменилось. Король Христиан X был вовсе не в восторге от того, что ему пришлось предоставить кров своей тетке и кузине, изгнанницам из России. До тех пор, пока другой племянник, английский король Георг V, не назначил Марии Федоровне содержание, отношения между датским правителем и новоявленными бедными родственниками были весьма напряженными. Продать свои драгоценности, по совету экономного датского короля, Мария Федоровна категорически отказывалась: это противоречило ее женской натуре – она обожала творения ювелиров, к тому же в данном случае они были памятью о прошлом…

Вскоре бывшая российская императрица со своей семьей переезжает во дворец Видере – им владели совместно Мария Федоровна и две ее сестры. Но старшая сестра была ныне вдовствующей королевой Англии, младшая – герцогиней Камберлендской, так что, конечно же, они уступили дворец в полное распоряжение сестры-изгнанницы. Теперь Мария Федоровна могла жить достойно своему высокому статусу.

Ксения Александровна решила уехать из Дании в Англию, а Сандро, с которым они фактически расстались, жил теперь в Париже. Увы, приехать в Англию он не мог, не имея разрешения британского правительства, а оно его не спешило выдавать. Да, хотя и не разведенные, они давно уже не были мужем и женой,

но… семьей все-таки быть продолжали.

И кто будет теперь содержать ее, оставшуюся, как и остальные члены семьи Романовых, без средств к существованию? К счастью, на помощь снова пришел английский король, выделивший кузине Фрогмор-коттедж в Виндзорском парке.

Теперь Ольга, а не Ксения, была ближе к матери – она явилась главной ее опорой на закате жизни. Ольга Александровна должна была находиться при матери фактически неотлучно, а ведь у нее была своя семья – муж и маленькие дети.

Интересно, но вдовствующая императрица даже теперь относилась к своему зятю, мягко говоря, свысока – кем он был в глазах датской принцессы и русской императрицы? Так что его даже не приглашали к столу, когда у Марии Федоровны были гости. Но Николая Куликовского это если и расстраивало, то виду он никогда не показывал. Главное, что он был вместе с Ольгой и детьми.

Мария Федоровна прожила в эмиграции девять лет – чаще всего наедине со своими воспоминаниями, рядом с Ольгой и ее семьей. В гибель Николая и его детей она так и не смогла поверить. Ксения Александровна старалась навещать мать, как только могла. В октябре 1928 года вдовствующая императрица скончалась… Племянник, король Дании, сперва не собирался устраивать тетке пышные похороны – к чему? Но потом все-таки, по словам Ольги Александровны, уступив давлению общества, изменил свое решение.

На похороны съехались представители от всех европейских монархов и, конечно же, Романовы – те, кто выжил… «Я с иронией наблюдала за ними, – многие из них даже не вспоминали о Мама, когда она жила в изгнании». Последние годы Мария Федоровна не была нужна никому, кроме своих дочерей. Зато после нее осталось то, что представляло интерес для немалого количества людей – шкатулка с ее знаменитыми драгоценностями.

Она не хотела с ними расставаться даже тогда, когда нужда в деньгах была довольно сильной. Нет, Мария Федоровна просто хранила их – уже, скорее, как память о прошлом, а не как ценности. А после ее смерти содержимое шкатулки, и до того очень интересовавшей родственников, да и не только их, было мгновенно продано.

Ольга Александровна, «жена простолюдина», принимала в этом мало участия – почти всем занималась Ксения Александровна. Деньги от продаж в конце концов были поделены, но отношения между сестрами стали натянутыми. Равнодушная к материальным благам, Ольга Александровна была обижена тем,

как ее отстранили от решения вопросов, касавшихся семьи.

Старшая сестра по-прежнему живет в Англии, но регулярно ездит в Париж. В 1932-м она срочно выезжает на юг Франции, где ее муж, Сандро, лежит при смерти. Он протянет еще немного, до конца февраля следующего года.

Когда он умирал, Ксении не было рядом. Она примчалась сразу же, как только дочь Ирина вызвала ее… но не успела. Сандро давно не был ее счастьем – но он был счастьем ее молодости, отцом ее детей. Говорят, что Ксения Александровна до конца жизни хранила телеграммы с соболезнованиями, которые прислали со всех концов Европы…

А в 1936 году умирает король Георг V, ее кузен и друг, на которого она опиралась все последние годы – новая потеря. Она переезжает из Фрогмор-коттеджа (по требованию нового короля, Эдуарда VII) в другой, рядом с Хэмптон-кортом.

Тем временем дворец, в котором последние годы жила вместе с матерью Ольга Александровна, удалось продать, и на вырученные деньги они с мужем в 1932 году купили ферму Кнудсминне неподалеку от Копенгагена. «Это была скромная крестьянская усадьба, которой было далеко до дворца или замка, но для нас это был семейный очаг. Нас ожидал тяжелый труд, но я была готова ко всему. Я понимала, что в тысячу раз лучше жить бедным изгнанником среди бедных крестьян, чем среди владетельных богачей и аристократов. <…> То были спокойные годы. – У меня были муж и сыновья. Никто не вмешивался в нашу жизнь. Богатыми мы не были, но на жизнь нам хватало. Все мы много трудились, и какое же это было счастье – жить своей семьей, имея собственную крышу над головой».

На ферме трудился и сам Николай Куликовский, и сыновья, и нанятые работники, хозяйство вели Ольга Александровна и «Мимка» – ее верная старенькая служанка, приехавшая с ними из России. И наконец-то Ольга Александровна смогла спокойно заниматься тем, что влекло ее с юности – живописью.

Она не была «большим художником», но определенный талант у нее, несомненно, был – написанные нежными, пастельными тонами пейзажи и бытовые зарисовки пользовались популярностью, выставлялись и довольно успешно продавались. А деньги шли в основном на благотворительные цели, так же как и средства, вырученные от продажи расписанного Ольгой Александровной фарфора.

Кроме того, она вела обширную переписку, поддерживала русских эмигрантов, навещала родственников и сама принимала гостей… Маленькая хозяйка маленького дома ни минуты не сидела без дела.

Тихон и Гурий давно выросли и служили в датской Королевской гвардии – сохранилась фотография, где мать стоит между двумя высоченными, красивыми и статными сыновьями. Все трое смеются и выглядят по-настоящему счастливыми.

Но в 1939 году снова начинается мировая война, уже вторая.

Лондон бомбят, и король Георг VI помогает Ксении Александровне переселиться в Шотландию, где она и проведет всю войну. Увы, ее многочисленная семья разбросана по всему миру и поддерживать с ними связь теперь невероятно трудно – остается только переживать. Рядом с матерью проживает только сын Федор – он болен туберкулезом и лечится в санатории неподалеку. Изредка доходят вести из Дании…

В апреле 1940 года Дания была оккупирована Германией. На сторону последней перешло множество эмигрантов из России, и Ольга Александровна оказалась в сложном положении: в Дании она нашла приют, это была родина ее матери, сыновья служили в датской армии и были женаты на датчанках – словом, Дания была страной, по-настоящему ставшей ей близкой и дорогой. Но и от своих соотечественников, будучи русской, Ольга Александровна отвернуться не могла, пусть даже теперь на некоторых и была нацистская форма. И это ей припомнят. К тому же страна-победитель Советский Союз начинает требовать у Дании выдать Ольгу Александровну, помогающую беженцам из России.

Поэтому жизнь в Дании по окончании войны не становится для нее и ее семьи более безопасной, скорее даже наоборот. Поэтому в 1948 году они уезжают в Канаду – тихо, полуофициально, в качестве «сельскохозяйственных иммигрантов». «После того, как в тумане скрылись свинцовые берега Англии, мне показалось, будто опустился некий занавес, оставив позади годы жизни, проведенные в России и Дании. Конечно, я твердо знала, что никогда больше не увижу Европу. Но я знала и то, что до конца своих дней сохраню в своей памяти много дорогих и милых сердцу воспоминаний».

В шестьдесят шесть лет Ольга Александровна покинула Старый Свет и вынуждена была учиться жить в Новом. «Увидев бескрайние просторы, я была поражена. Мне показалось, будто я дома. Все напоминало мне огромные пространства России».

Они приобрели ферму неподалеку от Торонто, но наладить ее работу так, как это было в Дании, не удалось, и вскоре Тихон и Гурий вместе с семьями переселяются в город.

Здоровье Куликовского ухудшается, и, в конце концов, продав ферму, на которой он уже не мог работать, они с Ольгой Александровной переселяются в маленький коттедж в Куксвилле. Жизнь осложняется все больше – здоровье мужа продолжает

ухудшаться, Мимка слегла от удара, и всю оставшуюся ее жизнь (несколько лет) Ольга Александровна сама обхаживает свою старенькую служанку, давным-давно ставшую членом семьи, и полностью ведет хозяйство. Денег становится все меньше, но это не мешает ей продолжать заниматься благотворительностью.

Словом, жизнь Ольги Александровны нелегка – но она не унывает. А обширная переписка с самыми разными людьми, от аристократических родственников до «простолюдинов», весьма и весьма поддерживает ее.

А поддержка ей нужна. В 1958 году умирает муж – человек, которого молодая великая княжна полюбила когда-то с первого взгляда и с которым прожила сорок два года. Воистину «в радости и печали, болезни и здравии»…

Она и сама все больше слабеет, однако упрямо отказывается обратиться к врачам. «Мне кажется, что боль меня больше не отпустит, поэтому стараюсь к ней привыкнуть. Солнце светит, я гляжу в окно и чувствую себя счастливой – было бы гораздо хуже, если бы я ничего этого не видела…»

В 1960 году умирает Ксения Александровна. Последние двадцать лет с ней провела монахиня «матушка Марта», а с 1953 года с ней живет и один из внуков, Александр. Дети, внуки и правнуки навещали ее, она, как и сестра, вела активную переписку, но старость и болезни атаковали ее. И вот теперь, в апреле 1960 года, Ксения Александровна уходит из жизни… Ее похоронили во Франции, рядом с Сандро.

Ольге Александровне, которую к тому времени все-таки удалось уложить в больницу, о смерти сестры не сказали – не стали тревожить. Ее состояние к тому времени было очень серьезным, но помочь ей уже было нельзя. Свои последние месяцы она провела в маленькой квартире старых друзей, гвардейского капитана Мартемьянова и его жены. В ноябре 1960 года Ольга Александровна скончалась.

Ксения и Ольга, дочери императора, сестры императора, последние великие княгини, прожили долгую жизнь. Одна – восемьдесят пять, другая – семьдесят восемь лет. Они были такими разными – но все-таки сестрами. Они потеряли очень многое, почти все. Они очень многое отдали. Как сказала однажды Ольга Александровна, «…иногда мне приходило в голову, что нам, Романовым, лучше бы родиться без сердца». Однако сердце у них было. А у Ольги Александровны сердце было просто золотое.

notes

Примечания

1

Все даты даются по старому стилю.